

Валентина Болгова

*Багульника
манящие
цветы*

2 том

Валентина Болгова

Багульника манящие цветы. 2 том

«Издательские решения»

Болгова В.

Багульника манящие цветы. 2 том / В. Болгова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-853704-2

Книга является продолжением «Багульника манящие цветы. Том 1». Роман о строителях БАМа, о стойкости в своей вере, преданности дружбе и идеалам, а самое главное — любви. В центре художественного повествования — судьбы семьи Павла и Катерины Егоровых, их родителей — Степана и Евдокии, а также друзей — Раисы и Сашко. Каждый из них проходит свой жизненный путь, полный драматизма.

ISBN 978-5-44-853704-2

© Болгова В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	36
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Багульника манящие цветы

2 том

Валентина Болгова

*Мужу Владимиру,
Его друзьям и всем,
Кто участвовал в строительстве
Северомуйского тоннеля
ПОСВЯЩАЮ!*

© Валентина Болгова, 2017

ISBN 978-5-4485-3704-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

БАМ набирал обороты; захлёстывал сводками о возведённых мостах через реки и речушки, о сдаче мысовых тоннелей, километров железнодорожных полотен.

Кипела работа и в столице тоннельщиков – Северомуйск.

Главный тоннель и штольня продвигались вперёд, заставляя непокорную скалу сдавать свои позиции. На помощь проходчикам в штольню доставили американский щит Robins для крушения породы. Дело пошло, да только когда попался мягкий грунт, проходка притормаживала, останавливалась из – за того, что шарошки щита то и дело приходилось отчищать от мягкого грунта, вытаскивать утопающий щит.

Ох, и намучались проходчики с этим щитом! Но, так или иначе, метр за метром проходчики продвигали американский щит вперёд...

Павел с грузином с головой ушли в работу – её было столько, что сил оставалось только на то, что – бы принять душ, да дома немного отдохнуть.

Раиска с Катей работали в своём маркшейдерском отделе, и смена за сменой, вместе с проходчиками, приближали сбойку с третьим стволом. Не таким уж и большим было это расстояние, да пробить скалу было не так уж и просто.

Трудным оказалось строительство этого тоннеля. Дело не шуточное – пятнадцать километров сквозь толщу хребта. Крепким орешком оказался Северомуйский тоннель.

Эта была настоящая битва людей со скалой. Не хотела она сдаваться. Люди врезались в неё со всех сторон. Продвигались шаг за шагом, но скала огрызалась; выбрасывала на людей воду из себя, выкидывала песок, который словно волны на море в шторм с бешеной скоростью несутся, догоняя человека, пытаясь поглотить его в своей пучине...

Люди не сдавались, гибли, но шли и шли вперёд...

Работая сменным маркшейдером, Раиска, будучи ответственна за каждый пройденный сантиметр штольни, в силу этих обстоятельств, никак не могла выбрать время, что – бы поехать к родителям и привезти Митю.

Каждый рабочий день был насыщен надеждами на то, что именно сегодня повезёт пройти больше намеченного плана. Хотя бы на несколько сантиметров больше и это было бы уже победой.

Заходили в штольню знакомые художники с Питера. Разговаривали с Раиской, как с землячкой, и поистине удивлялись и восхищались совсем не женской её работой. Там, в большом тоннеле сухо и светло, работаетя намного легче, чем здесь, в этой маленькой штольне, где сыро и пасмурно, почти как в Ленинграде.

Раиска смеялась, уверяя художников, что к работе своей она привыкла и штольня для неё, что дом родной. Всё звено, в котором она работает, стало для неё так же родным.

Дав согласие на то, что обязательно сдадут свою штольню в положенный срок, Раиска развернула треног, что – бы установить нивелир.

Вспоминая слова, только что сказанные художниками в её адрес, засмеялась:

– Ясный компот, что не женская здесь работа! Такие словечки услышишь порой от проходчиков – уши вянут! Вместо модных туфель – на ноге резиновые сапоги сорокового размера, из одежды – куртка прорезиновая, на голове каска с фонарём – всё это неудобно и очень мешает, да только по – другому здесь нельзя. Со свода штольни без конца капает, под ногами река течёт – сброс воды из большого основного тоннеля.

Установив нивелир, оглянула тусклый забой, усмехнулась про себя:

– Вы не знаете нашу Катерину! Это её бредовая идея – попасть на передовую, в этот таёжный край. Байкал ей подавай! Ну, увидела бы этот Байкал, потрогала бы его руками, да и назад бы, в свою Москву. Так нет! Ей нужно совершать подвиги вместе со всей своей стра-

ной! А мы, стало быть, за ней тоже потянулись. Первое время думала – что мне в Ленинграде не сиделось?

Но всё же, я теперь думаю совсем иначе!

Сделав шахтёрской лампой знак Кате, которая вдалеке держала рейку, Раиска вспомнила, что именно в этом посёлке была её свадьба.

Не совсем ещё веря этому случившемуся факту, произнесла улыбаясь:

– Надо же! Кто бы мог подумать, что я на БАМе выйду замуж! Сашко обещал ей сегодня снова приготовить своё национальное блюдо из мяса, благо, что этого мяса здесь предостаточно.

Грузин последнее время без конца надоедал с вопросами о том, когда же, наконец, она, Раиска поедет за сыном?

У Павла к грузину вернулись прежние дружеские чувства. Теперь они дружили семьями, бегали по выходным дням друг к другу в гости и все были в ожидании Мити.

Лёнька тоже часто приставал с этим вопросом к Раиске и она, сама скучая о сыне, обещала, что как только начнутся каникулы, так сразу же и поедет за сыном. Её сынишка в этом году кончает третий класс. Раиска постоянно всматривается в фотографии сына, которые присылают ей родители. Вот фото, когда Митя пошёл в первый класс.

Когда – то Раиска с трепетом ждала этого момента, что – бы повести своего сынишку за руку первого сентября.

Но не смогла она это сделать.

Бабушки и дед были рядом с её сыном в такой важный и волнующий момент.

Ну, ничего – совсем скоро она сможет обнять Митю, что – бы уже никогда не расставаться. Даже не верится, что скоро они будут вместе.

Паша и её Митя – как встретятся они? Что будут чувствовать их сердца при встрече друг с другом?

Павлу тоже не терпелось, поскорее познакомиться с Раискиным сыном. Ему было интересно найти в мальчике черты своей подруги детства, узнать его характер и был уверен, что и Лёнька и Митя обязательно подружатся.

Ему казалось, что совсем недавно они с грузином встретились на вокзале в Слюдянке. Совсем недавно они плыли навстречу бамовской жизни на барже. Многое казалось недавним, а вот уже три с половиной года, как они здесь.

Бамовский посёлок рос на глазах. Там, где недавно были одни сосны, теперь красуются домики с антеннами на крышах. В больничном городке дымятся трубы. Рядом с новой гостиницей киоск, где можно купить журналы, значки, лотерейные билеты.

Большой стадион радует глаз и призывает поиграть в футбол или просто погонять мяч. Во всех домах центральное отопление, вода. Теперь не нужно дожидаться водовозку и бежать к ней с ведрами.

Но много ещё нужно сделать.

Начальник отряда – человек неугомонный. Ему хочется, что – бы в его посёлке люди жили как в больших городах. Что – бы могли после работы хорошо отдохнуть.

Для этого в клубе была своя художественная самодеятельность, что – бы можно было в праздники посмотреть концерт.

Работали все социальные структуры.

Посёлок вовремя чистили, убирали мусор, подметали, разбивали цветники и ревностно следили за его чистотой.

А весной 1980 году художники Ленинграда подарили Северомуйцам свои произведения. Это были живопись, скульптуры, графика.

День был солнечный, и у всех жителей посёлка было праздничное настроение.

Гремела музыка, на площади собрался народ, и это был поистине праздник союза труда и искусства. Лёнька со своим другом Виталиком разглядывали картины, на которых красовались строители Северомуйского тоннеля и вглядывались в знакомые лица.

Ребята узнавали окрестности своего посёлка, узнавали своих сверстников на полотнах и удивлялись – насколько красивы его пейзажи! При себе у них имелся фотоаппарат и мальчишки с большой радостью и вдохновением делали снимки.

На одной из картин Лёнька узнал своего отца. Он стоял во весь рост на монтирующем проходческом щите и в руках держал горелку. Сварочная его маска была откинута назад, его гордая поступь, и весь его взгляд говорил о том, что и он сам, и его друзья покорят Северомуйский тоннель.

Виталик ходил следом за Леонидом и переживал, что отца своего, который работает в бригаде с Лёнькиным отцом, на картинах он так и не обнаружил.

– Не переживай, Виталька, стройка всё ещё продолжается. Придёт время, все войдут в историю. Надо только всем нам стараться, что – бы, когда – нибудь, по нашему тоннелю пошли поезда.

Виталик соглашался, но Лёнька замечал в его глазах грусть.

Написанные портреты земляков были настолько правдоподобны, что казалось вот, вот они сойдут с полотен.

Все жители посёлка были благодарны своему начальнику отряда. Это он сделал всё возможное, что – бы эта выставка состоялась именно в их Северомуйске.

Лёнька испытывал просто ликование. Ещё бы! Не каждый имеет возможность посто-
ять рядом с настоящим художником их Ленинграда. Не каждый мог с ним сфотографиро-
ваться, как он. Молодые художники, приехавшие к ним на открытие выставки, вручали жите-
лям посёлка красивые пригласительные билеты на эту галерею. У Лёньки такой билет тоже был.

Раиска с Катей медленно ходили вдоль картин, всматриваясь в лица знакомых по работе и по соседству, людей.

Высокое чувство охватывало их за своих товарищей, с которыми они бок о бок трудятся на строительстве уникального тоннеля. В суровых условиях все они здесь совершают подвиг, не придавая большому значению неудобства своего быта.

– Посмотри, Раечка, на лица наших ребят. Художник передал мельчайшие детали. Все такие важные, знают, что их рисуют, стараются изо всех сил показать важность на лице, да только не скрыть светящихся радостью глаз к своему делу. Усталые эти глаза, но всё же счастливые. Никогда бы я не подумала, что оставив свой привычный уют с балконом, с горячей водой и тёплым туалетом, можно стать вполне счастливой в маленьком таёжном посёлке, живя в деревянном щитовом бараке, с людьми, приехавшими со всех городов нашей страны. Гордость переполняет меня за наших героев, которых написали художники.

– А мне кажется, что все, кто так или иначе причастен к этому строительству, герой. Разве можно всех написать? Полотен не хватит. Разве не герои наши первопроходчики, кото-
рые идут впереди с топорами, прорубая просеки по болотам? Разве не герои наши девчата
из маркшейдерского отдела? Имея семью, мужа, детей, отправляясь каждый день на смену,
думают про себя, что могут не вернуться обратно.

А баня! Это тебе не игрушки – натопить так, что – бы всем хватило пару, воды и веников.

Спасибо и этой выставке, она даст возможность многим понять, что в нашей стране есть настоящие люди, идущие впереди, стараясь сделать лучше и краше нашу Родину. Мы же здесь, стали все родными и близкими людьми.

– Людьми разными по национальности, ранее незнакомыми, но ставшими теперь самыми лучшими друзьями, – добавила Катя.

Посмотрев друг на друга, они улыбнулись, и каждая поняла, что именно этот маленький посёлок в далёкой глуши объединил их, и сделал их самыми любимыми и неразлучными подругами.

Они вместе шагали в свою штольню, которую успели полюбить даже за её далеко не приветливый приём.

Темнота сырость и некое волнение охватывала любого, кто входил под её невысокие своды. Но это только для новичков. Для тех, кто там уже отработал не один день, обстановка была довольно таки привычной. Уже не было так жутко от полумрака и шума сточных вод из большого тоннеля. Не страшно было от проваливающего под воду деревянного трапа, запланированного взрыва в далёком забое.

Раиска с Катериной уже были со своей штольней давно на ты и очень её полюбили.

Разговаривали с её хозяином, оставляя для него иногда на тубингах конфеты или ещё какие –нибудь сладости. Надо было задобрить домового, смягчить его душу к тем, кто вторгся в его владения.

Такие поверья были у тоннельщиков.

Лёнька жил кипучей своей деятельностью и находил со своими друзьями столько дел, что дома практически не бывал.

Но когда была плохая погода, или у него не было настроения идти гулять, он доставал свою красивую коробку из под конфет, открывал её, и начинал экскурсию в прошлое;

Вот железный большой рубль – бабушкин подарок. Антошкин магнит и Стёпкино увеличительное стекло. Теперь добавился пригласительный билет с художественной выставки.

Лёнька достал пуговицу, что подарила ему проводница, вспомнил поезд, поскучал по тем, с кем пришлось расстаться.

Вспоминая всех, рассматривая вещички, Лёнька на некоторое время чувствовал присутствие всех тех, кто подарил ему все эти сувениры. После этого ему становилось легче.

Он складывал всё это в коробочку до следующего раза и очень бережно и ревностно берёг всё это своё сокровище. Решил про себя, что хорошо было бы найти красивые камушки этого края и пополнить своё богатство, что бы потом показать их друзьям, которые остались у него в Москве.

Лёнькина жизнь на БАМе шла полным ходом; он бегал на занятия в музыкальную школу, ходил в бесконечные походы с друзьями и с родителями.

Он уже умел разжигать костры даже в дождливую погоду, ловить рыбу и варить уху...

Недавно им учительница сказала о том, что бы все дети к осени принесли фотографии своего края и написали об этом сочинение. Лёнька решил сделать целый альбом с фотографиями. Папа купил плёнку для фотоаппарата и пообещал сыну, что вместе с ним обойдут все окрестности посёлка и сделают хорошие снимки. Отец для этого время так и не нашёл, и Лёнька со своим другом Виталиком отправились за посёлок одни. Залезли на сопку, откуда можно было видеть весь посёлок, стали высматривать подходящий пейзаж. В планах у ребят нужно было сфотографировать и речку, и новый спортивный комплекс, за которыми виднелись красивые вершины хребта. Много еще чего нужно было сфотографировать. Главное успеть запечатлеть начало строительства. Жалко, что Лёнькины родители приехали сюда не с первым десантом, а уже позже, но ещё не всё потеряно – ещё вовсю идёт строительство и можно пополнить свой альбом кадрами, которые потом станут историей. Например, площадку Восточного портала, откуда начинается вход в тоннель, нужно обязательно запечатлеть. Как не запечатлеть вездеход на пьедестале при въезде в посёлок! Посёлок, который как на ладони виден, если залезть на сопку, ведущую в аэропорт, тоже нужно сфотографировать. Жалко, что снимки эти не будут цветными. Повесив на сосну свои рюкзаки, в которых были картошка и хлеб, мальчишки решили на этом месте разжечь костерок, испечь картошку, что бы поход прошёл не зря. Костёр они разведут только после того, как сделают хотя бы половина того, что задумали. Сде-

лав несколько снимков и заметив сосну, на которой оставили свои рюкзаки, юные фотографы отправились налегке дальше...

Степан стал ожидать приезд Дуси. Паша обещал, что будет просить свою мать приехать к тётке Наде и отцу, так как сам он приехать не может по состоянию своего слабого здоровья.

Шло время, Степан ждал, а его Дуся так и не появлялась. Каждый стук в дверь или в окно отзывалось в нём волнением. Он ждал телеграмму от Евдокии и выглядывал у калитки каждый день почтальона. Надя, тревожась за его состояние души, наконец – то не выдержала и уговорила поехать к сыновьям. Это было для Степана спасением. Понимал он, что ещё несколько дней и не выдержит его сердце.

Позвонив Ване в Северомуйск, что – бы тот за ним приехал, Надя стала собирать Степана в дорогу.

Как ни странно, но Степан согласился поменять обстановку. Ко всему прочему, ему так хотелось увидеть ещё раз Пашу, увидеть его жену и детей. Да и уедет он ненадолго. А если за это время приедет его Дуся, то Надя сделает всё возможное, что – бы она Степана обязательно дождалась.

Иван приехал незамедлительно и уже через два дня они были с ним в бамовском посёлке.

Степан нисколько не пожалел, что приехал сюда.

Он увидел своих внуков. Как похож Лёня на Пашу!

Танюшка не отходила от деда и, стесняясь, поглядывала на него, улыбаясь своими ямочками на щёчках.

Грузин радовался приезду Пашкиного отца, словно своего, называл его отцом и был от этого счастлив. А когда пригласил его к себе и представил ему Раиску, Степан долго не мог прийти в себя – в малышке, которую когда – то он знал, улавливал знакомые черты, а когда узнал, что перед ним дочь его друга Тимофея, присел, взявшись за сердце:

– Вот как бывает, дочка! Как непредсказуема судьба человека!

Какая всё же у него мудрая Надя! Это благодаря ей, он может сейчас общаться со своими детьми и внуками. Почему раньше не догадался сам приехать сюда, в этот посёлок, что – бы быть ближе к сыновьям?

Лёнька, поглядывая на своего деда, с нетерпением ждал того часа, когда он сможет с ним посекретничать. А когда они, наконец – то остались наедине, он поведал деду свою тайну... —

Лёнька вспомнил, как однажды его родители вернулись из клуба возбуждённые.

И хотя было уже достаточно поздно, они разбудили сына и объяснили обстановку, которую поведал всем перед фильмом участковый. У них могут в посёлке находиться сбежавшие заключённые. Эти бандиты, в поисках документов, еды или одежды, могут наведаться в любое место и к каждому. Поэтому нужно быть всем предельно внимательными и по малейшему подозрению всё сообщать в милицию. Убедившись, что Лёнька уже окончательно проснулся, Катерина требовательно произнесла:

– С завтрашнего дня со школы – сразу домой. И не забывай закрывать на ключ дверь, а то она у тебя всегда нараспашку! Забегут эти ироды, вас с Танюшкой напугают. Так что, хотя бы первое время посидите под замком. Может их быстро поймают, тогда можно и расслабиться. Сейчас нужно быть бдительным, сынок. Мы не можем с вами сидеть дома и ждать, когда бандитов поймают. Нам надо работать, у нас план, тоннель. Паша, прикажи построже своему сыну, он должен позаботиться не только о себе, но ещё и о сестре.

– Ты понял, Леонид, о чём идёт речь? Напоминаю – на тебя вся надежда. Мы на работе, а ты здесь, дома, отвечаешь за себя и за Танюшку. Знай, что мы с мамой на работе будем очень за вас волноваться.

– Я всё понял, не маленький. Под замком, так под замком. А как же школа? Может пока не ходить? Тогда и Танюшку в детский сад можно не водить.

– В школу и в детский сад ходить надо, а вот выходить гулять после школы не стоит. Можно найти себе занятия и дома.

Лёнька тогда снова улёгся на кровать. Закрыв глаза, пожал плечами, проговорил сам себе:

– Ладно, будем сидеть после школы дома. Той ночью ему снилось, как они с Виталькой ловили бандитов и им вручали за это награды. На следующий день Лёнька, как приказывали родители, после школы забрал Танюшку из детского садика, а после того, как вошли в квартиру, закрылись на ключ. Вскоре к ним в дверь постучали.

– Лёнь, это, наверное, бандиты. Не открывай – прошептала испуганно Танюшка, зная уже историю про сбежавших заключённых от брата.

– Это Виталик. Он обещал прийти к нам со школы. Виталик быстро заскочил в комнату и, запыхавшись, произнёс:

– За мной никого, я наблюдал. А вообще – то в наших лесах долго те бандюги не продержатся – их просто сожрут комары. Танюшка убедительно кивнула головой:

– Да, сожрут! Лёнька с Виталиком засмеялись.

Танюшка очень любила, когда к ним приходил Виталик. Он так часто у них бывал, что девочка решила – это её брат. Если мама покупала в магазине машинку для Лёни, Танюшка брала вторую, такую – же и подавала маме со словами:

– Нам надо две.

Катерина понимала дочку и тут же исправляла свою ошибку. Расплачивалась за две игрушечные машинки и улыбалась Танюшке. Эта милая непосредственность дочки умиляла её. Виталик играл с Лёнькиной сестрёнкой без устали и ему это никогда не надоедало. Играть сегодня ребята были не расположены. Сделав домик под столом – уютное убежище от взрослых и от всего мира, мальчишки стали давать ход своим фантазиям. Они придумывали разные версии по поимке беглецов, и по разгорячённой их беседе можно было уверенно сказать – дай им волю, они тут же устремятся навстречу своим приключениям без оглядки. Танюшка слушала мальчишек и не перебивала их. Сегодня, как никогда, она была послушной. Только кивала головой то направо, то налево, во всём соглашаясь с обоими. Накал страстей у ребят погасила именно она. Попросила брата поесть. Лёнька, притащил в штаб – квартиру под столом провизию, приказал по – военному:

– Товарищи, бойцы, приступить к обеду. Еда под столом была такая вкусная, что Танюшка, не любившая рисовую кашу с мясом, глядя на своих братьев по замыслу, с большим аппетитом сегодня её ела. Успокоившись после бурного диспута, и сытого обеда, Виталик произнёс уже совсем рассудительно, но с большим сожалением:

– Да, если и есть приключения, да только все они в книжках.

– Или в кино. И не нам в них участвовать, – добавил Лёнька.

– После такого разговора даже в войнушку уже не интересно играть. Всё это понарошку. А хотелось бы как в кино – по настоящему, и не с деревянным ружьём, а с настоящим пистолетом, что бы поймать настоящего преступника.

После этих событий прошло около месяца. Всё постепенно стало на свои места.

Про сбежавших забыли, всех детей посёлка выпустили из под замков.

Жизнь потекла своим чередом, как и раньше. Но всё же, Лёнькины родители взяли со своего сына слово, что уходить далеко от дома он не будет. Слово он дал, да только как же задание учительницы? Нужно было сделать самые хорошие снимки для выставки.

Лёнька уже спал и видел свой альбом с самыми лучшими фотографиями. И решили они с Виталиком, что никакие им бандиты не страшны. Да и кто их видел? Не было их, а если и были, то давно ушли далеко отсюда.

Вернувшись со школы, Лёнька достал рюкзак, положил в него несколько картофелин, спички, соль и, дождавшись друга, отправились по заданию учительницы с фотоаппаратом на шее. Картошку же прихватили лишь для того, что – бы испечь её в костре, который был

обязательным в любом их путешествии. Тогда, когда вернулись к сосне, что – бы развести костёр и напечь картошки, тогда – то они и заметили исчезновение своих рюкзаков.

Мальчишки оглядывались вокруг – никого. Рюкзаков, как и не было. Остались только две картофелины под сосной. Лёнька с Виталиком в недоумении смотрели друг на друга и ничего не понимали. Потом, не сговариваясь, бросились вниз по крутой горе вниз. Бежали, не оглядываясь. Цеплялись за ветки кустарника, что – бы не упасть и опомнились уже только у подножия сопки. Здесь пролежала дорога, и виднелись первые домики посёлка. Лёнька только сейчас вспомнил про фотоаппарат – на месте ли он? Фотоаппарат висел на шее и Лёнька успокоился. Только сейчас он почувствовал его тяжесть. Снял его, почувствовал, как колотится сердце. У Виталика тоже сердце от бега и страха било барабанной дробью в груди.

Ребята оглянулись – никого. Решили никому не говорить об исчезнувших рюкзаках. Мало ли кто прошёл мимо той сосны, где были они оставлены? Лёнька даже думать боялся о том, что будет, если его мама узнает о его походе за посёлок? Он знал, как она всегда волнуется, если его долго нет дома. Дня через два Лёнька вышел на крылечко к отцу, который решил покурить. Небо было ясным, ярко светили звёзды и настраивали душу на откровение. Тишина звенящая, ни ветерка, даже комары куда – то подевались.

– Поздно уже, сынок, а ты ещё не спишь. На звёзды вышел посмотреть?

Лёнька хотел намекнуть отцу о пропаже рюкзака, признаться ему о вылазке на сопку с Виталиком, но всё не решался. Посмотрел на звёзды, нашёл среди них полярную, произнёс:

– Красиво ночное небо и таинственно. Я просто так вышел, что – бы тебе не было скучно. Мама Танюшку спать укладывает.

Потом Лёнька случайно перевёл свой взгляд на ту сопку, где совсем недавно они с Виталиком были и заметил, что над ней невидимой лёгкой струйкой поднимается дымок.

Дым от пожара и дым костра Лёнька легко уже мог различать. Он тут – же определил, что это дымился костёр. Будучи, в недавнем сомнении, Лёнька теперь не сомневался в том, что исчезновение рюкзаков – это дело рук тех, кто находится сейчас там, где струится дым. У него даже перехватило дыхание:

– Папка, ты видишь над сопкой дым? Кто – то развёл костёр! Дымок еле видимый, но я его вижу! —

– Может, быть. Места у нас ягодные, грибные, опять же, охотники могут бродить. Не мёрзнуть же им. Опять же, чай нужно вскипятить. Без Костра в лесу никак нельзя.

– А вдруг это те самые бандиты, которые с тюрьмы сбежали? Вон и вещи у некоторых пропадают. Давай, сообщим в милицию.

– У кого это пропадают? Я об этом ничего не слышал.

– А мы с Виталиком слышали. Давай сообщим в милицию, пока они ещё чего – нибудь не спёрли. Сидят там сейчас у своего костра, а сами план набега строят.

Павел засмеялся:

– Ну, ты, сынок, даёшь! В нашем лесу долго не посидишь даже у костра. Не такие уж они и глупые, что – бы сидеть на одном месте так долго на виду у всех и ждать, пока их обнаружат. Давай, искатель приключений, пойдём спать, завтра рано вставать.

На том весь разговор их и закончился.

Лёнька долго не мог уснуть. Все его мысли были о том, что у костра сейчас именно те, о которых предупреждала их недавно милиция. Это они взяли рюкзаки с картошкой и спичками. Почему взрослые не хотят верить детям? Считают их несмышлёнышами? Но это так обидно и несправедливо!..

Всю эту историю Лёнька и поведал своему деду Степану, который неожиданно приехал к ним как раз в том момент, когда это всё случилось. Он наверняка поймёт внука. Не может не понять – вон, как внимательно слушает.

– Говоришь, что папка тебе не поверил? А давай мы с тобой проверим. Время у меня есть, поживу пока у вас недельку, а за это время что –нибудь прояснится. В его взгляде Лёнька поймал какой – то замысел. Ему подумалось, что дед хочет угодить внуку своим участием в его сомнениях и тревогах. Решительно и убеждённо заявил:

– Точно, дед, пойдём в разведку. Мы из – за них сидели почти месяц под замком. Со школы бегом, из школы бегом, даже гулять не ходили. Поскорее бы выловить этих тюремщиков и сдать в милицию, что – бы неповадно было. Что – бы нормальные люди могли спокойно жить. Вот наши родители БАМ строят, а некоторые элементы, вроде этих беглых, землю нашу засоряют.

Степан смотрел на внука, на его горящие глаза, искренне верившие в то, что преступники высиживаются в лесах, что их непременно нужно поймать и передать в руки правосудия. И он, пионер Лёня Егоров, готов участвовать в этом опасном и нужном деле каждый день, каждую минуту, и прямо сейчас. Лёньку недавно приняли в пионеры. Они стояли на школьной линейке бок о бок с Виталиком и громко давали обещание Родине жить так, что – бы этой Родине не было стыдно за них. Мальчишки в тот день гордо шли со школы с развевающими алыми галстуками на груди и продолжали повторять пионерскую клятву о том, что будут всегда готовы к любому подвигу! Лёнькин дед улыбнулся такой готовности внука, но с какой – то грустью произнёс:

– Поверь, мне, внучок, среди заключённых есть очень порядочные люди. Я согласен с тем, что они что – то нехорошее сотворили, но беда их в том, что не по своему хотению они это сделали. Попадание в стены тюрьмы бывает так молниеносно, что не сразу и поймёшь, как в неё попал. Можно сказать – влетел, кем – то подстёгнутый сзади. И только потом приходит понимание; где ты и что с тобой. И уже выход из тех стен совсем не такой быстрый. Ловушка захлопывается и искать из неё выход приходится всем по – разному; кто – грызёт её, кто – то подкапывает, кто смиренно ждёт своей участи, перепробовав тщетно все эти попытки. Люди, сидящие в тюрьмах, они, Леонид, такие же, как и все вокруг. Кому – то в семье не дали ума непутёвые родители, кто оступился нечаянно и пошёл не туда, куда надо, а кто и вовсе попался, как самый настоящий лопух» Лёнька смотрел на деда удивлёнными глазами, хлопал длинными своими ресницами и совсем не понимал его:

– Дед, ты чего? В тюрьмах не может быть хороших людей! Ты, что? Нельзя их защищать, тем более жалеть! Ты так говоришь, как – будто их всех знаешь. Ловить надо таких, и снова за решётку, что – бы не было повадно! Нет, хоть ты и мой дед, но я с тобой не согласен. Если бы ты, например, сидел в тюрьме, я бы к тебе не пришёл – мне было – бы стыдно перед друзьями. Стыдно, что я пионер, а мой дед тюремщик. Ты сам – то понимаешь, что я прав?

– Что – же, Лёнь, выходит, что ты своего родного человека бы предал? Мать или отца, или сестру?

– Да ты что? Мои родители труженики и очень порядочные люди. И все их друзья такие же законопослушные граждане.

Степан решил накал страстей поубавить. Волнение внука не позволяло дальше говорить то, что не принималось в его, ещё маленькую душу.

Махнув рукой, произнёс:

– Хорошо, не волнуйся, Лёня, сказано – сделано; мы с тобой идём на разведку. Хорошо было бы, что – бы об этом никто не узнал.

На следующий день у Лёнькиной мамы был выходной. Ради гостя встала пораньше, наварила борща, сделала вкусное жаркое и, накормив всех вкусным обедом, отправилась гулять с Танюшкой.

Убедившись, что они уже далеко от дома, дед с внуком тоже вышли из дома. Ушли партизанить. Как Лёнька не упрашивал деда взять с собой Виталика, дед Степан был непреклонен – в разведку толпой не ходят.

На сопку забирались не спеша, отдыхая, так, как у деда перехватывало дыхание.

Держали курс на большую сосну, на ту самую, с которой кто – то снял рюкзаки. Вскоре они были у цели. Степан отдышался немного, оглянулся, ничего подозрительного не заметил. Тишина и красота кругом. Внизу посёлок, как на ладони. Лёнька присел к деду, стал расспрашивать у него о том, как он жил все эти годы без них, где служил? Весть о том, что его дед служил во флоте, Лёнька взбодрился:

– А тельняшка у тебя есть?

– Есть и тельняшка, и китель, и бескозырка. Вот только всё это богатство осталось там, где родился твой папа – в Звонких Ключах.

Дед, а почему мои родители называют деревню Бабы Оли иногда Звонкие Ключи, иногда Большие? Ты не знаешь?

– Как я не знаю? Знаю. Сначала, когда было народу в деревне мало, было слышно, как эти ключи поют звонко, когда же прибыло много народа, родники уже не так звонко звучали, голоса людей заглушали их звон. Вот и переименовались из – за большого количества людей Звонкие Ключи в Большие.

Узнав, что у деда имеются тельняшка и китель, у мальчишки заблестели глаза:

– Я тоже пойду служить во флот, а потом стану капитаном. Все моря обойду в своих путешествиях. Знаешь, дед, я весь в свою маму, так говорит мой папка. Очень люблю куда – нибудь далеко уходить, что – бы посидеть на берегу речки с удочкой, на высоком холме или у костра помечтать с хорошим настоящим другом. А у тебя есть настоящий друг? Что – бы вместе на всю жизнь?

Степан снова смотрел на внука с большой любовью – он так был похож на его Павлика! И как не правильно, что именно в такие годы он не был со своим сынишкой. В этом возрасте они задают столько вопросов, что только успевай находить на них ответы.

Степан вздыхал, сожалея о том, что ничего не изменить и исправить уже нельзя.

Сейчас он отвечал на бесконечные вопросы внука и всей душой мечтал, что – бы он никогда не знал ни горя, ни печали.

Пусть всегда ему и его друзьям светит солнце, пусть исполняются все заветные желания.

Лёнька задавал деду вопросы, а сам внимательно всматривался в кусты. Крадучись, словно уже кого – то обнаружил, перебежал от куста к кусту.

Степан заметил Лёнькино состояние. Понял, как хочет мальчишка заверить своего деда в том, что предположения его совсем не надуманные. Нужно ему подыграть. Кто знает, чьих рук, эти костры по ночам. Раз уж они пришли сюда с внуком на разведку, значит, стоит её провести со знанием дела, по – настоящему.

Перед тем, как начать обследовать местность, Степан решил закурить. Достал сигареты, полез за спичками.

Обострённое чувство, приобретённое им в тюрьме, помогло ему поймать чью – то быстро промелькнувшую среди кустарников, тень, а затем Лёнькин взволнованный голос:

– Вы кто?

Он хотел обернуться, но его свалили ударом по голове со словами:

– Не дёргайся, а то сейчас этот пионер навсегда останется в памяти всего народа.

У Степана перехватило дыхание. Услышав за своей спиной возню, испугавшись за внука, он обернулся, но тут – же, кулаком по голове был повален на землю.

То, что он успел увидеть, чуть было не лишило его сознания – Лёньку – его внука, призывали к сосне. Спросил, еле шевеля сухим языком от такой неожиданности:

– Что Вам от нас надо?

– Нужно только одно, хмыри поганые – еду и вещи тёплые. Пока я послежу за тем, что – бы пацан не сбёг, а ты, папаша, чеши в посёлок, за харчами, да спичек и папирос побольше прихвати.

Хриплый голос заставлял Степана вздрагивать при каждом слове незнакомца. Он так переживал за внука, что в его голове никак не складывались мысли. Если с Лёнькой случится непоправимое, он этого не переживёт, тут – же и окончит свою неудачливую жизнь. Нужно держаться, тянуть время, что – то придумывать.

Лёнька уже был привязан к дереву, и в глазах его был испуг. Он смотрел на деда, ждал помощи. Неприятный тип в обношенной порванной одежде, грязный и не бритый, прошипел зло, обращаясь к Степану:

– Нечего тут раздумывать, шевели своими копытами, а то нам терять нечего – шлёпнем обоих.

Степан успел посмотреть в лицо незнакомца – возраст его был непонятен. Когда тот толкнул Степана, что – бы он поторапливался, Лёнька не сдержался – заорал, что было сил:

– Ты чего моего дедушку толкаешь, сейчас вместо папирос милицию приведёт. Беги, дед, за меня не бойся, у таких, как этот немощный, смелости не хватит, что – бы убить.

У Лёньки вдруг прорвался голос, пропал испуг, и была только ненависть к этому грязному, истощённому типу. Услышал голос деда.

– Лёнь, он не один здесь, ещё кто – то с ним.

– Никуда я не уйду, не бойся, Лёня.

– Я и не боюсь, сейчас стану кричать, пока кто – нибудь не услышит. С этой сопки слышно на километры – проверено, – и он заорал, что было силы на всю округу.

К Лёньке тут – же подлетел незнакомец, подставил к лицу нож:

– Ещё раз повторишь подобное и крик этот твой будет последним, щенок.

Степан, не сомневаясь в том, что этот ублюдок обязательно исполнит своё обещание, торопливо стал заверять его, что он уже бежит, и совсем скоро принесёт всё, что нужно. Он сорвался с места, готовый уже бежать к дому своего сына. Потом резко становился, повернулся к небритому, решительным тоном произнёс:

– Я не могу уйти без мальчика. Я сделаю так, как Вы сказали, только внука моего отпустите. Никто не узнает, что мы видели Вас. Вы можете верить мне.

– Ты что, за идиота меня держишь? Пошёл быстро в посёлок, а иначе пацану твоему не поздоровится!

Он снова замахал ножом перед Лёнькой.

Определив нездоровую психику этого мерзавца, Степан некоторое время внимательно смотрел на него, о чём – то думал, потом подошёл к нему вплотную и что – то сказал ему на ухо.

Лёнька не слышал, что шепнул дед, но после этих слов произошёл невероятный перелом события; беглый – а это был один из сбежавших, разыскиваемый милицией, огляделся вокруг, присел рядом с Лёнькой у его ног под сосной. С ним рядом сел и Степан. Оба они молча смотрели друг на друга.

– Вот так встреча! – произнёс удивлённо зэк. Что ты здесь делаешь? Какими судьбами тебя сюда, на БАМ занесло? На переднем фронте значит воюешь? Медали зарабатываешь? Ну, ты и даёшь, приятель!

От слова – приятель, относившемуся к его деду, Лёнька чуть сознание не потерял.

Он стоял связанный какой – то длинной грязной тряпкой и боялся услышать ещё слова, порочащие его родного деда. Зэк продолжал:

– Так значит, это ты тогда замочил Лешего в нашем логове? Туда ему и дорога. На одну мразь стало меньше. Лично я сам мечтал ему выбить зубы. Да не хотелось срок себе прибавлять. А ты не побоялся. Чем он тебе насолил, вполне понимаю. К нему имели презрение не только заключённые. Таких убогих конвойных, как Леший, у нас больше не было. Мы так ликовали после такого радостного известия! Я тогда лично сам хотел тебя увидеть и сказать спасибо. Вся наша братва обещала тебя отблагодарить. Да только тебя тогда быстро куда – то

увезли. Буча после того случая ходил сам не свой и уже к себе в мастерскую никого в помощники не брал, обозлился на всех нас. Совсем стал злой.

– Я сначала один в изоляторе сидел, затем заседание суда, а потом со мной произошло то, отчего я, благодаря одной медсестре, еле – еле выкарабкался. Да только это для меня уже было совсем ненужным. Незачем мне было жить. И вместо благодарности за себя, я на ту медсестру был всю свою жизнь обижен. Только недавно и понял, что она мне была послана Богом. Только сейчас я приобрёл смысл жизни. Вот этот мальчишка, что тобою привязан к сосне – мой внук, которого увидел всего несколько дней назад». Зэк посмотрел на привязанного Лёньку, потом перевёл взгляд на Степана:

– Ко всему моему уважению, не могу пойти тебе навстречу – жить охота. К матери мне надо, восемь лет её не видел, немного – то и осталось до неё, а без еды и одежды не дойти мне. Ты вот на свободе, а я так и не смог оторваться от тех стен. Да не переживай ты за своего пацана, хоть и в памятке ты у братвы, да рисковать не могу. Тем более, что я не один здесь и знаешь ты его очень даже хорошо. И всё же, мне сейчас не до сентиментальностей. Уговор остаётся в силе, давай, пошевеливайся. Мальчишка с нами, а ты бегом один за продуктами. И без баловства, не пользуйся своим авторитетом.

Знакомый деду зэк снова приобрёл голос хищника и вид злого, облезлого волка. Лёнькины мысли вконец перепутались, давили его мозг и пытались выйти наружу.

Сон он видит или всё, что происходит сейчас с ним – вполне реальные события?

От хриплого голоса пришёл в себя:

– Чего ждёшь, а ну, давай, поживее, дуй за провизией. Некогда мне. Не выводи меня, а то я за себя не ручаюсь!

– Без внука не уйду. Не доверяю я тебе. Это не товар, а человек. Я тебе слово дал, что тебе ещё надо?

Разгневанный зэк снова схватился за нож, размахивая им перед мальчиком.

Степан пришёл в ярость. Уже не раздумывая, бросился на Лёнькиного обидчика.

Началась борьба. Зэк хоть и был на вид худой, как скелет, да видимо его злость давала ему силы. Он сидел верхом на Лёнькином деде, молотил его и, совсем озверев, занёс над ним нож.

Лёнька закрыл глаза, заорал во всё горло.

В это время он почувствовал ещё чьё – то присутствие. Открыв глаза, увидел большую фигуру, которая колошматила того, кто привязал его к сосне. Прикрываясь от ударов, несчастный, повергнутый зэк вопил:

– Ты чего, Буча! С ума сошёл? Какая муха тебя укусила? И зачем костёр оставил без присмотра? Со словами:

– Это тебе здесь – не там, – появившийся верзила продолжал колотить своего приятеля.

Перед Лёнькиными глазами картина рисовалась одна, лучше другой. Первый шоковый испуг прошёл. В голове немного прояснилось. В ушах звучало:

– Так это ты Лешего замочил? Это что же получается? Его дед убийца и знаком с этим бандитом? Вот это развязочка! Вот тебе, и сходили в разведку!

Дерущиеся никак не могли договориться – отпустить Лёньку с дедом или пока подержать привязанным. Лёньке сейчас было всё равно – развяжут его, или нет. В душе у него духовой оркестр играл печальный марш. Он смотрел на деда, а дед смотрел на одного из зеков.:

– Ваня! Неужели я вижу тебя! Дорогой мой друг! Сколько лет мы не виделись!»

– Держись, Стёпа, мы обо всём с тобой поговорим, только вот сейчас с дружкой своим разберусь. Я за тебя любого порву, а теперь особенно. Это тебе здесь – не там.

Лёнька снова повергся в шок – это что же, и другой знаком с его дедом? Получается, что эти двое подозрительных типа его знакомые? А что ещё страшнее, были его друзьями!

Верить в это не хотелось. У мальчишки всё внутри закипало. Смотрел на деда, а сам про себя шептал:

– Никакой ты не моряк. Ты убийца! А я внук убийцы. Какое право теперь имею носить пионерский галстук?

Лёньку во дворе ребята часто выбрали командиром в военных играх. Все мальчишки были согласны ему подчиняться, зная, что Лёнька среди всех самый справедливый и смелый. Как же теперь с этим быть? На роль командира он тоже теперь не имеет никакого права. Только теперь Лёнька заметил, что развязан. В душе пустота. Осталась лишь глубокая рана, и хотелось побыстрее убежать отсюда. Поймав взгляд деда и бросив ему хлёсткое:

– Ты мне не дед! – он бросился бежать от позора.

В это время услышал, как кто – то из троих вскрикнул.

Лёньке было не до них. Его душили слёзы, он бежал и думал о том, как хорошо, что с ним нет сейчас его друга Виталика, что не видел он тот позор, что грозовой тучей только что лёг на Лёньку. С кем теперь может он поделиться своей неожиданной болью?

Кому он может рассказать то, что ни в одной голове не уложится! Знает ли папа о том, что его отец сидел в тюрьме за убийство? Неужели знал и ничего не сказал?

Мысли Лёнькины совсем запутались.

Он опомнился уже у подножия сопки. Сел в придорожных кустах, обнял голову руками, стал приводить свои мысли в порядок.

– Почему взрослые врут? Вот приехал к ним дед, все его так радостно встретили. Он держал на своих коленях Танюшку, гладил её и говорил много хороших слов ей и ему, своему внуку. Привёз кучу подарков и даже плакал, повторяя о том, как он счастлив всех видеть. Старался быть добрым, а сам жил против всех законов! Тюрьма – это последнее, куда человек попадает после нехороших дел. Так всегда говорила мама.

– Теперь в нашей семье есть тюремщик. Вот это да! Посёлок маленький – вдруг кто узнает, как нам с сестрой жить? Вот наградил Бог дедом!

Лёнька оглянулся – не слышит ли кто его слов? Тихо. Далеко он убежал.

Глубоко вздохнув, вспомнил слова деда:

– Без мальчишки не уйду!

Совсем недавно приобрели они друг друга. Лёнька вспомнил глаза деда – добрые и светлые. Таилась в них какая – то печаль. И не она ли была виновницей дедовой грусти? Как ни крути – это родной его дед и раз он на свободе, значит, уже искупил свою вину.

Домой возвращаться без деда не хотелось.

Вид у Лёньки сейчас был удручающим и у матери сразу же возникнут подозрения.

И деда пока не хотелось видеть.

Он встал, отряхнул штаны, огляделся, не зная, куда идти и вдруг его осенила мысль.

А не заодно ли с этими бандитами его дед? Может быть, он знал, что его товарищи по тюрьме сбежали и согласился с Лёнькой идти на сопку лишь для того, что – бы помочь им? И приехал как – то неожиданно. Дядя Ваня – его сын привёл деда к ним, попросил позаботиться о нём, а сам укатил на своём грузовике. Лёнька и его мама впервые видели деда Степана, и кто знает, чем он дышит, что у него на уме?

В голове у мальчишки разыгралась настоящая фантазия – возможно, что дым от костра на горе – это знак деду. Ведь и приехал он к ним только вчера. Всё сходится – Лёнькин дед – их сообщник и он, Леонид, недавно принятый в пионеры, обязан с честью и достоинством выполнить свой пионерский долг! Мысль о том, что родство дороже чести, вмиг покинули Лёньку.

Отбросив все свои сомнения, он кинулся бежать назад, к тому месту, где только что произошли события, перевернувшую всю Лёнькину душу.

Сейчас он пожалел о том, что нет с ним друга Виталика – вдвоём они быстрее бы справились с бандитами.

Подкрадываясь потихоньку к месту происшествия, Лёнька представлял, как он, ученик четвёртого класса выследил бандитов, связал их верёвками и привёл в милицию.

Вместо двух беглых заключённых он приведёт всех троих.

Юного пионера наградят медалью «за отвагу» и напишут в газетах с его фотографией.

Друзья в Москве Стёпка и Антон будут гордиться им и говорить, что герой из газеты их друг.

Баба Маша будет плакать от радости, от того, что её внук растёт настоящим человеком.

В Германии наверняка есть газеты из России.

Вся эта волна предстоящего подвига, подстёгивала Лёньку и торопила к свершению подвига.

От нахлынувшего порыва к предстоящей борьбе, он не заметил, как очутился на вершине холма.

Лёнька слышал голоса и был готов приступить к действию.

Вздрогнул от хруста сломанной им под ногой сухой ветки. Остановился, решил немного прийти в себя.

Сел на траву, затаил дыхание – он мог уже разбирать слова.

Разговор был, а драки уже слышно не было.

Интересно, что там у них сейчас происходит?

Лёнька никогда не подглядывал и не подслушивал – знал, что это очень неприлично, но для пользы общества ему придётся отступить от правил приличия.

Подполз поближе к месту действия, раздвинул осторожно кусты и стал потихоньку подкрадываться к деду, который сидел на земле, вытянув ноги, на его ногах Лёнька увидел лежащего верзилу, того самого, который прибежал вступить за Лёньку и его деда.

Он был ранен.

Степан гладил его голову и твердил:

– Не уходи, Ваня, не уходи.

Заметив большую кровавую рану на животе раненого, Лёнька вскрикнул, зажав рот ладошкой.

Знакомый деду верзила приподнял голову, увидел мальчика, улыбнулся и сказал:

– А ничего, твой пипетка, стоящий парень, ни разу не пикнул! И на тебя очень похож.

Значит, у тебя есть продолжение на этой земле. Я рад за тебя, друг!

Дед обернулся на Лёньку и глаза их встретились – у деда они плакали. Слезы градом катились из его глаз, и он их даже не вытирал. Как маленький ребёнок, ища защиту у взрослого, дед проговорил жалким голосом:

– Лёнь, он умирает. Самый лучший друг мой и единственный, умирает, а я ничего не могу сделать. Он меня когда – то приютил и был для меня защитой и опорой в самую трудную минуту. Что делать, сынок?

Он снова повернулся к своему раненому другу, наклонился над ним, стал качать, как маленького.

На душе у Лёньки стало так тоскливо и горько, что ему тоже хотелось реветь. Взял себя в руки, подошёл к деду, произнёс:

– Я побегу в посёлок, скорую вызову. Ему срочно нужна помощь, дед! Я быстро бегаю – не успеешь глазом моргнуть, как помощь явится.

Раненый Иван, так звали дедова друга, поднял свою слабую руку, прошептал:

– Не надо. Эти минуты для меня самые счастливые – я умираю на руках у своего друга.

Немного помолчав, спросил:

– Стёпка, а вы всё же купили с женой корову? Ведь столько детишек у вас было. Как они, все уже выросли, переженились уже?

Он повернул голову и хорошей, тёплой улыбкой снова посмотрел на Лёньку.

Дед, продолжая качать на своих коленях друга, сквозь слёзы улыбнулся:

– Корову купили, и дети все выросли, да только всё это было без меня, Ваня, без меня. Совсем недавно встретил я своего Павлика.

Иван удивлённо посмотрел на Степана. Уловив немой вопрос в его глазах, проговорил:

– Да, друг, я совсем случайно встретил Пашу, которого моя баржа везла на БАМ. Я увидел сына, которого так и не суждено мне было вырастить. Зато вот теперь у меня есть замечательный внук, с которым мы обязательно подружмся. И не надо мне счастья большего. Вот только бы теперь увидеть мою Дусю. Хотя бы на минутку, прощения у неё попросить, что – бы легче было умереть.

Иван снова через силу повернул голову и уставился на Степана:

– Ты что – же, жену свою так и не увидел?

– После того, как я с твоей помощью сбежал в деревню, что – бы проститься с ней, вот с тех пор и не видел. Не пришлось, и об этом нужно долго рассказывать. Ты – то какими судьбами здесь, на этой сопке очутился? Зачем попал сюда, в бамовский посёлок?

Было видно, что силы покидают Ивана. Еле слышно поведал свою историю:

– Я тогда, в 53 освободился за примерное поведение, но видно судьбе угодно держать меня в неволе. На следующий день я снова угодил в застенки, откуда только что вышел. Стоял на остановке и радовался свободе, планы строил, да видимо физиономией не вышел, что – бы жить по – человечески. К девушке подошли какие – то подонки и стали приставать к ней. Она молоденькая, жалко мне её стало, я и заступился за неё. Ты же знаешь, как презираю я пошлость и несправедливость. Ту девушку я потом проводил до самого её дома. Завязалась у нас с ней дружба, перешла в любовь, и дело шло к свадьбе. Да только меня те трое парней как – то выследили, и произошла нешуточная драка. Сила – то у меня могучая – раскидал их по сторонам, кому – то из них зубы выбил. Короче говоря, сфабриковали мне статью. Я только потом узнал, что один из тех ублюдков – внук какого – то генерала в отставке. Куда мне с такими тягаться?

Помолчав немного, Ваня так же тихо продолжил:

– Пять лет влепили мне, а потом я уже периодически бегал то в зону, то из неё. Обозлился я на весь белый свет на несправедливость, на беззаконие и стал своими кулаками доказывать всему миру, что я тоже человек. Девушка та, после того, как на меня напали её обидчики, почти сразу же выскочила замуж, обо мне и думать забыла. Мне тогда было так плохо, что хотелось волком выть. Тебя всегда вспоминал – у тебя история тоже была не легче. Знаешь, после того, как ты замочил Лешего, ко мне стали забегать ребята, о тебе беспокоились, мне чего – нибудь приносили – кто чай, кто сигареты, кто деньги. Я из мастерской почти не выходил. Илья Захарович часто ко мне заходил и мы с ним говорили о тебе, о твоей дальнейшей судьбе. Не сложилась и у меня жизнь на этой земле. Чем я ей не угодил? А недавно мой сокамерник упросил меня бежать к его матери, которой уже почти восемьдесят лет. Сына своего совсем заждалась, да и он весь измаялся, не видел её давно. Он тоже не совсем ещё пропащий, только уж злой сильно от холода, от голода, от того, что боится, что кто – нибудь помешает ему дойти до своей матери. Старушка этого бедолаги живёт в глухой деревушки, в ста километрах отсюда. А мне что терять? Кто меня ждёт? Я и согласился идти. Половину пути мы уже прошли. Бредём трое суток. Сначала шли хорошо, да как еда закончилась, застряли здесь. Вы моего напарника не бойтесь – он слабый характером – крикни на него громко и куда только девается его прыть и смелость. От безысходности натворил дел и убежал, испугался. Без меня теперь пропадёт, вот ведь, дурень! Наделал делов и убежал, испугался. Он за мной ухаживал, как за маленьким, когда я простыл. Мы недавно рюкзаки здесь нашли с картошкой и спичками,

обрадовались очень. Ели печёную картошку и вспоминали добрым словом того, кто те рюкзаки на дереве оставил. Я с жадности наглотался горячей картошки, а потом катался по земле целый день – ты же знаешь, что у меня желудок больной. Сегодня полегчало.

Иван притих, закрыл глаза, показалось, что он замолчал навсегда.

Лёнька напрягся, но глаза раннего Бучи снова открылись:

– Я услышал голос, подкрался, что – бы помочь своему напарнику, а тут и тебя узнал. По голосу узнал тебя. Сначала не поверил своим ушам, а потом и глазам. Я не ошибся – это был ты, и сердце моё заколотилось от большой радости. Как хорошо, что мы хотя бы вот так встретились. Я думал, что больше никогда тебя не увижу.

Он поднял к небу глаза, улыбнулся ему, и в его глазах застыло отражение верхушек вековых сосен.

Дед закрыл глаза Ивана, продолжая бережно его качать, и сидя с умершим другом, рассказал Лёньке всю свою историю жизни.

Не помнил Ваня мамкиных колыбельных песен – рано умерла она, и после его смерти некому рыдать над его могилкой. Только тихие скорбные слёзы его ученика по столярному делу не сладкой их тюремной жизни, да поскрипывание сосен на этой сопке стали прощальной песней ушедшего в мир иной, Вани, по прозвищу – Буча.

Степан, не оглядываясь на внука, проговорил печально:

– Лёнь, что нам делать? Ведь могилку нечем копать?

Приближались сумерки. Лёнька, сбитый с толку от всего случившегося, тихо, но решительно ответил:

– Дед, ты держись, я мигом. Лопату возьму – и назад – к тебе. Ты пока посиди со своим другом, попрощайся...

Мальчишка перелетал через кусты багульника, словно оленёнок. Подстёгнутый тем, что наступает вечер, а его дед там один, он торопился – падал и вновь вскакивал.

Ветки кустов больно хлестали по его лицу, но Лёнька не обращал на это внимание.

– Успеть, успеть бы до темноты выкопать могилу для Бучи. Друг бывает только один, и совсем неважно – сидел он в тюрьме или не сидел. —

Он понимал, что погибший Ваня был другом его деда, настоящим другом. Умер человек, значит надо его похоронить по – людски.

Лёнька, не помня себя, влетел в сарайчик, пристроенный жителями к бараку, схватил первую попавшую в руки лопату, прихватил ещё одну и уже собрался бежать назад, как что – вдруг вспомнил и пошёл к своей квартире. Прислушался – тишина. Он достал ключ из почтового ящика, открыл им двери и тенью проскочил в комнату родителей.

Трясущими руками открыл шкаф с постельным бельём, вытащил из стопки одну простынь.

Лёнька видел фильм, как умершего заматывали в белую простынь, что – бы потом похоронить его. Он не знал, какие страны прибегают к такой традиции, но Лёньке идея понравилась – не опускать же Ваню в грязной, окровавленной его одежде в могилку!

Вполне довольный своей находчивостью, Лёнька стремглав бросился назад, к сопке. Пару раз он на бегу оглянулся – убедился, что никем не замечен, снова побежал дальше.

Только у самого подножия горы он остановился, что – бы отдышаться, а очутившись на её верхушке, упал у той заветной сосны, что стала для его деда местом неожиданной встречи со своим прошлым.

Дед, осторожно высвобождаясь от тела Ивана, взял в руки лопату, скорбно проговорил:

– Эх, Лёня, не видели вы меня столько лет, и не было у вас хлопот. Выходит, что беда за мной так и ходит по пятам. Я только несчастья в дом приношу. Прости меня, сынок! Вот похороню Ваню, и завтра же уеду, пока ещё чего не случилось. Не имею права я находиться с вами рядом. Не достоин я этого счастья. Как ты только что убедился, что мой друг был эком

и сам я из их числа. Вот, отдам сейчас свой долг и освобожу честных и порядочных людей. У каждого человека есть своё место на этой земле – так распорядился сам Господь. А место моё там, где приютила меня такая же сирота, как и я. И благодарен я ей за это от всего сердца – знаю, ей я всегда нужен.

Лёнька слушал деда, откидывал лопатой землю, пытался подобрать хорошие слова для него:

– Ты не прав, дедушка. Ты нужен и мне, и папе, и моей сестре, и маме моей. Вон как мы все обрадовались, когда ты к нам приехал! Ты для нас самый родной и друг у тебя был хороший. Когда –нибудь мы поставим ему памятник, а эту сопку назовём Бучиной горой.

Степан отложил лопату в сторону, подошёл к внуку, прижал к себе и стал гладить мокрые его волосы от быстрого бега.

Так они стояли минуту, другую; Лёнька и его дед – такие близкие и родные люди, нашедшие друг друга через много лет здесь, в местах Забайкалья.

Степан посмотрел на верхушки сосен, произнёс:

– Пусть памятником ему будет эта высокая сосна и никто, кроме нас с тобой не будет знать о его могилке...

Земля копалась легко. Влажный песок поддавался лопатам, а иногда Лёнька вместе с дедом руками вычерпывали песок, что – бы дело шло быстрее.

Расстелив простынку возле вырытой ямы, Лёнька отошёл в сторону, что – бы дать деду сделать последнее – завернуть тело в простынь. Дед снял с Вани одежду, вытер ею друга, завернул в простынь, как младенца – с головой конвертиком и бережно скатил Ваню в могилку.

Лёнька стоял и смотрел – помогать деду не решился, для него это было совсем непонятным, и совсем не радостным событием.

Могилу засыпали землёй, пригладили лопатами, а вот холмик делать не стали. На сосне Лёнькин дед вырезал аккуратно ножом, от которого умер его друг, крест. Вырезал имя, обозначил дату смерти на коре и сказал:

– Давай, Лёня, помолчим минуту в честь памяти этого человека, он был совсем одиноким.

Лёнька встал навытяжку, затаил дыхание, и перед его глазами встала вдруг картина выноса знамени, когда его принимали в пионеры. Он, слышал, как звучал пионерский горн, слышал барабанную дробь и чувствовал, как лёгким шёлком алого цвета держал он на своей руке галстук. Может и не был Буча пионером, но он имел доброе сердце, и это стоит того, что – бы отдать ему честь.

Недолго думая, Лёнька приложил свою руку к виску, отдавая свой мальчишеский долг человеку, который жил, как умел в этом мире. И никто его не вправе судить, как сложилась его судьба. Так или иначе, но проводить в последний путь человека нужно по – человечески.

Лёнька и его дед стояли над могилкой, и каждый думал о своём. Мальчишка понимал – нелегко деду уходить отсюда, оставляя это печальное место. Он не торопил его, стоял и ждал, пока дед проститься с другом.

Начинало уже темнеть.

Мама Лёнькина уже сто раз, наверное, выходила на крыльцо, высматривая сына. А тут ещё и дед пропал. Она же не могла догадаться, что они где – то вместе нашли себе занятия.

Лёнька успокаивал деда —

– Мы будем сюда приходить с Виталиком. Ты не волнуйся, дед, он мой самый лучший друг и, поверь – секреты умеет держать. Пойдём, пора уже, да и мама заждалась.

Не успели они спуститься к подножию, как тут же стемнело.

Лёнькин дед только теперь смог прийти в себя окончательно и оглянуться вокруг:

– Видишь, Лёнь, сама природа помогала нам в том, что – бы мы с тобой успели всё сделать, как надо. Ждала и не опускала на нас сумерки. А ведь вчера стемнело намного раньше.

Он посмотрел на вершину холма, где навсегда остался его друг и направился к посёлку, догонять внука. Лёнька приостановился, дожидаясь деда, потом спросил:

– Ты расскажешь папе о том, что здесь случилось?

– Нет, зачем я буду забивать ему голову своими проблемами? Я похоронил своё прошлое, а тот, другой беглый уже не опасен. Он сам уйдёт в тайгу из этих мест, может зимник встретит, где сможет и отдохнуть и поесть. А если посчастливиться, то и до матери своей дойдёт.

В его голосе Лёнька почувствовал сомнение в том, что напарник Бучи, дойдёт до своей намеченной цели.

У дома Лёнька заметил мать. Быстро выхватил из рук деда лопату, забросил в близлежащие кусты.

– Ну, всё, дед, сейчас нам влетит по первое число.

Катерина, увидев пропавшую парочку, кинулась к ним со словами:

– Степан Яковлевич, мы уже и не знали, что думать! Здесь у нас и болота и зверьё ходит, да и заблудиться можно. Ну, нельзя так надолго исчезать! Леонид, тебя это тоже касается, между прочим. Вон, речка, вроде бы и не глубокая, а несётся так, что и не выпрыгнуть не успеешь. Весь посёлок с отцом обегали – вся душа изболелась».

Да всё в порядке, мам, мы просто незаметно ушли далеко, заговорились, и не заметили, как время пролетело. Дедушка мне рассказывал, как жил все эти годы, а я, в свою очередь, свою жизнь рассказывал. Мы многое друг о друге узнали» Лёнька посмотрел на уставшего деда, продолжил :

– Нам бы теперь обмыться после такой прогулки, да и одежду поменять, в какую – то грязную лужу попали, еле выбрались.

– Вижу – какие вы оба чумазые. В какой – то глине, в траве.

Катерина, обрадованная тем, что её сын вернулся живым и невредимым, захлопотала на кухне. Павел, немного пожурив сына за долгое отсутствие, вспомнил, что сегодня в бане мужской день и, что – бы не плескаться в тазике, предложил отцу и Лёньке отправиться в баню. Катерина приготовила чистые вещи для мужчин и, проводив их, занялась приготовлением ужина. Настроение у неё было приподнятым – она так сегодня испугалась за сына.

Вихрем влетела Раиска. Узнав, что Леонид и Лёнькин отец нашлись, облегчённо вздохнула:

– Ну, теперь можно расслабиться и покурить. Рассказывай, где же они были всё это время?

– Зачем ты куришь? Я не замечала у тебя охоты к табаку.

– Полноту сбиваю. Как приучилась к этой гадости, даже и не заметила. Сначала за компанию в институте баловалась, потом тоску и своё одиночество в куреве топила, а теперь уж боюсь, что не бросить мне эту привычку. Вот Митю привезу, сразу же выброшу сигареты.

– Давно пора. Нужно было тогда не поддаваться своим родителям, а настоять на своём и сына забрать. Моя мама тоже просила Танюшку оставить с ней, когда я на БАМ ехала к Паше. Да только я заранее знала, что лишь поезд тронется, и я выскочу из вагона, что – бы схватить дочку и прижать к себе, уже не расставаясь с ней.

– Ты ехала к мужу, вдвоём можно всё преодолеть, а я не рискнула взять с собой сына. Хоть и тосковала всю дорогу о нём, да понимала, что мой Митя в надёжных руках. Теперь, за эти четыре года они так к нему привязались, что даже не знаю, как буду забирать у них сына? И без него уже нельзя – тоска съедает. Как посмотрю на Лёню, так и Митю вспоминаю. Тоже уже пионером стал, бабушкам и деду помощником. Нет, Катерина, я даже боюсь подумать, что будет с моей мамой, отцом и Пашкиной матерью! Они просто души в нём не чают. Можно ли оторвать от них то, к чему они за эти годы прикипели? Я не понимаю тётю Дусю. Она добрая, хорошая, обожает Галиных детей, Дочек – Олюшки и Полины, сдувает пылинки с Мити. Но почему так холодно относится к Пашиным детям? То, что она испытывает к тебе,

мы с тобой знаем, но причём Лёня и Танечка? Если бы она их увидела, уверяю, что её несправедливое равнодушие к ним вмиг исчезло. Вот поеду за Митей, снова буду ей объяснять, какие замечательные дети растут у её сына. Где – то в глубине души она, конечно – же, любит их, да всё никак не может признаться себе в этом.

– Не нужна моим детям выпрошенная любовь, они согреты любовью своим отцом и своей матерью. Их любит бабушка и дед, живущие в Германии, их обожает моя сестрёнка. Теперь вот у нас появился дедушка Степан. Я считаю, что этого достаточно».

– Знаешь, Катя, когда я два года назад ездила к родителям, Пашкину мать просто не узнала. Она вся светилась. Стала прихорашиваться, чего раньше за ней не замечалось. Твердила Мите, что у него есть ещё один дедушка и, как – нибудь она поедет к нему.

– Интересно, почему они до сих пор не встретятся? Ведь он ждёт её и она обещала нам в письме, что хоть и боязно, но она обязательно насмелится и навестит своего Степана. Знает, что тот не совсем здоров, а ехать почему – то так и не решается. Чего время тянут? Столько лет к этому шли, а теперь, получается, что боятся друг друга?

– Знаешь, подруга, я догадываюсь, почему они этого боятся! Причём боятся оба. Вот представь, что вы с Пашкой потеряли друг друга на двадцать лет, а потом поняли, где нужно друг друга найти. Ты бы решилась появиться перед ним уже пожилой женщиной, можно сказать, старой?

Поймав на себе испуганный взгляд Катерины, Раиска продолжила, вот и с ними тоже самое происходит в душе. А тётя Дуся за последние годы очень сдала. Пашкин отец весь седой, хотя и не очень – то и старый. Пятьдесят лет – не срок для мужчины, если жизнь была без особых терзаний.

– То – то и оно, что без терзаний. А у Степана Яковлевича их было много.

Пашка хлестал отца веником, приговаривал:

– С гуся – вода, с моего бати – худоба. Кожа, да кости у тебя, батя. Надо бы поправиться, а то моя мамка худых не любит.

Пашка смеялся, а Степан, задыхаясь от счастья общения с сыном, соглашался:

– Да, сынок, твоя мама полюбила меня в те годы, когда я был круглолицым, кучерявым и розовощёким парнем. Теперь – то я растаял, словно снеговик по весне. Поправиться бы надо, а то не признает меня моя Дуся. Так и не приехала она ко мне, но я всё равно её дождусь. Она обещала.

– Ты жди, отец, она приедет. Мы ей в письме снова напомним, что – бы ехала – не раздумывала.

Лёнька в парилку заходить не решался. Париться он не любил, поэтому с большим удовольствием плескался в своём тазу банного отделения, вспоминая, как когда – то они жили в этой бане, как помогал он отцу и грузину при её ремонте. Лёнька пушил в тазу пену от мыла, удивлялся, как быстро летит время – ведь совсем недавно это было, а прошло уже больше четырёх лет! Ему вспомнилась сегодняшняя картина с беглыми заключёнными. Сегодня уснул вечным сном друг Лёнькиного дедушки. Пролетят вот так же быстро года, и сгладится еле заметный холмик на горе. Буквы, вырезанные на сосне, затянутся, как затягиваются у людей раны на душе и от этого Лёньке становилось грустно.

– Нужно бы завтра лопаты найти и положить на место, – подумалось ему. Где там, отец с дедом? Пора домой идти.

Билетёрша Тётя Валя хохлушка, провожая из Лёньку и его дедушку с отцом, смеялась:

– Леонид, не хочется тебе снова пожить в этой бане? Ты же не хотел отсюда уходить, помнишь? А бесконечные чаи в вашей комнатке не забыл?

– Нет, я всё помню. Здесь, конечно же, было хорошо, спасибо баньке, что когда – то приютила нас, но жить теперь в ней мне не хочется, очень тесно.

Распаренные и умиротворённые после горячей баньки, все трое, не спеша, шли домой и мирно беседовали...

Прошло три дня, как Степан похоронил Бучу. Улучшив момент, когда Катя с Павлом были на работе, а Танюшка в садике, он признался внуку, что завтра должен уехать.

Но перед отъездом ему хотелось ещё раз сходить на могилку к своему другу:

– Ты пойдёшь со мной, Лёнь? Я знаю, что тебе в школу надо идти, но я тебя дождусь и мы вместе сходим на сопку. Ты как, не против?

Лёнька, против не был, когда ещё придётся пообщаться с дедом?

– Я постараюсь побыстрее вернуться из школы, и мы с тобой обязательно сходим.

Скоро конец занятиям, начало летних каникул и пропускать школу нельзя, а то бы я вовсе не пошёл сегодня, раз такое дело. Но нужно идти. Ты пока отдохни тут без нас, телевизор посмотри, а там и я вернусь.

С этими словами он выбежал из дома. По дороге в школу, Лёнька думал о своём деду. Все эти три дня он замечал, что деду нездоровилось. Играл с Танюшкой, смеялся вместе с ней, но Лёнька замечал, что у деда что – то болит, или очень чего – то беспокоит.

Вернувшись из школы, бросив портфель на кровать, первым делом спросил:

– Дед, ты как? Хорошо себя сегодня чувствуешь? Может, в другой раз сходим на сопку? Поживи у нас ещё, мы с тобой на рыбалку в воскресенье пойдём. Знаешь, какие хариусы в нашей речке водятся!

– Нет, внучок, ехать мне надо. За меня не волнуйся, здоров я. В моём возрасте уже что – то, да не ладится. Не стоит обращать на это внимание. Я вот что подумал – может, фотоаппарат возьмём? Потом помолчал, как – бы стесняясь, продолжил:

– Еды бы, какой прихватить с собой не мешало. Так, что – бы матери не было заметно.

Лёнька вмиг сообразил, о чём тревожился дед. Бросился открывать на кухне шкафчики, доставая оттуда еду.

Уже минут через пять на столе высилась гора из продуктов. Здесь были сахар и соль, спички и консервы, сухое молоко и хлеб, два брикета киселя и даже две большие белые свечки. У них всегда в запасе, на случай отключения света, имелись свечи. Последнее время свет отключали очень редко, но свечи мама иногда, по старой привычке, продолжала покупать. Дед, складывая в сумку провизию, благодарил внука и переживал, что будет, если Катерина заметит исчезновение продуктов. Лёнька убеждал его, что мама у него совсем не такая, какой кажется деду. Она очень добрая и приветливая. Привыкла, что у нас всегда много друзей и всегда этих друзей угощает. Но когда Лёнька снял с вешалки ветровку, дед испуганно замахал на внука руками:

– Что ты, что ты! Это же совсем ещё хорошая вещь, пригодится!

Лёнька невозмутимо продолжал:

– Моя мамка хоть и накричит иногда, но что – бы накормить или протянуть руку помощи нуждающемуся – это для неё закон. Вот такая моя мама, дед.

В это время вошёл Виталик. Последние дни они встречались только в школе. Лёньке с приездом деда было недосуг, но сейчас он обрадовался другу. Виталик ещё в школе обещал Лёньке прийти сегодня к нему в гости.

Зная о дальнейших своих планах, где – то в глубины души, Лёнька очень надеялся на то, что дед разрешит Виталику пойти с ними на сопку. Ему все эти дни так хотелось поведать другу всю историю, которая случилась с ним и его дедом за эти дни.

Виталик был совершенно противоположен по характеру своего друга. Он был молчаливым и застенчивым, как девочка, скромным и добрым. На уроках внимательно слушал учительницу и даже на переменах не шалил.

Мать Лёнькина давно заметила в этом мальчике какую – то тихую грусть и ангельскую внешность – светлые локоны, обрамляющие его милое лицо, взлетали, словно пушинки при

любом его движении. Это его мама спасла тогда Лёнькину сестру, когда та обожглась. После того случая Лариса Сергеевна стала самым дорогим человеком для семьи Егоровых.

Виталик вежливо поздоровался с Лёнькиным дедом, а заметив, что те куда – то собрались, застенчиво произнёс:

– Я, наверное, не вовремя? Тогда я в другой раз приду.

После этих слов он повернулся к двери, что – бы уйти.

Лёнька обратился к деду:

– Дед, Виталик мой самый лучший друг, в школе за одной партой сидим с первого класса. Можно, он с нами пойдёт? У нас с ним секретов друг от друга нет. Мы с ним вместе тогда обнаружили беглых.

Виталик благодарно посмотрел на Лёньку, потом в ожидании на его деда. Было видно, что мальчишке очень хотелось пойти с ними. С Лёнькой ему всегда было хорошо и весело.

Степан смотрел на друга своего внука, что – то своё думал, потом произнёс:

– Друг всегда должен быть рядом со своим другом и в радости, и в горести. Так тому и быть – идём все вместе. Виталик тут – же расплылся в улыбке. Со своим неутомимым другом он готов был идти куда угодно! Знал, что это всегда будет заманчиво и интересно.

Через некоторое время все трое шагали к намеченной цели. Виталик даже не спрашивал – куда они идут. Это было совсем неважно! Главное, что вместе. И фотоаппарат у Лёньки на шее болтается – значит, впереди у них предполагается очередное фотографирование интересных кадров для конкурса. Это здорово! Они с Лёнькой использовали уже три плёнки и это не предел. Из всех фотографий отберут самые лучшие и вставят их в свои альбомы. Разговоры по дороге велись обо всём, только не про то, куда идут и зачем.

У высокой сосны остановились. Виталик радостно воскликнул:

– Мы здесь были. Помнишь, Лёнь? Давай рюкзаки поищем, может, где валяются недалеко. Как мы с тобой и догадывались – это были они, беглые эки. Их так и не поймали. Моя мама до сих пор не разрешает мне далеко от дома отлучаться. Сегодня у неё дежурство – на сутки ушла, поэтому я и решился с вами пойти. Вообще – то я думаю, что никаких бандитов не было, а рюкзаки утащил какой – нибудь охотник или тот, кто на аэродром шёл. Ведь совсем недалеко тропинка к аэропорту.

Виталик, оглядывая место, где недавно были с другом, произнёс:

– Мне кажется, что здесь кто – то валялся по земле – вон как всё истоптано. Может, медведь?

Он посмотрел на Лёнькиного деда. Тот, не торопясь, выложил из сумки стакан, налил в неё воды из бутылки, поставил на землю. На стакан положил хлеб и после этого зажёл свечу, которую воткнул тут – же, в землю. Виталик ничего не понимал. Они что, уже обедать будут? Но зачем свечка? Лёнька, обдумывая, с чего начать, что – бы друг его хоть что – то понял. Он поднял глаза, посмотрел на небо и вдруг заметил рюкзаки на ветке сосны. Висели они так высоко, что не так – то легко можно было их снять. Кто – то вернул их на место.

Удивлению Виталика не было конца, а вот его друг несколько не удивлялся этому. Смотрел загадочно на него и молчал. Виталик пожал плечами, перевёл взгляд на деда Степана тот что – то бормотал, гладил землю. Удивлённый мальчик только сейчас заметил на сосне крестик и какие – то на ней слова:

– Лёнь, смотри, свежая надпись. Тогда этого здесь не было! А когда до него долетели слова Лёнькиного деда:

– Здравствуй, Ваня, – он даже открыл рот.

Тихо и печально сделалось всё вокруг. Виталик непонимающе ждал, что же будет дальше? Степан разговаривал со своим другом, не обращая внимания на мальчиков.

Они сейчас были одни – Буча, который когда – то приютил своего пипетку в столярной тюремной мастерской и доверчивый молодой заключённый, наивно веривший в скорое своё освобождение.

Две судьбы. Такие разные и такие понятные друг другу. Невольная минута молчания у мальчишек продолжалась до тех пор, пока Лёнькин дед сказал:

– Я сейчас вернусь, а вы пока поговорите. Может, он дал время своему внуку, для того, что – бы тот смог рассказать всю эту грустную историю своему другу?

– Давай, присядем, мне нужно тебе кое – что рассказать.

Виталик пока ничего не понимал, но в душу другу не лез, понимал, если нужно, то тот сам всё ему расскажет. Лёнька же верил Виталику, знал, что тот, как кремень – никому не проболтается зря и поведал ему всё то, что здесь произошло три дня назад.

А тут и дедушка Степан показался из кустов. Определив по лицам мальчишек, что тайна раскрыта, произнёс:

– Там, повыше, было их убежище, под корнями упавшей сухой сосны. Остался шалаш из веток, да пепелище от костра. Значит, это он, этот несчастный, ваши рюкзаки вернул. Это он написал на могилке Вани прощальное слово. Ушёл он, в тот же день ушёл. Дойдёт ли один, без напарника, до своей матери?

Степан вздохнул – было видно, что он очень переживает за случившее. Лёнька, в какой – миг понял, что это он во всём виноват! Не потащил бы деда за собой на сопку и всё могло бы быть по – другому. Стало вдруг жалко одинокого волка, который без провизии, одежды и опоры друга, отправился на верную гибель.

– Да, не успели. Зря притащили столько еды. Давайте, помянем моего друга, посидим с ним, он будет рад. Не успел он обзавестись детьми, но вы бы видели, как любовно и мастерски вытачивал он детские качели, кровати, игрушки! У него всегда были заказы и даже тюремное начальство Ваню уважало. Лёнька с Виталиком подошли к тому месту, где был похоронен дедушкин друг, и только теперь заметили на этом месте буквы, написанные палочкой по песку – прости, Буча.

Постояв некоторое время в молчании возле могилки, Лёнька произнёс:

– Дед, давай мы всё же оставим всё, что принесли. Отнесём на то место, где они отсиживались. Может, этот бедолага вернётся?

Сложив принесённую из дома еду и вещи, все трое постояли у холодного пепелища, повздыхали и, прихватив рюкзаки, возвращённые беглым эком, отправились к посёлок. Лёнька сфотографировал деда у заветной сосны, потом попросил его, что – бы тот сфотографировал их с Виталиком, а больше ничего не стали снимать. Опускаясь вниз, к подножию, Степан проговорил:

– Как сделаешь карточки, так вышли мне, Леонид. Хоть какая – то будет для меня память о моём друге.

Опустившись с горы, Виталик оглянулся, посмотрел на её вершину и предложил:

– Давай, Лёнь, назовём её Бучиной горой.

– Ты угадал мои мысли.

Степан посмотрел на Виталика, потом на своего внука, подумал, глядя на них – какое будущее ждёт этих замечательных парнишек? Смогут ли преодолеть все трудности, которые появятся у них на пути? Поразмыслив немного, убедился, что эти мальчишки сумеют устоять перед разными передрыгами жизни. По – другому быть не может, если они уже сейчас понимают, что такое настоящая дружба.

Степан уехал на следующий день. Лёнька с Виталиком наделали кучу снимков, сделали альбом с фотографиями, что – бы осенью предоставить свои работы на фотовыставке.

Про то, что случилось весной на сопке, Лёнька старался не вспоминать даже в мыслях. Старался забыть, как страшный сон.

А его друг Виталик и вовсе унёс эту тайну с собой навсегда: – в середине июня он разбился на самолёте, в котором летел вместе с мамой и старшей сестрой отдыхать на юг.

Самолёт из аэропорта Северомуйск вылетел по расписанию. Многие жители посёлка, проработав по два, три года без отпусков, наконец – то стали собирались на отдых. Летел – кто куда. Одни домой, провести своих близких, с кем долго не виделись, большая же часть летели на море. Заработанные большим трудом деньги, позволяли хорошо всем им отдохнуть, что – бы набраться новых сил и продолжить свою работу в бамовском таёжном краю...

И снова что – то не так! Какой судьбе, каким Высшим силам нужна была смерть, ничем не повинных людей? Их было около шестидесяти. Этот самолёт попал в грозу, сбился с курса и упал в скалы у берегов Байкала, где находился мыс «Святой нос»

Ан – 12, приняв на свой борт счастливых пятьдесят с лишним пассажиров, поднялся в небо, резко оборвав это счастье целым семьям, многим детишкам, которые приобрели надувные круги, что – бы плавать на море. И уже не тёплое Чёрное море, а холодные воды Байкала, приняло в свои глубины на вечный отдых настоящий бамовский народ.

Все вернулись обратно в урнах, и не было печальней музыки, чем та, которая раздавалась из клубного репродуктора на весь посёлок.

Кого – то увезли хоронить на родину, где жили до БАМА, а кого привезли назад, в Северомуйск.

Помещение клуба было украшено цветами, фотографиями погибших и, вглядываясь в знакомые лица, не хотелось верить в случившееся.

Репродуктор, висевший на сосне у клуба, своей траурной музыкой напоминал Лёньке ещё и ещё раз о том, что больше нет у него друга, нет Виталика, с которым можно было поделиться всеми своими секретами. Никогда он его больше не увидит и Лёнькино сердце щемило...

Он затыкал уши и бежал домой, но дома, в тишине, музыка была ещё громче и печальнее. Мать Лёнькина плакала вместе со своей подругой, и всё вокруг мельтешило и раздражало Лёньку.

Танюшка то и дело, как назло спрашивала без конца про Виталика и не понимала, почему все вокруг плачут.

Лёнька снова бежал от раздражающей тоски на улицу.

А потом полил дождь. Он лил всю неделю и, казалось, что сама природа оплакивала погибших. Сколько людей разбилось тогда! Погибли целые семьи в тот грозовой день!

Не описать те печальные события и не рассказать словами. Та трагедия стала горем для каждого, кто жил тогда в том посёлке...

Евдокия к Степану выезжала каждый день. Все эти четыре года она к нему ехала, да только в своих мыслях. На сына своего держала большую обиду – ждала она его, ждала в отпуск, а он так и не приехал. Наверное, свою пигалицу послушал, боялась, видать, Катерина, что увидит Паша Митю, узнает, что он его сын и оставит её с двумя детьми.

Пашка рвался к матери всей душой, да только всё время что – то мешало. Вот и этим летом он собрался ехать к ней.

Собирался, да выделили ему путёвку в санаторий и как не он от неё не отмахивался,

Катя убедила его, что для его, не совсем здоровых лёгких, ему лучше отправиться на юг, подлечиться. Раиска была с Катериной солидарна, соглашалась, что Большие Ключи никуда не денутся, а вот здоровье для Павла важнее.

Грузин отпуск пока не брал. Он его берёт для других целей. Ждал, когда Раиска привезёт своего сына. А как только привезёт, так они все вместе поедут в Грузию.

У каждого свои дела и каждый старается решить их в меру своих возможностей.

Пока Пашка разгуливал по пляжу города Сочи, его мать, не дождавшись его в отпуск, махнула на всё рукой и стала собираться в дорогу, к Степану, а заодно и к сыну на БАМ.

Алёна, узнав, что её соседка, наконец – то, надумала сделать решительный шаг навстречу своему прошлому, поддержала её словами:

– Поезжай. Дуся, мы за домом присмотрим, а как купишь билет, сразу дай телеграмму Степану, да потом и нам не забудь сообщить, как доехала. Ты, главное, не волнуйся! Всё будет хорошо. Наговоришься со своим Степаном вволю. Знай, что Стёпа тебя до сих пор ждёт. Ему жизнь тоже не мёдом оказалась.

Алёна помогала подруге выбирать одежду для поездки, потом разревелась:

– Скоро приедет Раиска за Митей, останемся мы с Тимофеем совсем одни. Смотри, сама – то там, в тех краях не останься. Возвращайся домой, мы тебя будем с Тимой ждать. И гордость свою здесь, в деревне оставь. Ты с ней всех женихов подрастеряла. Не показывай её ни Степану, ни Наде, покладистей будь, мудрее.

– Какая тут гордость! Она давно уже жизнью растоптана. За бывалой гордостью пришла злость на Степана и густым туманом заполнила душу. Теперь думаю иначе – кто знает, кому было тяжелее: мне, или ему? Со мной оставались наши дети и, как – бы не было муторно тогда на душе, они, своим присутствием, смягчали горестные минуты, и я пыталась продолжать жить. Только ради них и жила. А каково было ему, их отцу? Как должно быть ему хотелось обнять своих детишек, приласкать! Никто не может так согреть душу, как нежное прикосновение родного дитя! Мне было ещё легче и потому, что тогда, в трудную минуту, были вы, мои соседи. Все эти годы поддерживали вы меня. Дрова на зиму и безденежье, отчаяния и надежды, свадьбы моих детей и мои горькие думы – всё это легло на ваши плечи, милые мои и добрые люди! Что бы я без вас делала? Сам Господь послал мне вас в мою поддержку и никакими словами не высказать мне свою благодарность к вам!

Дуся, намывая старый чемодан в дорогу, продолжала волноваться. Понимая, что у Степана есть женщина, она не могла определиться – как ей с ней себя вести? Стеснительно, или, наоборот – смело и раскованно? Ни то, ни другое не подходило. Делать вид, что её нет? Не обращать на неё внимание? И всё же, над всеми удручающими её мыслями, брали верх другие – более решительные и более смелые. Она, по происшествии стольких лет, помнила все дни своего прожитого женского счастья со Степаном. И будь, что будет, она поедет. Она поедет к своему любимому через годы и большие расстояния для того, что – бы ещё раз прикоснуться к прошлой своей любви, к человеку, которого судьба разлучница ударила по лицу, может быть похлеще, чем её, Евдокию. Никто не посмеет им помешать насмотреться друг на друга, прочитать в глазах наболевшее.

Митя, помогая бабе Дусе собраться в дорогу, просил и его взять с собой. У него сейчас каникулы, и он тоже хотел – бы поехать к деду Степану.

Евдокия, убеждала внука в том, что скоро за ним приедет мама, и они поедут на БАМ.

Митя, нахмурившись, сетовал на то, что она должна было его забрать с собой сразу, как только уезжала на тот БАМ. А теперь и сам не знает, хочет он туда ехать или нет.

В этот же день приехала Раиска. Радости Митиной не было конца и он тут – же забыл все свои обидные слова, сказанные в адрес своей мамы.

Раиска рассказывала, что видела Пашиного отца – тот приезжал к ним совсем недавно погостить и снова уехал домой, волнуясь о том, что без него приедет его Дуся.

Алёна просто закидывала свою дочь вопросами о Степане, и Раиска старалась поведать о нём всё, что знала. Евдокию же волновало лишь одно – как выглядит он, сильно ли постарел, не болен ли?

Через три дня Тимофей и Алёна провожали в дальнюю дорогу дочь, внука и Евдокию.

Вернувшись домой, долго сидели молча за столом, за которым совсем недавно, перед дорогой, дружно обедали. Сиротливо стало после отъезда внука. Казалось, совсем недавно провожали они Митю в первый класс. Вместе с ним читали первые его книжки. Сидели на школьных собраниях и делили с ним первые победы и неудачи. Ходили в лес и на речку, помогали

делать гербарии. Бабушки учили шить, а дед держать в руках пилу и стамеску, в результате этого висит до сих пор на яблоне скворечник, сделанный Митей и его дедом.

Алёна, смахивая слезу, произнесла тихо:

– Вот и остались мы с тобой, Тима, одни. Уехала Раечка, увезла нашего внука. Понимаю, что так оно и должно быть, мальчик должен жить с матерью, да только как его примет Раин муж? И нашла же, за кого замуж выйти! Всегда была упрямая. А нам теперь думай, как Митеньке будет при отчине? Ладно бы русский, а то грузин, вот ведь учудила любимая дочь!

Мысли Алёны тут – же перекочевали к подруге – они никогда так надолго не расставались. Что ожидает Дусю в той далёкой Сибири? Тяжёлая доля досталась ей. Вот даже на старости лет нет ей покоя!

– Тима, может, зря мы отправили Дусю к Степану? Не смог сам приехать за это время, так и нечего было ехать и ей. Необдуманно мы поступили, толкнули родного человека в неизвестность. Разбередит душу, только хуже станет.

– Чего уж, теперь? Вы, бабы, сами не знаете, чего хотите. То им одно подавай, а то вдруг другое. Нечего махать руками после драки. Стёпка её встретит и будет так, как надо. А встретиться им необходимо, что об этом говорить! Нам теперь одна задача – ждать известий от всех, да надеяться на лучшее. Я, честно признаться, всегда ругаю себя за то, что так и не выдали мы с тобой за все эти годы замуж Евдокию.

– Ты прав, если бы мы были с ней построже, никуда бы она не делась и не оставалась до сей поры одинокой. Вот приедет к тому Степану, увидит его, поговорит с ним, а дальше – то что? Не отпустит его та его Надя, да и он за эти годы привык к ней – сам не захочет уходить.

– Евдокия поехала не за тем, что – бы вернуть Стёпу, а просто повидаться с ним, принять от него исповедание. Обоим станет легче.

Дусе было хорошо с Раиской. За бесконечными разговорами время летело в пути быстро, скоро Иркутск.

Митя ехал в поезде, радовался тому, что скоро увидит своего брата, сестру и отца, познакомится с маминым мужем, а деда Степана он увидит уже скоро, когда тот будет встречать его бабушку. Мама дала ему телеграмму ещё на вокзале, когда только что купила билеты.

Поезд подходил к станции Иркутск. Евдокия, сильно волнуясь, теребила в руках платочек, тревожно смотрела на Раиску, пытаясь найти в ней защиту.

– Да не волнуйтесь вы так, тётя Дуся, всё будет хорошо! Дядя Степан хороший, добрый. Паша говорит, что даже не думал, что его отец такой заботливый и любящий. Сейчас он Вас встретит и сразу всё образуется. Маме только моей сообщите, что доехали, а то она волнуется...

На платформе, глядя в лица встречающих, Раиска Пашиного отца не обнаружила. Все трое – она, Митя и сама Евдокия стояли у вагона, крутили головами, высматривали Степана.

Волновалась и проводница. Она успокаивала свою пассажирку, советовала; если к отправлению поезда её так и не встретят, то нужно подождать некоторое время в здании вокзала – может человек задержался, так бывает очень часто.

Время отправления поезда подошло, Степан так и не появился. Дуся, целуя своего внука и Раиску, просила за неё не беспокоиться – адрес Степана у неё есть и если он не придёт, то отправится к нему сама, а вещи оставит в камере хранения. Потом тихо, что – бы Митя их не слышал, спросила:

– Ты призналась Паше, что Митя его сын? Я, как ты велела, не сообщала Павлу об этом. Скажи, не томи.

– Павел ещё не знает и думаю, что не хочет знать. Когда пойму, что для моего сына будет важным общение с Пашей, я обязательно их друг другу представлю.

Поезд тронулся. Митя долго махал бабе Дусе из окошка вагона, и вскоре она скрылась из вида.

– Так и не увидел я дедушку Степана, – сетовал мальчик.

– Как ты думаешь, мам, почему он не пришёл к поезду?

– Всякое может быть. Я думаю, что придёт он, просто где – то задержался.

Раиска не стала выдвигать разные версии, что – бы не расстраивать сына. Митя же, немного помолчав, радостно произнёс:

– Я знаю, почему дедушка не успел к поезду!

Раиска выжидающе смотрела на Митю. Тот, расплывшись в улыбке, воскликнул:

– Цветы! Он выбирал ей цветы, что – бы её встретить. Так всегда делают мужчины, я знаю! Пока цветы выбирал, поезд наш и ушёл.

Раиска обняла сына:

– Хороший мой! Как же мы не догадались сами! Может ты и прав.

Раиска обнимала сына, радуясь, что совсем скоро они будут все вместе; она с Митей и Сашко.

За эти годы она так и не смогла родить мужу. Всё как – то не получалось. Сашко мечтал о совместном ребёнке и тысячу раз уверял Раиску, что её Митя для него есть и останется самым первым и любимым сыном. Он видел его только на фотографиях и уже любил его. В чертах мальчика Сашко видел некую схожесть с собой.

Сашко бежал навстречу Раиске и Мите. Не успели они выйти из самолёта, как он, размахивая букетом полевых цветов, давал понять, что он уже здесь.

Он протянул руку мальчику, представился и, поглаживая завитки чёрных Митиных прядей, усмехнулся:

– Как мы с тобой долго не виделись, сынок!

Митя же почувствовал уже с первой секунды, что приобрёл близкого и родного человека.

Раиска поняла это сразу, и сердце её наполнилось радостью. Она знала, что её Сашко дружелюбный, что всегда ждал Митю, но всё равно она переживала, как отнесётся её сын к национальности её избранника? Не будет ли стесняться того, что он теперь его сын?

Когда же Сашко улыбнулся Мите всей своей широкой доброй улыбкой, все её сомнения исчезли – она видела, как её сын ответил Сашко искренней радостью в глазах и крепким пожатием руки.

Через несколько минут они были уже в своей квартире. Сашко побежал в магазин, а Митя, воспользовавшись этим моментом, сказал вдруг:

– Мам, я никогда не видел своего отца, давай не будем напрашиваться, у меня же теперь есть папа Сашко. Зачем мне два папы? Мне он очень понравился. У другого моего отца уже есть дети, вот и пусть их воспитывает, а отцом называть буду Сашко.

– Это ж где ты таких слов набрался? Кто научил, что не надо напрашиваться? Ты такой – же сын для своего отца, как и все остальные его дети.

Бабушка Алёна говорила, что не стоит мой отец того, что – бы напрашиваться к нему в сыновья. Оказывается, он нас бросил ещё до моего рождения. Ты как хочешь, но моё мнение такое, что пусть он обо мне и не знает вовсе. Теперь моим папой будет твой муж, и мне он очень понравился.

Митя, вспомнив Сашко, улыбнулся, прижался к Раиске. Та стояла как вкопанная, не зная, что ответить сыну. Вот тебе и мама! Всё же выдала на гора всё о его рождении и не призналась ей, своей дочери.

Раиска гладила голову сына. Вырос он уже, всё понимает, так может, стоит принять его решение?

– Знаешь, сынок, а ты, наверное, прав и бабушка твоя права. Не будем мы признаваться твоему отцу, что ты его сынок. Пусть остаётся всё так, как было. Может быть, придёт время, когда он сам, отцовским чутьём догадается об этом, вот тогда можно и все карты открыть.

А с его сыном Лёней вы обязательно подружитесь – он замечательный. У него недавно погиб друг, разбился в самолёте и, может быть, ты сможешь для своего брата стать другом.

С огромной сумкой продуктов в комнату влетел грузин:

– Вай, вай, наш сынок заждался своего папку. С дороги парня кормить пора, а я вот очень много задержался. Сейчас я вас буду кормить. С работы отпросился, что – бы вас встретить, поговорить с вами, насмотреться на вас. Раиска, как всегда поправила его, улыбаясь:

– Сашко, когда ты, наконец – то научишься говорить правильно. Нужно было сказать

– Я немного задержался, или – меня долго не было. Ну, сколько тебя можно учить?

– Да, милая, я немного долго не был, извини!

Митя от души смеялся, ему было весело от смешного говора Сашко, а тот был бесконечно рад, что мальчик принял его в своё сердце. Раиска видела, как светились глаза её мужа, как тянулся к нему её сын, и на душе у неё окончательно стало спокойно. А такое открытие, что Митя и Сашко имеют между собой сходства, приводило её в умиление.

Вечером к ним явилась вся семья Егоровых. Они знали, что Сашко поехал встречать Раиску с сыном и уже с нетерпением ждали их. Первым в их дом вбежал Лёнька:

– Тётя Рая, привезла своего сына? Он торопливо снимал у порога свои ботинки, спешил увидеть Митю. С первой минуты знакомства мальчики поняли, что будут теперь друзьями. Танюшка, стесняясь незнакомого мальчика, только издали смотрела на него своими большими серыми глазами и улыбалась ему. Милая девчушка покорила сердце Мити. Он подошёл к ней, протянул руку и сказал:

– Давай дружить!

– Давай! – весело ответила она и все взрослые стали свидетелями хорошего, доброго начала детского знакомства.

Катерина с Павлом тут – же нашли большое сходство Митю с грузином.

К подтверждению этому, Пашка вдруг воскликнул:

– Надо же, как похожи! Если бы прицепить Мите усы, то это был бы портрет нашего Сашко!

Все засмеялись. Не смеялась только Раиска. Она, незаметно от других, наблюдала за его реакцией. Неужели даже сердце не дрогнет! Ведь, должна же быть, хоть какая – нибудь связь между родственными душами! И пусть её нет, но должен же Пашка своим умишком попытаться дойти до всего сам! Вспомнить тот день и напрячь свою память. Но нет! Он, здороваясь с Митей, смотрел на него, но совсем не всматривался. Не хотел, или чего – то боялся?

Ах, эти мужики! Никаких тонкостей чувств им не дано. Принимают всё за чистую монету. Есть, что есть, а покопаться поглубже, им лень.

А Митина улыбка выдавала тайну, но никто, кроме самой Раиски это не заметил. Катерина произнесла:

– На тебя, Раиска, похож сын. А теперь и на Сашко, как мы убедились.

У Раиски боролись два чувства. Одно обидное за сына – Пашка так и не заметил свою улыбку в собственном сыне. Другое – хорошо, что не заметил. Им с грузином это на руку. Для неё сейчас было куда важнее – доброе отношение своего мужа к Мите.

После того, как гости ушли, грузин обнял Раиску с Митей и прошептал трепетно:

– Я так вас люблю, мои родные. Я мечтаю о том, что – бы у нас было большая, дружная семья. Когда – нибудь у нас появится ещё мальчик или девочка, и ещё. Мы поедем к моей маме, и она скажет, утирая от радости слёзы:

– Наконец – то ты вернулся, мой Сашико! У тебя красивая жена и очаровательные дети! Ты счастлив, мой сын, значит, счастлива и я!

Раиска произнесла с полной серьёзностью:

– Я так хочу, что – бы у нашего Мити были и братья и сёстры. Мы обязательно поедем в Грузию, и обязательно порадуем твою маму, Сашко.

Митя же про себя подумал, что лучшего отца ему не надо!

Лёнька обрадовался новому другу. Митя был такой же заводной, как и он. Лёнька сразу признал в нём родственную душу и сразу доверил ему все свои мальчишеские тайны. Он поведал ему о своём погибшем друге Виталике и Бучиной горе, о том, что совсем недавно нашёлся его дед Степан.

Прошлое своего деда Лёнька решил не касаться. Митя, зная всю историю жизни своей бабушки Дуси и деда Степана, слушал Лёньку, и ему так хотелось признаться, что и он, и дед Степан с бабушкой Дусей и Лёнькин отец – все они родные и близкие ему люди, что с Лёнькой они родные братья. Но он сдерживал себя и думал, как долго может эта тайна длиться? Наверняка, кто –нибудь, как –нибудь случайно, да проболтается. Может, кто – то и проболтается, но только не он. Лёнька обещал Мите показать ту сопку, на которой похоронен друг его деда Степана.

Выбрав подходящий день, Лёнька начал собирать рюкзак. Собирался он в этот поход вполне серьёзно и обдуманно. Митя наблюдал, как Лёнька наливал воду, отрезал хлеб. Положил в рюкзак свечу, картошку. Спички само собой, но вот зачем свечка нужна в походе среди дня, Митя не мог понять. И только на вершине сопки понял. Лёнька отмерил три шага от большой сосны, присел и стал убирать с земли накинутае ветки и сосновые шишки. Митя молча присоединился к своему брату. Очистив полностью площадку, Лёнька со знанием дела стал доставать из рюкзака всё, что принёс. Налил в стакан воды, положил сверху хлеб, зажёл свечку. Потом произнёс:

– Это могилка Бучи, дедушкиного друга. Вот для чего свечка – в память об умерших людях зажигают её. Митя посмотрел на Лёньку, сказал:

– Тогда, давай, помолчим, так полагается.

Они поднялись с земли, отряхнули с себя прилипшие иголки от сосны и молча постояли минуту, другую, глядя на то место, где покоился неизвестный для Мити, Буча.

Потом они развели костёр, положили, разумеется, в него картошку. Пока горел костёр, и пеклась картошка, мальчики разговаривали.

– Знаешь, Митька, у меня есть две бабушки. Одна в деревне, где папа родился, другая в Германии. Та, которая в Германии, бабушка Маша, она добрая, а та, папина мама, бабушка Дуня, она злая. Нас с Танюшкой не признаёт. Я случайно подслушал разговор отца и мамы. Папка уговаривал её поехать в отпуск к ней, а моя мама ответила, что к его матери она не поедет, и детей своих к ней не повезёт, потому что та совсем не любит ни её, ни её детей, то есть нас, с Танюшка.

– А что твой отец? Он что говорил?

Говорил, что это было давно и нечего былое вспоминать. Что его мать, как только увидит нас, так сразу и полюбит. А разве нас нужно обязательно увидеть, что – бы полюбить?

Митя, понимая, о какой бабушке идёт речь, решил друга успокоить:

– Они оба ошибаются; и твой отец, и твоя мама. Бабушка вас с Танюшкой любит, не может не любить, потому что вы дети любимого её сына. Вам давно нужно было приехать, обнять её и дать ей шанс пообщаться с вами. Поверь, мне, что вы с Танюшкой были бы для бабы Дуни самыми родными. Это всё взрослые виноваты. Это они находят сами для себя лабиринты, запутываются в них, тем самым запутывая и детей своих.

– Да, и ничего с этим не поделать – они же взрослые, а значит, правы во всём» – согласился с Митей Лёнька и вздохнул.

Мальчишки ели печёную картошку, парочку картофеля положили на могилу Ване, потом Лёнька произнёс:

– Пойдём, Митяй со мной, хочу посмотреть кое – что. Заглянув под корягу, куда они с дедом оставляли продукты, Лёнька обнаружил, что продукты и отцовская ветровка отца были на месте.

- Значит, так и не вернулся, – проговорил он задумчиво. Потом снова произнёс с досадой:
– Ну, теперь точно не дойдёт. Зря он не забрал всё это. Вот, дуралей!

Постояв снова в раздумье, Лёнька затолкал ветровку, оставленную для напарника Бучи, в рюкзак, и дал понять Мите, что они отправляются назад, в посёлок. Перед тем, как расстаться, Лёнька сказал:

- Хорошо, Митька, что ты приехал. Теперь у меня снова есть друг!

Они везде были вместе. И хотя ссорились из – за мелочей, им было друг с другом интересно.

Митя, прожив последние годы с двумя бабушками и дедом, был избалован чрезмерной любовью и вниманием, и это было очевидно. Заметив однажды, как тётя Рая вымывает его ботинки, Лёнька удивился:

Ты что, позволяешь своей маме мыть свою обувь? Мажешь ты, а моет другой? Ну, ты даёшь, Митяй! Я никогда не позволяю маме мыть свои ботинки. Я ещё и Танюшкины иногда мою. Они же устают, наши мамки. Под землёй работают! Да и стыдно нам, что – бы нам мамы носы вытирали, мы же уже пионеры, Митяй! Ты приучайся к бамовской жизни, здесь бабушек и нянек нет.

Наши мамы и папы приехали сюда, что строить БАМ и мы должны им помогать, понял?

Мите стало стыдно – до чего докатился! Раньше за него всё делали бабушки, и он просто не замечал этой ерунды. Но теперь перед Лёнькой ему стыдно стало. Щёки его покраснели. Опустив голову, Митя тихо произнёс:

– Я скоро привыкну всё делать сам. Там, в деревне за мной так и ходили – Митенька, не упади, Митенька, иди, гуляй, мы сами всё сделаем. И так все четыре года. Я и отвык от самостоятельности.

- Ничего, здесь ты к ней привыкнешь. Не переживай, это поправимо.

Осенью мальчишки пошли вместе в школу, вместе сели за одну парту.

Общительный Митя в классе стал сразу своим. Ему было всё интересно, и он без конца задавал вопросы то учителям, то своим одноклассникам.

В первый день учёбы, перед тем, как начать урок, их учительница объявила о том, что их одноклассник, Соболев Виталий больше никогда не будет с ними. Весь класс поднялся, и молча стояли, в память своего одноклассника.

Учительница подошла к парте, где сидел погибший её ученик, постояла немного, потом добавила:

– Это место занял новенький мальчик, и мы будем надеяться, что он будет таким же доброжелательным, каким был наш Виталик.

Все смотрели на Митю и на Леонида. У каждого был немой вопрос в глазах – сможет ли этот новенький заменить Лёньке Егорову друга, каким являлся погибший Виталик?

Лёнька тут – же решил всех заверить:

– Митя теперь мой друг. Он не сможет быть таким, как Виталик, но заменить его сможет вполне. Я рад, что сегодня, первого сентября, я не остался один за этой партой.

Осенние краски Забайкалья всполохами зарниц очаровывали и завораживали любого. Катерина напоминала сыну:

– Леонид, не пропусти осень – успевай её запечатлеть в своих снимках. Мы, со своей работой никак не можем выбрать время, что – бы сходить в лес, а там, между прочим, брусника давно ждёт, да грибы.

– Летом – то мы малины набрали, теперь вот пойдём бруснику собирать. Мишка тот нас заждался, пора его навестить.

Катя смеялась, вспоминая случай в малиннике, а Лёнька, брал свой фотоаппарат и вместе с Митей отправлялись фотографировать осенние пейзажи. Жалко, что снимки будут не цветными, но всё равно красиво.

Сначала Раиска сомневалась в дружбе сына с Лёней. Думала, что из этого ничего хорошего не получится, мальчишки совсем разные.

Но шло время, а мальчишки продолжали дружить и ничего подозрительного Раиска не замечала. Сейчас ей не хотелось никаких перемен. У них с Сашко было настолько всё хорошо, что она даже боялась чем – либо навредить этому. Не хотелось ей, что – бы кто – то хоть чем – то нарушил их семейную идиллию.

А между Леонидом и Митей крепла дружба. Им было хорошо вдвоём – и кто там кому доводится, совсем их не интересовало. Они ходили в кино, учились выходить из любой ситуации в тех или иных случаях, протягивая руку помощи товарищу. Всё у них было общим. Вместе ходили в школу, вместе уходили за посёлок, изведывая окрестность. Интересных дел у них было невпроворот и друзей предостаточно.

Бамовские дети жили и росли вместе с растущими городами, строящимися железными дорогами, мостами и тоннелями.

Маленький народец Большого БАМа не сетовал на то, что иногда их папы и мамы бывают часто заняты на своей работе, понимали, их родители приехали строить БАМ. Ребятишки сами находили себе занятия и были вполне счастливы!...

Катерина всегда с теплом и трепетом вспоминает, что тогда, на той стройке, именно дети помогали взрослым выстоять, выдержать и преодолеть все те трудности, которые выпали на их долю. Не скрывала она и того, что выпадали такие минуты, когда хотелось всё бросить и вернуться в свой город, в благоустроенное жильё, где горячая вода и тёплая ванна, где остались её друзья и коллеги по работе, по которым она так соскучилась! Но возвращалась в барак, находила на столе бидончик с голубикой, набранной Лёнькой и Танюшкой для вареников, и печальные её думы тут – же улетучивались.

Дети БАМа. Они шагали вместе со взрослыми трудными дорогами необжитого края, края вечной мерзлоты, где тайга, мох на болотах и комарьё, где иней на ресницы ложится, и варежки, словно сосульки, стучат друг о друга в трескучие морозы. Но они, маленькие жители БАМа не пасовали перед трудностями. Они приспособливались выживать. Зимой забирались с санками на сопки и оттуда неслись вниз, не боясь ни ветра, ни мороза. Летом знали точно – если бегать и не сидеть на месте, то комары и мошки не так страшны – не догонят. И они бегали: играли в футбол, в догонялки, перепрыгивая через многочисленные теплотрассы, раскачивались на качелях, объединялись стайками, что – бы уйти в лес по грибы, ягоды или в кедрач за шишками.

Детям нравилась жизни на БАМе. Кругом лес и горы. Домики – бараки стоят среди деревьев, как в пионерском лагере. Ягоды совсем рядышком с посёлком, грибы – сразу за окном.

И дети с удовольствием собирали эти дары природы, неся их домой.

Они гордились тем, что могут хоть чем – то порадовать своих родителей.

Учителя в школе объясняли детям, что и они, дети БАМа, соучастники этой стройки.

И они старались помогать взрослым, своим посильным трудом делать что – нибудь полезное; заготавливали берёзовые веники для бани, оформляли в клубе фотовыставку, выступали с концертами на праздниках, принимали активное участие в благоустройстве своего посёлка. Встречая родителей, возвращающих со смены, тут – же спрашивали у них, на сколько метров продвинулся тоннель сегодня? И всегда искренне радовались успехам проходческих работ в тоннеле.

В далёкой глуши развернулась
Великая стройка страны.
От спячки тайга встрепенулась
Ресницами кедра, сосны.
Звено за звеном, Бама рельсы

Зовут, манят вслед за собой,
Слагаются новые песни
О тех, кто на стройке герой.
А кто был героем на БАМе?
Да каждый, кто там побывал,
Не думал никто о медалях,
О славе никто не мечтал.
Признаться же честно и прямо —
— Героями были они —
Те дети великого БАМа,
Что вместе со взрослыми шли!

Глава 2

Проходка в штольне была горячей и напряжённой. Горячей, в прямом смысле этого слова. Проходили горячие источники.

Пар в тоннеле стоял, словно в парилке, не хватало только веников. Проходчики работали без спецовок. Если работать в них; в робах и фуфайках, можно было бы всех подряд выносить вперёд ногами. Душ – то под шестьдесят градусов! И хотя работа без спецовок в тоннеле строго запрещалась, в этом случае делалось исключение.

Раиска с Катериной вместе со своим звеном проходчиков переживали весь этот кошмар. Дышать было совершенно нечем, Раиска то и дело присаживалась, а Катя, поливала на её лицо воду.

Проходка под горячими источниками вконец всех вымотала.

Им, маркшейдерам, всё – же было немного легче, пока была свободная минута, можно было отсидеться в нише и там, обливая себя водой, взятой тут – же, из бегущих стоков, хоть немного привести себя в чувство. Сердце сбивалось с ритма и колотилось где – то в горле.

Проходчики же не останавливались. Если кто – то закуривал, бригадир начинал подготавливать;

– А ну, бросайте курить, черти водяные, работать, надо работать!

Пока эту жилу проходили, подруги поняли, и на себе испытали всю «красоту и романтику» горнопроходческой профессии...

Когда эта «баня» закончилась, все с облегчением вздохнули. Глотая свежий прохладный воздух, проходчики радовались победе. Маленькой, но победе!

Выброс песка из забоя однажды напугали Катерину и Раиску до смерти. Не так своим действием, как своей внезапностью и быстротой.

Скала, недовольная тем, что её, вековую, потревожили, решила выплюнуть на людей столько песка, что завалила весь забой.

Случилось это на сто семидесятом метре проходки.

Катерина стояла на сколоченных деревянных настилах и наносила контур на забое.

Раиска находилась поодаль, давала правильное направление. Ничего не предвещало, как вдруг под ногами Кати доски вмиг обломились, а она, свалившись с них, ничего уже не успела сообразить...

Буквально на долю секунду увидела образ своего отца. Она не поняла, как очутилась перед кучей песка, остановившего так – же внезапно, как и появившись.

Более шестисот кубометров воды, песка и грунта прорвалось в забой. Проходческий щит мгновенно затопило, тубингоукладчик засосало выплеснувшим песком. Спасались тогда все бегством.

Убежать от стихийного бедствия удалось тогда всем.

Кто – то из проходчиков произнёс:

– Вот это да! Всё здесь живое, просто так в руки не даётся. Не зря раньше, прежде чем опуститься в шахту, молились и просили хозяина подземелья быть к ним благосклонней.

Раиска испуганно смотрела на подругу:

– Знаешь, я думала, что больше никогда тебя не увижу. Ты же стояла перед самым лицом этого выброса! Была на самом переднем краю! на самом переднем крае! Я даже боялась оглянуться – уже не ожидала, что увижу тебя!

Испуганная происшествием так же, как и её подруга – напарница Раиска, Катя тихо произнесла:

– А меня мой папа спас. Я его видела. На какую – то секундочку увидела его, ничего не успев понять.

Раиска, всё ещё не пришедшая в себя, промолвила:

– Ну и ну! Вот тебе и не верь после этого!

Подруги, немного придя в себя, стали глазами искать всех тех, кто был с ними только что в забое.

Кажется, все проходчики на месте Катя выдохнула:

– У нас сейчас всё обошлось, а вот тоннельщикам Западного портала не повезло. Они наткнулись на размыв – русло реки, заполненное смесью валунов, песка и воды. Там тогда произошла беда. Такой, как наш тоннель ещё никто не сооружал. Идём непроторенной дорогой, и кто знает, что ещё нас ждёт впереди? Подруги обнялись, испугавшись друг за друга...

Крепкий орешек – этот Северомуйский тоннель! Бывало всякое в его проходке и если писать о всех его каверзах, то не хватит никакой книги. Для этого есть историки, они – то наверняка обозначили в своих летописях все цифры, даты, победы и всевозможные даты всех событий того строительства.

Все жители посёлка жили событиями передовых сводок проходки тоннеля.

Люди, знающие своё дело, вели точные расчёты этой проходки. Это были, конечно же, маркшейдера. Благодаря их знанию, их умению, сбойка стволов совершались с невероятной точностью!

Западный и Восточный портал, стволы; все они, по заданному направлению маркшейдеров, приближались друг к другу. Каждый день посёлок жил сбояками тоннеля, встречей первого поезда и каждый верил, что обязательно всё это будет...

Жителей БАМа страна не забывала. Завозила в посёлки красивые японские вещи, посылала к ним знаменитых артистов.

Кто только не приезжал в Северомуйск! Аверкин и Девятов, Дин Рид и группа Комбинация, Понаровская, и многие другие знаменитости.

Организатором разнообразных культурных мероприятий в посёлке являлся профорг одиннадцатого отряда неутомимый Николай Ильич Дёмин. Первопроходец и неутомимой энергии, человек! Все знали, что если к нему обратиться с какой – нибудь просьбой, то он непременно постарается помочь.

Строитель Харьковского метро, он, услышав про БАМ, в числе первых десантов отправился на Байкал, а затем в самый отдалённый участок БАМа – Северомуйск.

Общительный и остроумный, неунывающий и доброжелательный, он сразу пришёлся по душе шахтёрскому люду, прибывающему из всех уголков страны.

Ему и доверили самый важный, самый ответственный пост – профсоюзную работу.

Работу, которая требовала массу времени и массу неотложных задач.

В обязанности профорга входило буквально всё: встретить артистов из Москвы и хорошо их устроить. Собрать футбольную команду и организовать матч, выбрать подходящий момент для рыбалки и там устроить соревнования по рыбной ловле, не забыть поздравить лучшее звено проходчиков, выдать талоны на дефицитный товар строго по списку, ни одну фамилию на упуская. Забежать в поселковую столовую и в рабочую столовую на портале, поинтересоваться – хорошо ли кормят людей?..

Ильича можно было видеть везде и всегда. То он в детском саду на утреннике, то на репетиции в клубе, радуясь за свою поселковую самодеятельность. Он даже этим гордился и предрекал местному ансамблю «Русская песня» призовое место в конкурсе среди бамовских коллективов.

Но больше всего переживал он за проходку тоннеля. Часто появлялся на портале, надевал каску и шёл в тоннель. Вздыхал, вспоминая те времена, когда сам опускался в шахту и очень мучился тем, что сейчас не в коллективе проходчиков.

Ильич не раз просил начальство снять его с профсоюзной работы и дать ему возможность снова стать горным рабочим. Да только его снова отправляли на то место, для которого он просто был рождён.

Не получив положительного ответа, снова шёл в свой кабинет, вздыхал, но потом, погружаясь в дела отряда, понимал, как много их – важных и нужных! И уже сам боялся доверить кому – либо эту непростую ношу.

Кто сможет сделать так, как он? Кто знает о тех, кто нуждается сейчас больше всех в чём – либо? И сможет ли тот, другой заглянуть в душу каждому?

Николай Ильич знает почти всех своих жителей, знает все их заветные желания. В его блокнотике, который всегда с ним, записаны и расписаны по порядку все его обязательства, которые он должен выполнить в самое ближайшее время.

Профорг 11 отряда был доброжелательным буквально к каждому.

Вначале, когда массово прибывали в посёлок на строительство люди, он, принимая их в свой профсоюзный коллектив, очень обстоятельно и доходчиво уведомлял о значимости строящегося тоннеля, о жизни посёлка, а потом, желая успехов в новом начинании, от души пожимал вновь прибывшему на БАМ, руку. Потом, так – же доброжелательно пожимал руку тому же, но уже по причине того, что тот уезжал обратно. Не прижился человек, бывает, и Ильич ему снова искренне желал счастливого пути и удачи в дальнейшем.

Первое время народ толпами валил на БАМ. Кто – то ехал за длинным рублём, кто – то за романтикой. Попробовав на «зуб» этот самый БАМ, некоторые тут – же разворачивались и спешно покидали суровые и неприветливые места Забайкалья.

Люди просеивались как сквозь сито – кто крепкий и сильный духом, оставался, а кто слаб характером, уезжал. А тот, кто оставался, не сетовал на временные трудности. Понимали, что золотой дождь на них с неба просто так не посыплется, не вырастут, как в сказке, за ночь, красочные замки. Понимали и старались с оптимизмом смотреть на различные неудобства. Радовались, когда привозили зимой из дальней пекарни замороженный хлеб. Не придавали большому значению, что ни у кого из них нет телевизоров, не жаловались, когда в железных вагончиках примораживались зимой волосы к стене.

Вагончики те хоть и отапливались, да только лютый мороз на улице в пятьдесят с лишним градусов доставал каждого тем или иным путём.

В посёлке постепенно оставался костяк надёжных, трудолюбивых и сильных духом людей. Остались те, кому не по нутру бегство и предательство. Все они потом стали одной сплочённой семьёй, объединённые одним общим делом и верой в победу, как на фронте. Это и был их фронт, на котором сражались они со скалой, отвоёвывая у неё с большими трудностями драгоценные сантиметры.

На сбойках бились о щиты бутылки шампанского и взлетали брызги побед! Взлетали каски, и несло радость «Ура!»

Смена Катерины и Раиски была ночной. Сегодня, по всем расчётам у них должна состояться сбойка с третьим стволом. Всё звено проходчиков старалось изо всех сил, что – бы сбойка произошла именно в их смену.

Машинист щита Фёдор волновался и проверял на планшете после маркшейдеров лично сам и крен, и уклон, внимательно наблюдая за отвесом. Даже после того, как всё это тщательно наблюдалось маркшейдерами, Фёдор снова пристально смотрел на планшет, над которым висел отвес.

Раиска с Катей над ним и подшучивали и говорили, что тот уже давно проехал мимо своей станции.

Ближе к утру, примерно в четыре часа, пришёл сменный инженер и объявил, что проходку нужно остановить. Фёдор спрыгнул со своего рабочего места с вопросом, который заинтересовал всех:

– Что случилось? По времени мы должны идти ещё часа два!

Заметив на лицах проходчиков недоумение, решил их не мучить:

– Да с хорошей новостью я к вам явился их отдела, с хорошей!

Мне только что позвонили и сказали, что мы у намеченной цели. Всё, щит нужно останавливать. Сбойка должна произойти при всём честном народе, утром. Вы перестарались, вперёд намеченного времени бежите. И если ещё несколько шагов вперёд, то шарошки тут – же и покажутся с обратной стороны. А тогда это уже будет не интересно, так что тихо сидим и терпеливо ждём утра. Поздравляю и себя и вас, за то, что именно в нашу смену произойдёт долгожданное событие!

Как ни странно, но ликования в забое не произошло. Кто – то присел на тубинг, кто просто на рельсы, по которым подтягивался щит, Раиска с Катериной уселись вдвоём на кресло машиниста Фёдора. Тот охотно его уступил уставшим женщинам, отключив двигатель щита.

Под землёй наступила непривычная тишина. Фёдор, служивший когда – то на корабле, произнёс:

– Как на подводной лодке.

Никто ему не ответил, каждый погрузился в свои думы.

Монотонный шум вентиляционных труб, капли воды со свода штольни клонили ко сну, раннее утро – самое время – поспать, да только какой сон в неудобном полумраке холодного подземелья! Что – бы не дремалось, некоторые бродили по рельсам туда – сюда, пересчитывая шпалы и было невыносимо тяжело дожидаться утра.

Оно пришло то утро. Новое, совсем другое и вдохновенное. Сейчас будет произведена сбойка!

Фёдору дали команду и щит, своими шарошками снова врезался в породу, круша её на мелкие кусочки. Несколько минут, и эти самые шарошки вышли в пространство. Всё! Щит остановлен!

Сбойка прошла без каких либо отклонений! Это победа! Победа маркшейдеров, победа проходчиков и всех служб, так или иначе участвующих в проходке щита.

Люди ликovali с обратной стороны забоя – те, что шли навстречу и, под громкое «Ура!», вытаскивали через отверстие сбойки Фёдора и всё его звено.

Уставшие, но счастливые, Раиска с Катей вернулись домой. Время приближалось к полудню и хотелось спать, но так хотелось протянуть ещё эти счастливые минуты. У них получилось! Сбойка с третьим стволом произведена самым лучшим образом! Теперь можно расслабиться.

– Начальнику нашего маркшейдерского отдела тоже теперь можно расслабиться – ему уже не пригодятся сухари, – шутили подруги, откровенно радуясь на своего непосредственного начальника и за всех, кто был причастен к проходке тоннеля.

Ночных смен у них было много, но эта ночь была самой трудной и самой счастливой.

Сегодня утром они принимали поздравления, пили из своих касок шампанское, позировали перед вспышками камер и, высвободившись из шумной, многочисленной праздничной толпы, сбежали. Радостное событие будоражило их души. Сейчас нужно поспать немножко, а потом готовиться к празднику. Вечером они все вместе соберутся у Раиски.

Сашко с Павлом на работе, Танюшка в садике, а Митя с Лёней в школе. У них там свои дела.

Прежде чем прилечь отдохнуть, подруги решили вдвоём хотя бы немного отметить это событие. Они быстро приготовили закуску, да и чего её готовить, если у запасливой Раиски всегда всё имеется. И в магазин не надо бежать, вся закуска в погребе, под ногами, там же и коньяк имеется собственного изготовления. Туда Раиска и прыгнула. Катерина только успевала принимать из того погреба разносолы; консервированные опята, солёные крепкие белые грузди и рыжики, мочёную бруснику.

Катя смеялась запасливости подруги:

– Да куда нам столько? Ну и запасы!

– Принимай, к нам вечером придёт весь отдел, так что всё это пригодится. Устроим пир горой. Сбойка не каждый день происходит, такие события нужно отмечать громко, как настоящую победу!

– А это и есть победа. Не только победа наших товарищей, а и наша с тобой тоже!

– Согласна?

– Ясный компот, согласна!

– Хватит, вылезай, а то замёрзнешь. Здесь хватит не только на отдел, но и на весь наш одиннадцатый отряд. Любишь, ты, подруга, заготавливать на десять лет вперёд. Я так не умею.

– Это у меня от мамы. Она любила, что – бы в наших закромах было всего много.

Она в детстве, в войну, голодала, так потом этот страх голода её всегда и преследовал. Поэтому она всегда рада кого – либо накормить, да ещё и дать с собой.

Вот я и унаследовала её привычку.

Сашко тоже удивляется, куда это я столько всегда заготавливаю? А уже я по – другому и не могу.

Приготовив на скорую руку закуску, подруги устроились в уютной кухоньке и стали отмечать сегодняшнее событие. Разлив настойку по рюмочкам и перед тем, как выпить, Раиска произнесла горестно:

– Знаешь, Катерина, я вот думаю – дожили мы до того дня, как свершилась сбойка, основная задача нашего тоннельного отряда почти завершена, а потом что? Я, например, так в свою работу внедрилась и привыкла к ней, что менять её на что – то другое, совсем не хочу!

– Во – первых, работа ещё не окончена и не завершена, как ты думаешь. Найдутся ещё дела на нашем участке. Во – вторых, мы сможем спокойно перейти в другой отряд, например, в двадцать второй. Правда, добираться до третьего ствола придётся подольше, но опускаться, – то придётся всё туда – же – в наш тоннель, в нашу штольню. Рано ты собралась выходить из его логова. Не переживай, без работы не останемся, успеем всё сделать – и в тоннель набегаться и первый поезд по окружной ветке встретить, и дожждаться первого поезда через наш основной тоннель.

Играла пластинка, которую Раиска поставила. Лилась лёгкая музыка и после выпитой рюмки домашнего вина, да и после ночной смены, подруг разморило. Решили перебраться на диванчик, немного подремать.

Под мелодию музыки, склонив друг к другу головы, обе они уснули крепким сном.

Вернувшись с работы, грузин, заметив сонное царство, подошёл к подругам на цыпочках, молча постоял перед ними, потом снял иголку с шипящей пластинки и, как ни жалко было будить жену и Катерину, бросился к ним третьим, щекоча то одну, то другую:

– Ночью выспитесь, скоро к нам с вашего отдела нагрянут, а стол ещё не накрыт.

Раиска испугано смотрела на мужа, соображая, где находится. Придя в себя, кисло произнесла:

– Ах, да, нужно принимать гостей. Да и мальчишки наши до сих пор не накормлены! Просыпайся, подруга, мы с тобой проспали всё на свете!

– Действительно, проспали! Побегу домой, я же не знаю, забрал ли кто из детского сада Танюшку?

Катерина, торопливо обуваясь, бросила на ходу:

– Я мигом домой и обратно. Успеем ещё накрыть на стол, а пока тебе Сашко поможет.

– Да не спеши, Танюшка твоя и мальчишки играют в нашем дворе. Танюшку из детского сада Паша забрал. Спросил у детей, почему не заходят в дом, сказали, что не хотят вас будить. Паша тоже скоро придёт, обещал.

– Как хорошо, что мне нужно переться за дочкой в такую даль. Я всё равно, сначала сбегаю домой, потом вместе с Пашей прийдём.

Катя выбежала на улицу, увидела Митю и своих детей.

– Ну почему вы нас не разбудили? Мы бы так могли спать и до утра! Кушать, наверное, хотите?

– Нет, не хотим, мы потихоньку отрезали хлеб, намазали маслом, а сверху сахаром. Будить вас не хотели, потому что вы спали сладко.

– Ну, что ж, это хорошо, что у вас такие добрые мысли рождаются! Устали мы. Ночь была напряжённой, а потом до самого обеда праздничная суета на портале. Сегодня у нас радостное событие ребята, – сбойка благополучно произошла в тоннеле!

– Да мы уже знаем. Весь посёлок знает об этом.

Лёнька с Митей убежали по своим делам, передав из рук в руки Катерине Танюшку.

Оставшись наедине с женой, Сашко, как это бывало часто, стал приставать к ней со своими нежностями. Любовь у него к Раиске крепла день ото дня. Ему нравилось всё, что она делала, нравилась вся, со своей завораживающей красотой.

Вот и сейчас – Раиска сидела на диване, разбурманенная после сна и небольшого похмелья. Дышащая её тёплая энергия и сила любви манила к себе грузина. Он млел от этой любви и большего счастья ему не хотелось. Мечтал он лишь об одном – теперь, когда у них есть сын Митя, неплохо бы увидеть и дочку, которая с бантиками и в платицах с оборочками будет топтать у них по комнате. Много раз умолял он свою Раиску подарить ему маленькое чудо.

Сейчас Сашко снова шептал свою мечту Раиске в ухо и целовал её, хохочущую, в глаза, нос, щёки и губы, убеждая её всё и больше о нескончаемой любви к ней.

Катерина пришла домой, где её уже ждал Павел.

О сбойке он уже был наслышан и сразу же, с порога поздравил её. По блеску Пашкиных глаз, догадалась, что её муж тоже где – то отметил это событие. Посмотрела на него с укором, хотела напомнить ему о своих дурных привычках после выпитого спиртного, но не стала. Сегодня праздник и даже она позволила себе выпить в этот день. Ничего, вместе с Раиской они справятся с ним, если что. Танюшка сразу же повисла на Пашке, тараторила о прожитом дне в детском саду. А вскоре и Лёнька с Митей явились. У этих неугомонных всегда куча дел.

Забежав в квартиру, Лёнька на бегу докладывал:

– Мы за фотоаппаратом, там, по посёлку корреспонденты всех подряд снимают, а мы хотим их сфотографировать. Среди них мой знакомый.

– Пора бы уже тебе с ним поближе познакомиться. Третий раз приезжает, а ты даже не знаешь, как его зовут, этого твоего корреспондента.

– Да, пап, ты прав, я обязательно с ним сегодня и познакомлюсь поближе, узнаю его имя. Вот только будет ли у него для меня время? Они всегда заняты, за всеми бегают, всё хотят успеть. Я когда вырасту, тоже стану самым знаменитым корреспондентом. Поеду туда, где всё крутится, вертится и строится.

– Да, сынок, здесь совсем другая жизнь, далеко не такая, как в нашей деревне. Там суеты нет, всё размеренно, всё всегда понятно и даже как – то не интересно. Жизнь там тоже кипит, да только всё в одном котле, а вот у нас, здесь, она из котла выплёскивается и уже мало ей места в нём. Вот сегодня у нас весь посёлок в приподнятом настроении и у каждого радость на душе. Хоть до сдачи всего тоннеля ещё очень далеко, для всех нас любое достигнутое достижение, пусть даже небольшое, очень важно для каждого из нас.

Катерина заметила, как внимательно слушает Павла Митя. Он смотрел на Лёнькиного отца с каким – то необыкновенным проникновением, как – бы разглядывая его. Сделав бровки домиком, ловил каждое его слово, иногда переводил взгляд на Лёньку и незаметно вздыхал. Лёнька, погружаясь в бесконечные какие – то дела с Митей, потихоньку привыкал к тому, что теперь с ним погибшего друга Виталика.

Весёлый, черноволосый новый друг Лёни всегда вызывал у Катерины добрую улыбку.

Митя был крупнее её сына, упитанная его внешность и всегда розовые пухлые щёчки просто умиляли её.

Вот сейчас взгляд его был совершенно по – взрослому серьёзен. Он слушал Павла и боялся пропустить даже одно слово. И эти глаза его – что сливы, горят желанием всё понять и разуместь. Раискины глаза, Раискин взгляд и было даже немного не по себе – этот мальчик вобрал в себя все черты своей матери. Все черты, и все её повадки. Митя был вначале непреклонен тому, что – бы подчиняться Леониду. Не в его характере это было. В силу таких обстоятельств, мальчишки первое время часто ссорились. Когда же Митя понял, что Лёнька в каких – то моментах проявляет большие способности и знания, понял, что бразды правления нужно передать Лёне.

Мальчишки убежали с фотоаппаратом искать корреспондентов, которые по случаю сбойки в штольне и по многим другим своим делам, приехали в посёлок.

Вечером вся семья Егоровых отправилась к грузину. Надо поторопиться, хоть Сашко и помогает своей жене, всё же лишние женские руки в таком деле не помешают.

Войдя в квартиру своих друзей, Катерина обомлела – пред ней стояла Шемаханская царица из сказки «тысяча и одна ночь»...

Оливковые глаза, подведённые в стиле Востока, атласный синий халат с райскими птицами, распущенные волосы с розочкой с одного бока, персиковый цвет кожи от тонального крема и пухлые, красные, словно вишня, губы сразили наповал Катерину:

– Ну, истинная – царица! Никогда тебя такую не видела. Вот это халат! Она перевела взгляд на Павла – тот тоже стоял, как заворожённый. Не обращая внимания на то, что Танюшка тянула его за руку, что – бы пройти в комнату, он не сводил с Раиски глаз. Сашко, предвидя такое, поинтересовался:

– Ну как вам моя красавица? Это я её заставил накраситься в честь праздника. Пусть все видят, какая у меня жена! Пока она себя перевоплощала, я, как мог, на стол накрывал. Насмотрелись, и хватит, а то ещё сглазите мою жену. Скоро придут гости, а у нас по столу шаром прокати.

Павел засмеялся над пословицей, которую, как всегда, Сашко путал.

– Ой, друг, сколько тебя не учи, ты так и будешь придумывать все слова на ходу. Тебе сейчас не о столе и закуске думать, а о том, что – бы пришедшие к тебе гости не увели твою красавицу. Пока будешь расставлять рюмки и тарелки на столе, Раиску украдут. Наши ребята не промах – так что усы свои держи востро. Сегодня у тебя жена превзошла все ожидания. Даже я её никогда такой красивой не видел.

Сашко вдруг засмеялся:

– Я у тебя ошибку нашёл! Я точно помню пословицу, которую ты только что сказал. Сказал неправильно! Нужно говорить «ухо держи востро, а не усы! Правильно Сашко заметил?

– Да, действительно, ты прав. Как это я оплшался? – оба засмеялись и дружно взялись за дело, расставляя на столе тарелки и рюмки. К ним присоединилась и Танюшка.

Женщины удалились на кухню готовить жаркое. Оставшись наедине, Катя не выдержала и снова сделала комплимент своей подруге:

– Ты так похорошела с этими распущенными волосами, с крашеными ресницами и губами. Надо, же, как может измениться женщина, если захочет! Но откуда, всё же такой роскошный халат? Ты мне его раньше не показывала.

– Сашко, когда —то заказал своему напарнику по работе привести из отпуска для меня халат красивый, на своё усмотрение. Вот он и привёз его из своего Баку. Хотел Сашко на день рождение мне его преподнести, да не вытерпел, сегодня и подарил.

Грузин подлетел к подругам. Обращаясь к жене, произнёс:

– Я хочу, что – бы ты сегодня блистала в новом халате и даже накрусилась. Сделай из правил исключение. Я правильно сказал?

– Нет, Сашко, ты просто не исправим! Но мне всё равно в тебе всё нравится.

– Правда? Тогда я пойду стол раздвигать, носить посуду. Поедем в отпуск, я тебе куплю самые дорогие краски и помады.

Катя смеялась над умилением мужа своей подруги а она, мелькая своим красивым халатом по комнате, говорила:

– Ну, что тут поделаешь, я и проявила свою бурную фантазию на лице. Надо соответствовать новому халату. Никогда не красилась, не люблю это пустое занятие.

Раиска засмеялась:

– Я помню, как однажды моя мама и Пашкина мать на Новый год, глядя в телевизор, насмотревшись на расфуфыренных женщин, решили накруситься. Долго подкрушивали чёрным карандашом глаза, накрусили яркой помадой губы, и уселись за праздничный стол. Они были такими серьёзными, гордыми, словно их видит вся страна и просто замирает от их красоты. Мне было смешно, и я еле сдерживалась, что – бы не рассмеяться, старалась в их сторону не смотреть. А папка мой, увидев их размалёванные лица, присаживаясь за стол, обратился ко мне:

– Дочка, ты случайно не видела наших подружек? Скоро куранты пробьют, а их нет. И что делают в нашем доме за новогодним столом эти ряженые? Беги к соседке, наверняка они там, без них, моих ласточек, и праздник – не праздник.

Он подмигнул мне, а я подыграла ему:

– Сейчас сбегая, мне не трудно, но они и сами должны понять, что уже пора за стол садиться. Я мигом, не волнуйся, потороплю их.

Подруги посмотрели друг на друга, довольные собой, но, не успела я выйти из – за стола, как моя мать тут – же осадила меня:

– А ну, сядь, отцова заговорщица. Решила родную мать не признавать в надлежащем виде? Привыкли с отцом видеть меня и тётку Дусю в старых изношенных одеждах? Ты вот с ним, со своим отцом – то заодно, да только не знаешь, как он пялится в телевизор на разукрашенных девок! Пялится и облизывается. А мы, бабы деревенские, как проклятые, с утра и до ночи у печи возимся, да из коровников не выходим. В зеркало иногда нет сил заглянуть, падаем, словно только что родившиеся телки! Давайте, смейтесь над нами, мы давно своими курами обсмеянные ходим.

Тётка Дуся поддержала мою мать.

– Они, эти мужики, только себя любят, нас ни во что не ставят. Не выходила я сто лет замуж и правильно делала! Тётка Дуся тоже отвернулась от отца, усердно стала вытирать губы.

Мы с отцом никак не ждали такой реакции от них. Отец, понимая, что шутка его обидела женщин, стал извиняться. А подруги, в гневе стирая со своего лица краску и румяны, снимая с ушей серёжки и бумажные цветки из своих волос, обещали отцу припомнить ему сегодняшнюю насмешку.

Кое – как успокоили мы их с отцом.

Потом они и сами, конечно смеялись над собой, а отец сказал тогда запоминающие для меня слова:

– Когда я пялюсь, как только что сказано, в телевизор на разодетых и разукрашенных девиц, я всегда думаю об одном и том – же; что за этой неприродной красотой прячется? Зачем они порождают из этого тайну для всех? Я понимаю новые приличные одежды и даже сам присматриваюсь к моде. Но лица! Для чего на них слоями наносить шпаклёвку, а потом ночью соскабливать её? Никогда не пойму, для чего лепить ресницы и делать их буквально, как у нашей Зорьки? Особенно это касается молодых девушек. Их красота и притягательность в их молодости, а совсем не в накрушенных губах. Зачем обманывать себя и окружающих? Лучше,

чем создал тебя сам Господь, ты не станешь. Никогда не красься, дочка, радуйся своей наружностью и не вводи в заблуждение людей. Те женщины, которые хотят изменить свой облик, не уверены она в себе, в своих действиях и поступках, не уверены в красоте душевной. Красота любой женщины лично для меня состоит в том, если она имеет красоту внутреннюю. Этим стоит гордиться и куда важнее нам, мужчинам, видеть глаза любимой естественными и лучистыми, а не протираться сквозь кущи её пристёгнутых ресниц, что – бы разглядеть в них родной и любимый взгляд. Я люблю свою жену именно за то, что она мне понятна. Не скрывается она под несметным слоем помад и румян. Естественна её улыбка и открытый взор. Всё мне в ней понятно и вот за это я ей благодарен. Пусть моя шутка не станет дурным намёком, а наоборот, я подчеркнул, как мог естественную красоту души моей Алёнки. Евдокия же так всегда хороша собой, что не взирая на свои не совсем молодые годы, и теперь может свести с ума любого. Замуж могла выйти, действительно сто раз после Степана, ну здесь мы бессильны. Так, что, дорогие мои женщины, разрешите мне, единственному мужчине среди вас, поздравить вас с наступающим Новым Годом и признаться в своей любви к вам!

– Ах, какой ты Тимофей, хитрец! Сумел выкрутиться! Но всё же, принимаем твои поздравления и в честь новогодней ночи прощаем тебя!

Мир после курантов был восстановлен, но я впитала те слова своего отца и никогда не красилась. А зачем? Кого я должна удивлять своими крашеными ресницами и губами? Я вполне довольна собой и этого достаточно. Сегодня вот только решила побаловаться косметикой. Самой даже интересно стало – насколько я могу измениться во внешности? По – моему, ничего, хорошо получилось. Пашка сразу и не узнал меня.

– Да, Раиска, Сашко с первого дня знакомства понял, что ты и есть та самая, о которой он мечтал. И он не ошибся. Ты, действительно замечательная со всех сторон. О такой жене могут некоторые просто мечтать. Всё же наш Паша глупый, если не разглядел в тебе самую из прекрасных женщин. Как ты думаешь, Раиска, что испытывает он сейчас? Может быть, его гложет зависть к грузину и злость к самому себе? Злость на то, что уехал тогда за мной, не вняв словам своей матери? Да я и сама только сейчас понимаю, как бездумно мы с ним тогда поступили. Какими всё – таки были глупыми! Я тоже тогда бабушку не послушала, хоть и отговаривала она меня и твердила, что у Паши есть девушка.

– Ты что же, уже сомневаешься в правильности своего выбора? Сомневаешься в Пашиной любви к тебе? Да он тебя всегда любил. Любил с самого того дня, как ты первый раз приехала к нам в деревню со своей сестрой. Тогда все мальчишки были в тебя влюблены, Павел тоже не был исключением. Только шансов у него было меньше всех. А видишь, как всё получилось. Получилось правильно, вы созданы друг для друга. Такие разные и удивительно похожие. Не думай ты не о чём, не жалеи и знай, что Паша по – настоящему тебя любит и любить будет всегда, я его натуру знаю.

Праздник в честь сбойки набирал свои обороты в гостеприимном доме грузина.

Сашко произносил тосты во славу всех тех, кто был причастен к этой сбойке, Раиска же следила за тем, что – бы стол не пустел от закусок.

Павел в этот вечер выпивал мало, но всё же для него и этого было достаточно, что – бы проявить себя с дурной стороны. Он громче всех говорил, стараясь перекричать своего друга Сашко и даже музыку. Жестикулировал руками, пока, наконец – то, не разбил тарелку. Заработал при всех от Раиски хорошую оплеуху, почесал затылок, присмирел, но ненадолго. Он вдруг вышел плясать в присядку, хлопая сам себе по груди и не обращая ни на кого внимания. Катя отвернулась от него, глубоко вздохнув:

– Вот видишь, что вытворяет! Я заметила, что ему совсем нельзя пить, сам не свой становится! У нас уже были по этому поводу размолвки на Урале, потом и в Москве. Моя мама тогда вмешалась, дело доходило до развода. Сегодня вечером не исключено, что на него нападёт ревность. Ревнует меня ко всем подряд, и ничего с этим не могу поделать. От тебя я, конечно,

старалась всё это скрывать, да шило в мешке не утаишь, когда – нибудь, да показал бы мой мужёнок, на что способен. Сейчас вот веселится, а домой придём, станет придирааться.

Удивлённая Раиска произнесла:

– Надо же! Никогда не представляла Павла пьяного, да ещё буйного и ревнивого. Он был к этому зелью совсем равнодушен. Значит, будем отучать его даже от кваса, пусть пьёт чай и кофе. Ты посмотри, как разгулялся! Даже неудобно перед гостями. Хорошо, что здесь все свои. Нет, я сейчас его быстро угомоню! Почему ты никогда мне не говорила о таком его невежестве?

Раиска долго не заставила себя ждать – подошла к Павлу, врезала своей ручищей ему по шее, шепнула что – то ему на ухо и тот тут – же поторопился за ней, потирая затылок.

Что она говорила ему на кухне, Катя не знала, но после разговора с Раиской, Пашка тихо сидел за столом, лениво жевал маринованные грибы и косо поглядывал на свою жену, с опаской озираясь на Раиску.

По дороге домой он не проронил ни слова, а дома, отвернувшись к стенке, вдруг произнёс:

– Не любишь ты меня, от того и все мои дурные эмоции. Знаю, что не жаловалась подруге, но и не заступилась, когда Раиска мне по шее при всех врезала. Всё от неё принимаю, как от родной матери, но ты же моя жена! Могла бы хоть ради приличия за меня заступиться. Я что, не имею права сплясать на празднике? Зачем сразу же по шее? Я на вас на обеих теперь очень зол.

Натянув на себя одеяло и укрывшись с головой, Пашка замолчал.

Катерине было смешно высушивать Пашкину обиду. Улыбаясь про себя, лежала и думала о том, что такое сказала ему Раиска?

Так или иначе, после сказанных тех Раискиных слов, он стал тихим и покорным.

Таким Павел был всегда. Проявлялся выплеск его дебоширства стал только после выпитого спиртного напитка. Сегодняшняя ночь была у Кати спокойной благодаря Раиске, а до этого, редко, но приходилось выслушивать от своего мужа беспричинную ревность в свой адрес

Проводив всех гостей, убрав всё со стола, Раиска и Сашко тихо разговаривали на кухне. Митя уже сладко спал, и можно было расслабиться, посидеть вдвоём. Раиска дымил сигаретой, а Сашко отгонял этот дым от себя прочь. Не любил и не понимал он эту привычку, считал её дурной и вредной, но сладить с женой и уговорить бросить это пагубное дело он был не в силах. В конце концов, махнул рукой на Раискино увлечение и привык к тому, что его жена дымит, как паровоз. Сейчас они говорили о Павле. Изменился Павел, становился непопуган Раиске и это её пугало:

– Да, Пашка теперь не тот молчаливый паренёк, хилый и стеснительный. У него прорезался голос, и выпивать стал. Тётка Дуся не пережила бы подобное. Её Пашка – и рюмка вина? Это просто убийство для неё и совсем не совместимо с её тихим и смирным сыночком. И наглость в нём какая – то появилась.

Сегодня я за ним понаблюдала, и оказалось, что Катерина не зря тревожится за свою семью. Я теперь, после сегодняшнего дня, тоже за них волнуюсь. Знаю, что Паша добрый и никогда не сделает больно другому человеку – не такой он. Но я знаю и свою подругу. Катерина долго терпеть не станет пьянство. Я вообще удивляюсь на то, как она его терпит, если у них уже были ссоры из – за Пашкиных таких проделок. Ну, я за него возьмусь! Катерина скрывала от меня, что ему совсем пить нельзя – неадекватным становится. Сегодня я убедилась в этом. А раз так, значит, больше не позволим ему и капли спиртного!

– Да не волнуйся ты так! Паша трудяга, какого ещё поискать! Редко бывает, что вот так собираемся. Не грех и по рюмочке пропустить для расслабления души. Ничего страшного

не произошло. Я вот сегодня только на тебя и любовался. Тебе так к лицу этот халат! Даже Митя оценил, сказал, что ты как русалка в синих водах. Надо же, как хорошо он сказал!

– Пока ты с меня глаз не сводил, Пашка тут вытворял, Бог знает, что! Все выпивали, но все вели себя абсолютно достойно. Один он, как клоун, прыгал и размахивал руками. Кате было неудобно за него. Ведь был весь наш отдел вместе с начальством! Ему совершенно нельзя даже и нюхать спиртное! Завтра выходной, пойдём к твоему другу – я ему ещё не всё сказала. Ты почему меня не слушаешь, Сашко! Я с кем разговариваю! У Егоровых очаг семейный по швам трещит, а тебе и дела никакого нет?

Грузин, продолжая улыбаться Раиске:

– Ничего больше не хочу слушать, я так счастлив, что у меня есть ты, есть сынок Митя, и если ты будешь думать иногда и о нашей семье, то скоро может появиться и дочка.

Сашко взял Раиску на руки и бережно, словно хрустальную вазу, понёс в комнату...

Ночью Пашка проснулся оттого, что замёрз. Каким – то образом он сбросил с себя одеяло, как ребёнок. Приподнял голову, посмотрел на спящую рядом жену, хотел залезть к ней под одеяло, да не решился – не хотелось её будить. Сжавшись в комочек и подогнув колени, он стал вспоминать вчерашний день.

Сбойка, вечер у Раиски, потом смутно вспомнились и свои пляски, и размашистость своих рук при разговоре с Катиными сослуживцами. Много народа было. Пашка вспомнил вкусные маринованные грибы, потом вспышкой перед ним озарился Раискин гнев на него. За что? Он старался вспомнить, что ещё мог натворить у неё в гостях? Да так и не вспомнил.

Потирая потихоньку руки и ноги от холода, Пашка вдруг вспомнил себя на печке в своей деревне. Когда – то, вот так же, как сейчас, поджав колени, вложив между ними ладони, что – бы было теплее, он лежал на печи и согревался её теплом. Вдруг услышал Катин тихий голос, нежный, родной:

– Павлуш, не холодно?

А он стучал зубами так, что ходуном тряслись колени и стучали зубы – то – ли от холода, то – ли от сиротской жизни и обиды, что забыт он был когда – то своей родной матерью.

У него, у взрослого уже мужчины, потекли слёзы – солёные, с привкусом горечи жалости к себе. Почему не мог он познать сполна материнскую любовь в своём детстве? Почему не может теперь её познать от любимой женщины? Ведь он так старается любить всех вокруг! Он любит Лёньку и обожает Танюшку. Он потерял голову от любви к своей Катюшке. Что не так он делает? Работает, так, что скулы сводит и получает денег он намного больше, чем все остальные. Нет, видимо, как выпало сиротство с самого раннего детства, так теперь и до конца жизни с ним жить.

Ему, вдруг стало жалко самого себя. Уткнувшись в подушку, Пашка всхлипнул и тут же почувствовал, как Катя – то укрывает его одеялом, прижимает к себе и продолжает шептать:

– Ты замёрз, совсем замёрз. Иди ко мне, я согрею тебя, только больше никогда не плачь, Паша. Не надо. Я тебя люблю и знаю, что ты тоже меня любишь. А вот пить тебе нельзя. Даже самую малость нельзя – у тебя сразу же срабатывает чувство защиты. Это смешно со стороны, но больше никогда не давай повод посмеяться над собой. Мне очень было неприятно видеть твои непристойные выходки, но давай навсегда забудем об этом.

Катя гладила Павла по голове, шептала ему ласковые слова, согревала его тело, и ему становилось тепло от этой счастливой волны, накрывающей его с головы до ног.

Обжигая своими горячими словами любви свою Катюшку, Павел, загребая её в свои крепкие объятия, растворился в этом ореоле, увлекая за собой и свою любимую. И была у Пашки в эту ночь с любимой его Катюшкой горячая и незабываемая близость.

Она, эта довольно странная их любовь, как будто – бы долго дремала, а потом вышла наружу и питала собой Катерину и Павла, словно долгожданный дождь, питая высохшую землю...

– Хватит спать, соня! Поднимайся, мораль читать буду.

Пашка, понимая, что сегодня выходной, недоумевающе, спросонья подумал, кто это к ним в такую рань припёрся?

Не успел так подумать, как перед собой увидел Раиску. Перед Павлом вмиг пронеслись вчерашние события и его проделки.

Уставившись на свою подругу детства, произнёс, поднимая руки вверх:

– Ну не буду я больше пить, не буду! И Катерина на меня больше не в обиде. Выпил то всего пару рюмочек и из этого слона раздули. Чего вам не спится? Всю мою семью потревожили в выходной день. Такую счастливую ночь взбудоражили. Хочу продолжения банкета! С этими словами, он засмеялся и укрылся с головой одеялом, продолжал кричать оттуда:

– Нет меня сегодня ни для кого, кроме Катерины. Потом, всё потом!

Раиска не отступала:

– А ну, выползай из одеяла, пощады не жди. Ты вчера чуть весь вечер не испортил. Я это так не оставляю. Я перед матерью твоей за тебя отвечаю.

– Допустим, что жена простила тебе вчерашний проступок, но следующие твои выходки могут для тебя стать последними. И слона именно ты вчера раздул, но никак не мы. А что касается насчёт пару рюмочек, за этим мы и пришли вместе с Сашко. Одевайся и выходи на кухню, мы тебя с нетерпением ждём.

– Ещё и мужу своему не дала поспать. Маленький я, что – ли, что – бы меня вот так, при всём честном народе воспитывать! Сашко, ты чего пришёл? Спал бы себе, нечего было тащиться за своей женой.

– Поговори ещё у меня! Выходи, давай!

Раиска не унималась, и её грозный голос совсем не располагал к помилованию.

Пашка натягивал трико, при этом припоминая, что – же ещё такого он мог вчера натворить? Пляску свою дурацкую помнил. Как жестикулировал и старался громко говорить, тоже помнил. Но пластинка так громко пела, что его, Павла могли и не услышать. А он что – то нужное и важное пытался донести людям. Вот только что – не помнил, да и не в этом дело, там все вчера много говорили.

Он вздохнул, собрался с духом, что – бы выйти ко всем, кто его очень хочет увидеть.

Раискин мощный удар правой руки Пашка помнит хорошо ещё с самого детства. И не только он один помнит и чешется от её удара до сих пор.

Почесав затылок, Пашка вздохнул и шагнул навстречу ожидаемого удара. Стыдно, конечно, принимать нравоученья от женщины. Не в том он возрасте, что – бы стоять с опущенной головой, да ещё при детях. Нет, Раиска не посмеет при Лёньке унижать его, да и он, Леонид тут – же станет на его защиту. Хороший сын у него растёт, стоящий парень. Он всегда на защите отца стоит.

Вспомнив о Лёньке, Пашка улыбнулся, расправил грудь, и смело вышел в гостиную.

Это была большая прихожая, которая служила ещё и кухней.

За столом сидел Сашко, который сразу же встал и протянул ему руку...

Катерина с Раиской пили растворимый кофе, который был большим дефицитом на Большой земле и молча смотрели на Павла.

Катя с сожалением и доброй улыбкой, Раиска же смотрела на Павла как коршун на цыплёнка:

– Присоединяйся, Паша, от кофе плясать не станешь, не бойся. И клоуна после него изображать не будешь. С сегодняшнего дня я беру над тобой шефство. Пить ты будешь только компот и чай с какао, а все остальные резкие напитки, включая квас, придётся забыть. Не умеешь пить, не мучай разум, а то так и до дурного можно докатиться. Не забывай, где находишься, – знаешь, ведь, как строго к спиртному относится наш начальник, дойдёт до него слух – вмиг вылетит из отряда. Все свои заслуги тут же будут перечёркнуты. Ты этого хочешь? Пережи-

ваешь, что тебя рано разбудили? Да вот из – за такого, как ты, и нормальным людям покоя нет. Ты что, думаешь, я хорошо спала после твоего непристойного поведения? Или Катерине твоей было весело на тебя, клоуна, смотреть?

Ты всегда так собираешься проводить в нашей компании праздничные вечера, которых у нас бывает уж совсем не так не часто? Как Катерина твоя пойдёт завтра на работу? Приличная, уважаемая женщина будет ловить сочувственные взгляды, и принимать в свой адрес утешения. Ты кто такой, что – бы свою жену, мою подругу унижать?

Раиска так крикнула, что Сашко подпрыгнул на стуле. Пашка уставился на неё, произнёс тихим голосом:

– Не надо так кричать, детей разбудишь. Голова и так трещит, а тут ещё ты.

Больше он ничего не успел сказать – одним ударом своего кулака, закадычная Пашкина подружка сразила своего дружка, а потом уселась на него верхом. Она колошматила Павла по спине, приговаривая:

– Не дам свою подругу в обиду, не хочу, что – бы наши с Катиной дети, росли с таким придурком. Не позволю, что – бы тётка Дуся краснела из – за тебя. Не допущу, что – бы твоя семья разрушалась, не переживу, если мой друг детства, с которым ели из одной тарелки, упал на дно!

Такого поворота не ожидали ни Сашко, ни Катерина. Они не знали что делать, поэтому безучастно наблюдали, как Раиска таким вот образом пытается уразуметь своего друга детства. Она дубасила его кулаками по чему придётся и разошлась так, что Пашка перестал от неё отбиваться. Раиска безжалостно лупила Павла и продолжала приговаривать:

– Ты когда – нибудь видел, что – бы мой папка так себя вёл после выпитой рюмки? Никогда он себе не позволял непристойных вещей. Он слушал, как моя мамка поёт с твоей матерью, подпевал им, или молча курил, давая им поговорить о своих делах. У тебя же, дурная привычка – ты всегда говоришь громче всех, слышно только тебя и даёшь повод окружающим смеяться над глупыми твоими шутками и своим поведением. Мне стыдно за тебя и я не собираюсь за тебя краснеть и в дальнейшем. Катерина, возможно, не станет заниматься рукоприкладством, а вот за мной не заржавеет, в следующий раз ты получишь оплеуху при всём честном народе. Может, таким образом, до тебя дойдёт то, чего требует от тебя твоя семья и близкие, неравнодушные к твоей судьбе, люди.

Думаешь, если висишь на доске почёта, как лучший сварщик, так тебе всё позволено? Нет, дорогой, ошибаешься! В семье ты тоже должен быть лучшим мужем и отцом. А то все твои старания на работе пойдут на смарку. Хочешь, что – бы друзья гордились тобой на работе? Делай так, что – бы семья твоя тоже гордилась тобой. Только тогда заслужишь уважения к себе, только тогда будет правильной твоя жизнь. Куда тебя несёт? Смотри, не взлети высоко, а то шлёпнешься так, что долго не сможешь сидеть! А я добавлю.

Обессилев, она уселась поудобнее на Пашкиной спине, и попросила Катерину подать ей сигаретку.

Дрожащими руками взяла Раиска из рук Кати сигарету, закурила.

Воцарилась мёртвая тишина.

Красная от волнения, закадычная Пашкина подружка продолжала всё ещё дрожать и, затягиваясь сигаретой, вытирала пот на лице.

Сашко с Катериной молча мешали ложками остывший кофе.

Первым подал голос Пашка:

– Ну, чего расселась? Что я тебе, лошадь?

Раиска замахнулась на него рукой и Пашка, втягивая голову в плечи, уже мягче продолжил:

– Детей, говорю, всех перепугала. Даже Лёнька – и тот не выходит из своей комнаты.

Лёнь, не бойся, жив твой папка. Ты ничего плохого не думай – игра у нас такая. Боремся мы, слышишь, сынок?

Пашка не понял, почему все разом засмеялись. Катерина смеялась, отвернувшись к окну, Сашко хохотал и трясся от смеха, глядя в потолок, а Раиска тряслась на Пашкиной спине, окуривая его дымом, как бурятский шаман у костра.

– Да слезь ты, с меня, наконец – то! Раздавишь, некого будет воспитывать! Чего вы ржёте? Ничего я такого не совершил, что – бы на меня, вот так сразу, с кулаками.

В это время вбежали Лёнька с Танюшкой и Митя. Разрумяненные после беготни на улице, весело стали щебетать о том, что они нагулялись и уже хотят есть...

Детей отправили на улицу, как только Риска с Сашко пришли принимать меры по поводу вчерашнего поведения Павла. Понимая, что можно было бы сегодня поспать подольше, Лёньку и Танюшку всё – таки растормошили, накормили завтраком и отправили на улицу, где их уже ждал Митя. Не должны дети присутствовать на таких мероприятиях. Так что воспитание своего отца тётей Расей обошлось без них.

Набегавшись вдоволь и уже проголодавшись, они вернулись радостными и ещё не совсем отошедшими от своих игр. Заметив на полу отца, а на нём Митину маму, Лёнька удивлённо произнёс:

– Пап, ты сегодня лошадкой работаешь? А так выдержишь? – и с этими словами кинулся к нему на спину, присоединяясь к Раиске.

Туда же, недолго думая, бросились и Митя с Танюшкой. Шум перемешался вперемешку с хохотом, и остановить всю эту чехарду уже было уже нельзя.

Пашку щекотали дети, он смеялся до слёз, а вскоре, все вместе они шагали с котелком, консервами и удочками к Муякану.

Раиска с Павлом шли впереди и о чём – то разговаривали. Не откладывая на потом, она всё же напомнила Пашке, что пить ему категорически противопоказано.

Пашка вздыхал, потом признался своей подружке:

– Знаешь, Раиска, я всегда робею перед Катей. С тех самых пор, когда мальчишкой был в неё влюблён. Ругал себя за это и смеялся над собой. Петька перед ней петухом ходил, бросил драться и хулиганить, наряжаться стал, как барышня. И всё это он делал для неё, Кати. Я думал – куда я свой нос сую? За ней вон, какие мальчишки ухлёстывают! Ты ревновала меня к ней, а я тогда был очень далёк от того, что когда – то она, эта городская девочка выберет именно меня. У меня замирало сердце при виде её, останавливалось дыхание, когда она была среди нас, деревенской детворы. То чувство живёт во мне до сих пор. Когда она стала уже моей женой и, казалось, что бояться – то теперь нечего – она моя, вот тут – то у меня и возникли мысли и навязчивая идея, что мою Катю может кто – то увести.

– Она же, не корова! Как можно увести человека, который знает, что его любят, и любить так больше его никто не будет? Разве может твоя жена допустить, что – бы кто – то её увлёк за собой? Если ей хорошо с тобой, зачем она будет смотреть в другую сторону? Ты страдаешь чувством неуверенности. Слабохарактерный ты, а ещё другом называешься. Эх, ты!

– Да понимаю я, только не могу эту навязчивую идею побороть. Как – то поймал себя на том, что когда я немного выпью, смелее становлюсь, могу ей сказать то, что не решаюсь сказать в трезвом уме. И что тогда со мной происходит, одному Богу известно. Зная о том, что Катерина отрицательно относится к алкоголю и не приемлет его проявление ни в каком его виде, я, для храбрости и выпиваю. Перед сыном и дочкой стыдно, особенно перед Лёней. Стыдно, да ничего не могу поделать – слишком люблю свою Катю, хочу, что – бы она всегда была со мной и я, таким образом, пытаюсь обратить на себя внимания.

– Довольно таки странная у тебя, Паша, логика – твоя жена не приемлет тебя нетрезвого и злится от этого на тебя, а ты пытаешься этим же самым, обратить на себя внимание? Да она просто ненавидит тебя пьяного! Она жила в семье, где никто и никогда не пил. Сво-

его отца Катя всегда видела трезвым и никогда не смирится с тем, что – бы её дети видели тебя в неадекватном состоянии. Ты ужасен, Павел, когда выпиваешь. Если для моего Сашко – выпивка только для настроения и поддержки компании, то для тебя она оборачивается против тебя же самого. Я хочу тебя предупредить – если и дальше таким своеобразным решением ты будешь пытаться свою жену обратить на себя внимание, боюсь, что даже я не смогу помочь ни тебе, ни ей. Неужели, за столько лет ты не изучил её характер, не знаешь того, что для неё сорваться с места пара пустяков? Бросит она тебя, заберёт, детей и умчится в Германию, куда её без конца приглашают её родные.

Она даже в Москву не вернётся – перетянет её любовь к матери и сестре. Давно к себе зовут, сам знаешь. Пока ещё зовут с тобой, но придёт такой момент, когда ей надоест смотреть на тебя и укатит. Укатит без тебя и даже записки не оставит. Это я тебе точно говорю.

Пашка оглянулся на шедшую позади себя Катерину, мирно беседующей с грузином, испуганно произнёс:

– Она тебе что – то об этом говорила? Признавайся, говорила, что собирается уехать от меня?

– Да успокойся ты, чудак! Ничего такого она мне и не намекала. Но лично я совсем не исключаю того, что когда – нибудь это случится. Случится, если не внемлешь сегодняшним моим словам. Есть много способов проявления того, что – бы на себя обратить внимание. Поучись, например, у своего друга. Ты думаешь, что для Сашко было легко и просто делать мне комплименты, находя нужные слова? Он уже потом мне признавался, как стеснялся меня и боялся, что не смогу его полюбить, буду смеяться над ним. Он переборол себя, не прибегая к дополнительному допингу для храбрости. И у него всё получилось. Я поверила ему и теперь не сомневаюсь в его искренних чувствах ко мне и моему сыну. Получается, что ты совсем в себе не уверен. Замыкаешься ты, Пашка, в себе, прячешься от своей любви, как в том шалашике своего детства. Это плохо. Плохо и для тебя самого и для тех, кто любит тебя, надеясь на твою защиту и опору. Если ты любишь Катерину, а я знаю, что любишь, значит сделай так, что – бы и она тебя полюбила, тем более, что у вас такие замечательные дети! Сам себе не захочешь добра, то никакое вмешательство со стороны тебе не поможет. Ясный же, компот!

Пашка знал, что такой поговоркой Раиска утверждала свои слова, и были они непоколебимыми, как после любой молитвы слово – Аминь!

Слушая Раиску, он понимал и принимал все её слова, но в душе своей всё же не надеялся на себя. Легко делать замечания другому, нежели распознать его душу и понять до конца. Пашка сам страдает. Помнит, как однажды, ещё в Москве, его Лёнька после празднования Нового года отстранился от него со словами:

– От тебя перегаром пахнет, не надо меня целовать. Да и вёл ты себя вчера так, как – будто ты совсем не мой папа. Смеялся невпопад и всё время лез целоваться к маме, а она злилась на тебя. Я не люблю, когда ты пьёшь. Тебя не люблю и водку твою не люблю.

Пашка жалел себя – никто его не понимает! Не понимают, что в такие моменты к нему приходят раскрепощение и эмоции, которые он может, наконец – то выплеснуть наружу и передать своей любимой то, чего он не осмелился бы сказать ей в трезвом виде.

Да, вот такой Пашка уродился. То – ли в этом виновата была сама Раиска, которая с самого детства решала за него все проблемы. То – ли мать, из – за приязни к сыну, заставляющая прятаться от неё и замыкаться в себе. Корочек говоря, Пашка, когда вырос, сам для себя вывел формулу и себе в помощь призвал алкоголь, который развязывал ему язык и помогал высказывать то, что он хотел.

От дыма костра, от полноводной, бегущей, чистой реки, в которой видны все камушки на дне и от того, что все они вместе, Пашка вдруг почувствовал счастье, щекочущее нос. Он уже не обижался на то, что Раиска рано к ним сегодня ворвалась и не дала выспаться, как следует. Забыл и то, как ругала его. Пашка никогда не умел долго на кого – то сердиться. Все

обида таяли, словно снег под весенним солнышком. Сейчас все они вместе и это его радовало больше всего. Все Раискины наставления он принял и обязательно сделает для себя вывод. Сделает лишь для того, что – бы Катя никогда больше не краснела за него, не оставила. Он смотрел на резвящихся своих детей, на Раискиного сына Митю и в его голову пришло прозрение – вот оно то, ради которого стоит жить. Он с любовью смотрел на Катерину, мирно беседующую с Раиской и Сашко, любовался играми детей и, подкладывая в костёр хворост, улыбался от всего сердца всему миру. Он был рад тому, что Раискин сын быстро подружился с Лёней.

Пашка, как сейчас помнит, приезд мальчика. Ему были рады все. Даже Катюшка любила его всем сердцем.

Митю Павел сразу же, как и Катерина, принял в своё сердце, как сына. Не знает он кто отец мальчика, не хочет Раиска признаваться, значит и не стоит ворошить то прошлое, которое её, возможно тяготит. Мать Пашкина никогда об этом не пишет, но наверняка что – то, да знает и о Раискиной жизни в Ленинграде, и о её муже.

Пашка же был искренне рад, что у Раиски теперь есть хороший, любящий и заботливый муж. Радовался он и за Митю, теперь у мальчика есть отец.

Сашко никогда не обижал его, радовался его успехам в школе. Как истинный ревностный папаша возмущался, если Мите ставили не ту отметку, которую он заслужил и бежал в школу выяснять отношение с учителем, стараясь еле – еле себя сдерживать. И, как – бы Раиска не оставливали его и уговаривала не идти в школу с жалобами, Сашко не слушал её, уверяя, что их сын должен чувствовать защиту, а что – бы впредь его не могли обижать, он, Сашко, должен периодически посещать школу.

Пашка даже однажды заревновал к грузину. Лёнька сфотографировал Митю с Сашко, а Раиска этот удачный снимок увеличила и поместила в рамку. Павел, разглядывая портрет, на котором Митя с Сашко сидят, прислонив друг к другу головы, произнёс:

– Да, сидят рядышком, как родные. Что говорить – очень похожи! Оба довольные, особенно Сашко. Угодила ты ему своим сыном, сидят, как две капли воды! А ведь Митя мог бы быть нашим с тобой сыном. Почему никогда не говоришь о Митином отце? Думаешь, мне не интересно?

Хорошо, что кроме Раиски в доме никого не было, Пашка забежал на минутку по просьбе Катерины взять для выпечки торта рецепт.

Сашко в это время был в магазине. Раиска уставилась на Павла своими бездонными чёрными глазами и почему – то в гневе произнесла:

– А ты достоин того, что – бы знать о моей жизни в Ленинграде после того, как мы с тобой разъехались в разные стороны? После того, как ты оставил меня и переметнулся к Катерине, тебе, в своём счастье, было тогда абсолютно на всех наплевать! Твоя сумасшедшая любовь к другой затмила разум. Ты и сейчас ничего не хочешь ничего вокруг замечать. И нечего пялиться на моего сына! На кого похож, на того и похож, не твоя забота!

Раиска посмотрела на портрет Мити и Сашко, потом перевела и задержала свой взгляд на Пашке. Заметив его абсолютную недогадливость, махнув на него рукой, пошла встречать Сашко с сумками.

Тот уже с порога кричал:

– Раечка, всё купил, как приказывала.

Павел ещё раз посмотрел на снимок, где красовались его друг с Раискиным сыном, пожал плечами, произнёс:

– А что плохого я сказал? Наоборот, пришёл к выводу, что твой Митя и Сашко очень хорошо смотрятся. Ладно, пойду я, а то Катюшка моя, наверное, уже выглядывает меня. Рецепт ждёт, а я вот тут с вами задержался. А насчёт того, что переметнулся, как ты говоришь, к другой, так это бывает, это же жизнь, Рая.

Когда Катерине надоело ждать мужа, посетовала на то, что лучше бы она сама сбегала за тем рецептом. Тесто уже готово, духовка разогрета, а Павел и не думает возвращаться. Засиделся у своего друга, да с Раиской заболтался, наверное. Волновало её одно – не выпил бы где. Совсем несносным становится после выпитого спиртного.

Не хотела Катерина возвращаться к тому, как совсем недавно ссорились на этой почве, да всё равно вспоминались неприятные картинки. Зачем – то вспомнились драматические сюжеты ещё с Урала и совсем недавние события. Незаметная трещинка, которая пролегла между супругами, разрасталась.

Она поймала себя на мысли, что слишком много внимания уделяют они с Раиской своему Павлу. В компании друзей он не может себя вести достойно и все начинают делать ему замечания, стараясь его не обидеть. Дома никак его не уложишь, если выпил. Всё тот – же его громкий говор и высказывания обид неизвестно на кого, не давали уснуть ни ему, ни Катерине с детьми. На уговоры Катя была не способна. Она считала это выше своего достоинства. Неприязнь к нетрезвому своему мужу вызывало ещё и полное отвращение к нему. Да и как можно уговаривать взрослого человека не совершать тех или иных дурных поступков? Если не понимает сам, так стоит ли на него тратить свои нервы и время? Всё же успокоила себя:

– Может быть, после Раискиной встряски, Павел изменится и признает свою ошибку? Было бы хорошо жить дальше нормальной, любящей семьёй!

Она, сомневаясь перемене своего мужа, потому что однажды Сашко почувствовал небольшой запах перегара от своего друга на работе. Поспешил предупредить:

– Не дай, Бог, унюхает начальство твой перегар, полетишь с работы, уволят сразу, ты же с газом работаешь, тебе нельзя! Ты меня не жалеешь, ведь с тобой работаю и я!

Рванут баллоны, загорятся шланги и всё – помни, как звали. А у меня жена и сын!

Павел усмехнулся, решил поправить:

– Не помни, а поминай, как звали.

– Это одно, и тоже и зубы мне не говори!

– Пашка махнул на него рукой.

– Ты не меня учи, а сам учи русский язык и все его пословицы. Вчера немного – то и выпил с ребятами, дочка же родилась у бригадира! И было это вчера. Сегодня я работаю, а вчерашний день надо забыть. Свою работу я делаю на совесть, да ещё бывает, что и без выходных. Начальство довольно моей работой, а вот тебя, Сашко, я не узнаю последнее время. Отдаляешься ты от меня потихоньку, совсем домашним стал. Если я перестану к вам приходить, то видеться будем только на работе. Скоро и дорогу к нам забудешь. Сидишь там, у Раискиной юбки и нет тебе никакого дела до меня и моей семьи. И с детьми моими больше не играешь. Теперь у нас наши жёны дружат между собой. У них это лучше получается.

– Да не сердись ты, Паша. Я же семейный человек. Раиска ходит по сменам, бывает, что видимся только на портале, а дома Митя. С ним нужно общаться, заниматься, чему – то учить. Очень умный мальчишка! Нам с ним скучно не бывает. Многому и я у него учусь. В выходной обязательно приду, кстати, в клубе будет концерт. Наша самодеятельность будет выступать. Конкурс будет между коллективами. Катя твоя будет выступать. Вот мы все вместе и пойдём.

– Да, действительно, в воскресенье будет в клубе концерт. Павел только сейчас вспомнил, что Катерина ему об этом говорила.

В клубный ансамбль она ходит давно. Любит петь, да и очень хорошо у неё это получается. Голос, словно ручеек. Пашка не был против того, что его жена ходит в клуб на репетиции. Она у него успевает всё. С раннего утра обязательная зарядка, от которой

Пашка, по приезду на БАМ, отказался от этого. Напряжённый график работы на портале, да ещё незапланированная помощь социальной сферы посёлка, заставила Пашку отказаться от всяческих спортивных упражнений. Да и не очень – то он их и любил. Всегда считал пустой тратой времени.

Как не билась Катерина, доказывая своим примером, что это необходимо для любого человека и на любом месте, Павел махнул рукой:

– Катюшка, ты лучше детей наших приучай, а от меня отстань, устаю я, не до зарядок мне. Моя работа на портале покруче любой спортивной площадки будет. Если тебе не хватает бега с препятствиями в твоей штольне, то, пожалуйста, продолжай заниматься дополнительно дома, а меня уволь!

– Но дети должны видеть и пример своего отца. Лёнька мне однажды уже высказал своё мнение о том, что его папка не занимается спортом, так может и им с Танюшкой совсем не обязательно по утрам делать зарядку. Ну, ты же привык к тому, что делаем мы это каждый день. Это так же важно, как чистка зубов по утрам!

– Здесь у меня не получается. Вот построим БАМ, вернёмся в Москву, обещаю, что возобновлю утренние зарядки, продолжу обливаться холодной водой, но только не сейчас.

Катерина с сожалением слушала Пашкины речи и наконец – то отстала то него...

Павел вернулся от грузина какой – то взволнованный. Протянул рецепт Катерине, уселся на стул и устался в одну точку.

Прочитав, ненужный теперь рецепт, Катя внимательно стала смотреть на Пашку, изучая теперь его:

– Тебя за рецептом отправили или за перевал Северомуйского хребта? За это время мне расхотелось печь этот торт. Три раза духовку включала и выключала. Вы с грузином на работе не наговорились, что – ли? Чем вы там занимались?

Катя пристально посмотрела ещё раз на мужа. Тот вскочил со стула, в сердцах выпалил:

– Да что случилось? Ты что, приревновала меня к своей подруге? Да и трезвый я, просто разговорились и не заметили, как прошло время. Ты сейчас выражаешь ко мне знак недоверия? Я же сказал, что пить больше не буду и буду любить только тебя, успокойся! Вы, женщины, полное непонимание для нас, мужиков! Так можете закрутить сюжет, что похлеще детектива будет. Такими загадками говорите, просто с ума можно сойти! Твоя любимая подруга только что мне и продемонстрировала это. Я ей про то, как похожи меж собой Сашко и Митя, а она мне в ответ какие – то упрёки начала кидать, вспоминать прошлое. Мы же тогда с ней объяснились по – человечески. Вовремя поняли, что настоящей любви между нами нет. Была только лишь привязанность и дружеские отношения, которые остались и теперь. Чего она на меня злится? Всё настроение испортила мне. Я хотел комплимент ей свой высказать насчёт похожести её сына с грузином, а она на меня наехала, как будто я в чём – то виноват! Всё же у ней хорошо сейчас! Есть муж, сын растёт при отце. Сашко принимает его за родного и ему вовсе не интересно – кто отец ребёнка. И мы с тобой любим Митю. Мне лично, тоже всё равно, где его родной отец. За что она на меня так набросилась

– А тебе, значит, интересно? Не этот ли ты вопрос задал Раиске? Может быть, он самый большой для неё?

– А что такого? Да, спросил, но я же её друг! Я, что, не могу поинтересоваться, как жила она все эти годы?

– Сашко не спрашивает об этом, а ты позволяешь себе то, на что не имеешь право! Никогда больше не смей этого делать, не лезь Раиске в душу.

Намечен день смотра художественной самодеятельности между всеми коллективами посёлка. Перед этим Катя бегала целую неделю на репетиции, что – бы выступить лучше всех.

В воскресенье с самого раннего утра она уже готовилась к смотру.

Лёньке тоже не спалось. Он переживал за тот коллектив, где поёт его мама.

Вместе с Митей они будут «болеть» только за них.

Он вскочил с кровати и решил хоть чем – то помочь маме. Лёнька хватался за любое дело по её просьбе и уверял, что первое место маминому коллективу обеспечено.

Катя смеялась:

– Почему ты так решил, сынок? Там команды сильные, мне довелось убедиться в этом вчера на генеральной репетиции. Никогда не думала, что у нас в посёлке живут такие таланты!

– Нет, мам, с таким платьем, как у тебя, невозможно не выиграть. Такого красивого платья ни у кого нет!

Павел, который уже не спал, но не вставал с кровати, что – бы не мешаться под ногами у своей жены в ответственный момент, подал голос:

– Правильно, сынок. В таком платье, да при таком голосе, как у твоей мамы, первое место будет за их коллективом. Мы с дядей Сашко тоже будем держать кулаки за нашу маму.

Павел лежал, наблюдал за перемещениями жены и сына по квартире и думал о том, как всё – таки Катерине нравились все её увлечения! Вот охота ей бегать в клуб на репетиции в свой выходной день? Сидела бы и отдыхала дома с книжкой в руке, которых в книжном магазине уже достаточно накоплено. Он, конечно, не против её увлечений, пусть себе поёт и доставляет радость людям. Но ему, Павлу, совсем не понятен этот, через чур насыщенный график повседневной жизни. Но если это для неё необходимая потребность, Пашка только рад за свою жену. Умеет она всё успевать. На удивление Пашки, умеет. И это, наверное, потому, что правильно распределяет своё время. Да и почему он будет против её песен в клубе? В доме всегда есть в кастрюлях еда, дети ухожены, в доме порядок.

Убедившись, что суета немного поубавилась, он встал, нужно было себя привести в порядок, почистить ботинки и брюки.

Не может Павел ударить в грязь лицом перед своей женой – вон как принарядилась!

Она была сейчас в хорошем настроении. Хоть ещё впереди было много дел, Катерина успевала чмокнуть в щёку Пашку, погладить по голове Лёньку за очень своевременную помощь и крикнуть Танюшке, что – бы та сама умылась и привела в порядок свои волосы.

Через некоторое время Лёнька был уже готов и, хотя в клуб идти было очень рано, он отправился к Мите, что – бы вместе с ним бежать в клуб, занимать места. За ним увязалась и сестра.

Катерина с Павлом остались одни. Продолжая готовиться к конкурсу, Катя делала последние штрихи. Всё как будто – бы готово. Причёска удалась, глаза, губы подкрашены. Платье она наденет в клубе. Не забыть бы только туфли. Катерина подошла ещё раз к зеркалу убедиться, что всё в порядке. Вглядываясь в него, она заметила в нём позади стоявшего Павла.

Пашке же вспомнилось вдруг, то далёкое событие, когда он надевал на шею своей маме бусы, сделанные им к её дню рождения. Его мать была в том зеркале очень красивой и не важно, что те бусы рассыпались, неважно, что он не услышал добрых слов от матери, зато у Пашки в памяти остался красивый и милый образ матери в зеркале.

Сейчас он видел в зеркале отражение своей жены, своей любимой Катюшки. Они встретились глазами в этом зеркале, и Пашку закружило в омуте любви, а он и не старался оттуда выкарабкиваться. Он что – то хотел сказать, да только пошевелил губами. Протянул руки к своему источнику жизни, сделал несколько шагов и вскоре, он уже обнимал Катю, задыхаясь от своей нежности к ней, и просил её никуда сегодня не ходить. Им так хорошо сейчас вместе, зачем обижать чувства, приходящие вдруг! Они, эти неожиданные чувства не ходят по графику и в обязательные дни. Их нужно хватать, держать, не отпуская, и, насытившись ими, нужно их благодарить за свой неожиданный приход. Катя смеялась, освобождаясь из крепких рук мужа:

– Всю причёску мою помял! Ну и сила, у тебя, Павел! Чуть не раздавил! Не позволяет нам время на утеху, торопиться надо! Пашка умоляюще смотрел на жену, но её взгляд был неумолим. Тогда он взял с неё слово, что после возвращения из клуба, они наверстают всё упущенное. Договорились детей отправить после концерта ночевать к Раиске, их две комнаты позволяют это сделать, а Лёнька и Танюшка с большой радостью согласятся побыть у Мити в гостях.

Митя с Лёнькой и его сестрой бежали в клуб, нужно было успеть занять места на передних рядах, что – бы было всё хорошо видно. Танюшка, перелезая через теплотрассы и ступеньки, отставала от мальчишек, а те всё время подгоняли её словами, что бы та пошевеливалась.

В посёлке был обычай – перед любым фильмом или концертом, делали разные объявления, доносили сведения о работе в тоннеле и разных структур посёлка. Вот и теперь – начальник отряда взял слово, поздравлял с успехами в отряде, радостно сообщил, что к их посёлку продвигается, раньше намеченного срока, железнодорожное полотно. Значит, быть «Золотому звену» уже следующей весной. И, благодаря знаменитой бригаде Бондаря, Северомуйцы отпразднуют это событие вместе с ними, с теми, кто в тяжелейших условиях прокладывают рельсы на восток.

Всё же удивляло одно обстоятельство работающих бамовцев – как может человек, отработавший тяжёлую смену в тоннеле, бежать в клуб на репетицию, что – бы порадовать своих своим талантом друзей. Как можно после изнурительного труда петь, или играть в оркестре, показывать сценку из театральной постановки с настоящим актёрским мастерством! И этому находилось объяснение. Люди, живущие даже в такой тайге, как наши герои, испытывали потребность к прекрасному. Имея и чувствуя в себе различные таланты, они проявляли себя на сценах небольших своих поселковых клубах, радуя своим талантом других...

Раиска в клуб не пошла, не любила она сидеть в душном зале, где шум и гам. У неё нашлись дела, по её мнению, поважнее – ей нужно будет накрыть на стол, что – бы повкуснее накормить своих родных после концерта.

Павел с грузином забрались на самые дальние ряды. Лёнька же с Митей и Танюшкой успели захватить места в первом.

Погас свет. Аплодисменты зрителей требовали на сцену артистов. Номера сменялись номерами.

Лёнька с нетерпением ждал выхода мамы на сцену. Он елозил в кресле, волновался и притих, лишь тогда, когда объявили мамин коллектив. Его мама стояла впереди своего ансамбля, так, как была солисткой.

Песня была про геолога. Лёнька в слова сильно не вникал, но ему очень понравились слова, как этот геолог ушёл на разведку в тайгу. Он сразу же представил человека с оружием, который продвигается вперёд через заросли и буреломы, выглядывая врага. Лёнька гордился тем, что это его мама запекает боевую песню и вдохновенно поёт. Он потихоньку оглянулся назад, увидел много знакомых лиц и улыбнулся – все они с замороженными глазами смотрели на сцену.

Лилась мамина песня а у Лёньки щемило в груди. Его мама поёт для него и для всех, кто пришёл сегодня в клуб. Он подумал об отце – где – то и он сидит сейчас в этом зале.

Павел слушал Катину песню и думал только об одном. Думал о том, как он её любит! Уже одиннадцать лет прошло, как они вместе, но ни на миг он не усомнился, что его выбор был правильным. Не ушли его чувства, остались, и до сих пор его влечёт к единственной и любимой женщине.

Зелёное Катино платье переливалось при каждом её движении. Шифоновый шарф воздушным облачком касалось её плеч.

Со сцены Катерине не были видны лица, но она смотрела вдаль зала, и Пашке казалось, что она видит его и поёт только лишь для него.

Он опустил глаза, стесняясь её взгляда. Хороша она была сегодня, как никогда! Её красивый голос сливался с её изящной фигурой, с платьем и с шарфиком. Сливался с Пашкиным невероятным желанием быть сейчас в унисон с её песней, которая звала его за собой.

– Милая моя Катюшка! Я всегда буду с тобой, всегда буду тебя любить! Только никогда меня не бросай. Я постараюсь, что – бы ты была счастлива! Я стараюсь, но снова делаю глупости и всё это лишь от большой любви к тебе. Я чувствую некий холодок твоего взгляда и непо-

нятную для меня твою отчуждённость. Неразгаданная ты моя загадка, смогу ли я тебя когда –нибудь понять? Вот и сейчас – ты поёшь, но знаю, что душой ты не здесь, не со мной. В словах твоей песни: «А путь и далёк и долог и нельзя повернуть назад», ты стремишься снова в путь. Куда рвётся твоё сердечко? Невозможно так жить! Не может человек за всю свою короткую жизнь успеть побывать в каждой точке земного шара! Не успеет он построить много голубых городов! И нам с тобой достаточно того, что мы здесь. Мы строим наш город, наш тоннель, наше будущее, здесь, сейчас. А сколько ещё у нас, под самым боком, белых пятен!

Пашка думал, отчего грустит Катина душа? По её голосу в песне он слышит это.

Может, от того, что он любит её сильнее, чем она? Так в этом он не виноват. Павел расстроился, на смену сентиментальных чувств, пришли вдруг глупые вопросы; почему, например, все поют весёлые песни, а его Катерина – грустные. Перед ней исполнялись частушки и все смеялись. Коллектив с ЖКО пели радостно «А мы ребята семидесятой широты». Его же жена выбрала самую грустную песню. Пашка знал, что эта песня про геолога, любимая песня её отца. Но, всё же могла бы спеть и другую, более весёлую.

Кате и её ансамблю хлопали долго, кричали «браво» и не отпускали со сцены.

Грузин хлопал от всей души и даже вскочил с места. Павел решил выйти в фойе клуба. Тут – же увидел ребят из своей бригады. Они вышли покурить, как и Павел. Прикуривая друг у друга, кто – то из ребят произнёс:

– Да, Пашки Егорова жену сегодня не узнать. А голос, как у настоящей певицы. Ну, ты, Павел, даёшь! Такую женщину спрятал в спецовку, болотные сапоги и каску! Она же для сцены родилась, а ты её в шахту!

Кто – уже потихоньку, пока не закончился смотр, разливал из – под полы вино.

Поднесли и Павлу. Пашка, ещё не совсем в себя пришедший после Катиной песни, залпом опрокинул в себя стакан. Даже сам удивился, как это быстро получилось. В горле его пересохло, хотелось пить и он, от большой жажды, с удовольствием проглотил эту жидкость. Налили ещё, и он снова выпил, совершенно не думая о последствиях, и уж никак не настраиваясь на то, что – бы сделать кому – то плохо.

Он снова вошёл в зал, тихо прошёл на своё место, уселся рядом с Сашко. Тот сразу же уловил от Пашки спиртное:

– Где это ты, Паша, успел выпить? Вышел – то всего на две минуты! Зря ты это сделал.

– Ничего страшного. Ещё долго этот смотр будет продолжаться, успею проветриться»

– Жарко здесь очень, боюсь, как бы совсем тебя не развезло.

– Не волнуйся, Сашко, я только пару рюмочек лёгкого винца выпил. Во рту всё пересохло, да в груди так всё перевернулось! От Катиной песни перевернулось. Понимаешь, у меня к ней какое – то особое чувство, даже сам себя не пойму. Знаю только, что вдруг она куда исчезнет – и всё – оборвётся моя жизнь. А тут пить очень захотелось. Воды хотел попить, а тут ребята со своим «вермутом».

Ничего, до конца концерта всё войдёт в своё русло.

– Что же за любовь у тебя такая, что иногда огорчаешь Катю. У нас с Раей всё понятно – мы просто любим, а у тебя Паша в голове каша!

– Грузин потихоньку засмеялся:

– Я хорошо сказал, друг?

– Да, уж, обхохочешься – это у тебя в голове каша, а у меня все мысли только о той, кого люблю больше жизни. Грузин стал вдруг серьёзным, отмахнулся от Павла:

– Да ну, тебя – его жена так красиво поёт, а он всё куда – то бегаёт – то в клуб, то из клуба.

После концерта дождались Катерину и все вместе отправились к Раиске – та уже ждалась их.

По дороге Сашко хвалил Катю и вообще весь концерт, мальчишки показывали свои красные ладошки, демонстрируя тем самым своё активное участие в поддержке Лёнькиной мамы и её коллективу.

Пашке было жарко, толи от того, что вино стало улечиваться, толи, наоборот, стало только сейчас действовать. Так или иначе, его руки произвольно начали жестикулировать, голос его постепенно стал доставать до высоких частот диапазона.

Катерина тут – же определила состояние мужа, но не стала придавать этому большое значение. Сегодня можно, день сегодня замечательный, не стоит омрачать его.

Праздник в клубе и смотр самодеятельности удался.

Хоть и опередил их коллектив из ЖКО, но занять второе место, среди восьми коллективов, это совсем не плохо.

Раиска, как и ожидалось, встретила их с разнообразными блюдами, которых на столе было в большом количестве. Крутилась пластинка, за разговорами с аппетитом уничтожалась еда, и Раиска была счастлива от того, какая, всё же, у них замечательная, большая и дружная семья!

Она порхала от стола на кухню, пополняла пустые тарелки, радовалась, что у всех такой хороший аппетит. Потом, что – бы разгрузить желудки от обильной еды, устроили танцы, не крутиться же зря пластинке!

Пашка сразу пригласил на танец свою жену. По своему неумению он неуклюже танцевал, прижимая всё крепче и крепче к себе Катерину, такую хрупкую и такую родную! От её близости, от выпитого вина он всё сильнее и сильнее хмелел. Он уже громко признавался своей любимой о своей любви к ней, лез целоваться и это уже Катерине не нравилось. Она отстранялась от Пашки, вырывалась из его крепких объятий и, было видно, как неприятен он был ей сейчас.

Раиска всё замечала. Она сняла иголку с пластинки, что – бы закончить с танцами – не ровен час, подвыпитый её друг кинется, размахивая руками, вприсядку, что однажды было.

Никогда она не замечала у него такое рвение к русским пляскам. И когда успел научиться! Потом она поняла Пашкины неадекватные выходы. Это его любовь к Кате выплёскивается наружу и он не знает, что с этим делать. Раиска, глядя на танцующего своего друга, решила – нужно что – то предпринимать, так дальше дело не пойдёт. Оставив Павла на попечение мужу, Раиска позвала Катю на кухню. Закурив сигарету, она вдруг произнесла:

Зачем ты живёшь с ним, если любовь ушла – завяли помидоры! Нет у тебя к нему никаких чувств и это печально. А он от любви к тебе, посмотри, что вытворяет? Ведь у него так плачет душа. Хоть вы дороги мне оба и желала вам семейного счастья обоим, только вот не возьму в толк – зачем плыть против течения? Не везло моему Пашке с самого раннего детства, и сейчас не везёт! Карабкается он, да думаю, что зря он это делает. А у меня от ваших непонятных отношений друг к другу, просто разламывается голова. Последнее время у нас с Сашко на первом месте ваше шаткое семейное положение, а на втором наша. Теперь вот думаю, может мне не Павла ругать, а тебя? Получается так, что ты, Катерина, ни себе – ни людям. Если хочешь, что – бы твой муж был всегда уравновешенным и дружелюбным по отношению к тебе, говори ему почаще хорошие и тёплые слова. Их ему так не хватало в детстве. Дай ему понять, что ты никогда его не оставишь. Может быть, тогда Пашка изменится. Ты, Катерина, не обижайся, но ты не очень – то жалуешь своего мужа добрыми словами, Вместо того, что – бы с книгами засыпать и просыпаться, не лучше ли это время общаться с мужем, напоминать ему о том, что он дорог своей семье и ты его любишь. У вас дети, вам идти дальше по жизни вместе и многое зависит то женщины – каков будет этот путь. Пойдём, там отплясывают.

Из комнаты донеслась весёлая музыка грампластинки.

Раиска затушила сигарету, посмотрела ещё раз с укором на свою подругу и, повторив своё неизменное:

– Ясный компот – ни себе, ни людям, – вместе с Катей вышла из кухни.

Сашко с Пашкой танцевали под весёлый наигрыш частушек «Семёновны».

Раиска, с болью в душе к отплясывающему лихо Пашке, махнула на всё рукой, присодинилась к танцующим.

Павел с грузином так расплясались, что уже без смеха на них смотреть было нельзя! Лёнька и Митя весело хлопали им, а Танюшка бросилась вместе с ними в пляс. Раиска пошла в пляс в присядку перед Пашкой. Её живот смешно подпрыгивал вместе с ней, отчего стало весело и Катерине, наблюдавшей за весёлой танцующей компанией.

Обессиленные от пляски, Пашка и Сашко упали тут – же, на пол. Раиска с Танюшкой в обнимку повалились на диван, а мальчишки без устали хохотали, будто им попали в рот смешинки. Катя смотрела на эту картину и искренне хотела верить в то, что – бы эта дружеская встреча оставалась с ними навсегда. Хорошо было бы, если Паша был таким и дома. Что он преподнесёт семье, когда вернутся они домой? На Раиску Катя не обиделась, знала, что та переживает за обоих, за их семью. Да только никто не сможет понять, как бывает тошно и невыносимо разговаривать с человеком, чей перегар вызывает только отвращение, а пьяные и наглые действия его рук приводят лишь к обострённому чувству стыда к самому себе. Как можно находить и говорить слова любви при таком хаосе мыслей, обманывать себя и того, кто сейчас неадекватен? Поддаваться пьяным рукам и притворяться, что всё замечательно – кому это нужно? Может быть, есть такие, но только не она. Не будет она идти на поводу у того, кто должен в данном состоянии, вести себя, как подобает, держать себя в руках, не давать повода для ненужных разговоров.

Нет, это не для неё! И как бы она не хотела взять себя в руки, как делают многие женщины, и притвориться его единомышленником, у неё это не получалось. Не будет она подставлять ему плечо – пусть падает. Упадёт, стукнется лбом – придёт, может быть, сознание, а иначе не почувствует свою вину. Так думала Катя, а Пашка, наплясавшись, поднялся с пола, посмотрел на Катерину, заявил, что пора идти домой, завтра всем на работу, а это для него было самым важным в жизни. По дороге к дому Пашка немного протрезвел. Идя рядом с Катериной, держа её за руку, он думал о том, как любит он их всех; и жену, и сына и Танюшку. Ради них работает и старается заработать побольше денег, что – бы хватало им на всё.

Никогда не жаловался Павел, как устаёт он, как иногда режет в глазах от сварки, как болит спина и руки от тяжёлых баллонов с кислородом, и от всяких прочих неподъёмных железяк. Он не привык жаловаться, он мужчина. Так говорил всегда дядя Тимофей, так учила его Раиска.

Сейчас Пашка счастлив, рядом с ним его Катюшка и не важно, что спотыкаются длинные его ноги о ступеньки теплотрассы, он вовсе не пьян, а просто от души наплясался со своим другом и Раиской. Плясал для своей Кати. Плясал, что – бы она видела, что и он, Павел, что – то умеет. Она сегодня хорошо пела в клубе, а он танцевал.

Скорее бы теперь дойти до дома, хотелось отдохнуть. Наконец – то они дошли. Катерина сняла туфли, присела на стул. Ноги гудели от сегодняшнего дня, поскорее окунуть их в холодную воду. Пашка помог Кате налить воду в таз, присел рядышком, прямо на пол. Он поливал её ноги из своих ладошек, пошатываясь от усталости, и твердил, что всегда готов вот так, как сейчас, мыть ей ноги, лишь бы она всегда была с ним рядом. У неё же в голове были одни мысли – что – бы Павел, как можно поскорее улёгся. Она знала, стоит ему только прикоснуться к подушке, так сразу же и уснёт. А если будет сопротивляться этому, значит, ночь предстоит провести в пустых разговорах до самого утра. После сегодняшнего напряжённого дня ей не хотелось ничего, кроме отдыха. Да и дети у Раиски остались – самое время отдохнуть.

Но Павел был совсем другого мнения. Он был настроен на любовные отношения с женой именно сейчас, тем более, что теперь они, что бывает не часто, остались вдвоём. Да и Катя обещала, что после концерта они наверстают всё упущенное.

Пашка это хорошо помнил и ждал этого момента целый день.

Он выключил свет, подошёл к Катерине, взял её на руки и шатающей, но твёрдой походкой понёс её, упирающую, к кровати. Катя барахталась в его цепких руках, но Пашка крепко держал свою жену.

Потом утопил её в своих поцелуях и жарких словах любви. Он пытался расстегнуть пуговицы на её платье, на том самом, в самом, в котором она сегодня так была хороша на сцене! Дыша ей в лицо перегаром, он уже начинал злиться, что пуговицы ему не поддаются. Эта возня начинала раздражать и Катерину. Ей был омерзителен такой подход к любви. И не любовь это вовсе, а какие – то животные страсти, каких она никогда не понимала и не принимала.

Вырвавшись из рук Павла, Катя бросила ему в лицо:

– Ты самый настоящий хам, каких я не видывала! Ненавижу тебя, такого!

После этих слов выскочила на кухню. Тяжело дыша от нахлынувшей злости на Павла, поймала себя на мысли, что не хочет его ни сейчас, ни завтра, никогда! В висках предательски стучало «не люблю его, не люблю!»

Сердце уже учащённо билось оттого, что когда – то решила, что именно он, этот паренёк из деревеньки её бабушки, должен стать её мужем. Тут – же, злость на Павла прошла, переметнулась к самой Катерине. На себя она сейчас злилась, и себя ненавидела за всё, что теперь происходит.

Не зажигая свет, подошла к окну, стала всматриваться вдаль. Почувствовала позади себя подошедшего к ней Павла, успела подумать, что ждать сейчас хорошего от него не стоит. Пашка же, собрав всю свою любовь к Катерине, всю ревность к тем, кто сегодня любовался его женой в клубе, и всю свою дурь, стал вдруг рвать на Кате платье. Не будет больше она, его жена, торчать на сцене, каждому строить глазки и дарить улыбку направо и налево. Не будет благодарно скалить зубы тому мужчине, который подарил ей сегодня букет багульника. Этот веник остался у Раиски и если бы он был сейчас здесь, то полетел бы сразу на помойку.

Злая и ненавистная ревность поглотила Павла, он, уже не совсем соображая, ударил Катерину.

Она стояла перед ним, стойкая, с надменной улыбкой:

– С платьем не сладил, так нужно переключиться на другой объект для выплеска эмоций? Таким объектом для себя ты выбрал меня, так я тебя понимаю? Но мне тебя жаль, ты очень сильно только что себе навредил. Я, за время совместной жизни с тобой, старалась не прибегать к самому сокровенному – памяти моего отца. А вот сейчас ты убедишься, насколько велика его любовь ко мне, своей дочери. Ты меня достал, Паша! Поверь, но другого выхода я не вижу. Раиска посоветовала мне приложить старания, поучаствовать в твоём воспитании, попробуем, может, что и получится.

Хоть и было темно, но блеск в Катиных глазах Пашка увидел очень чётко. Плачет, или это блеск от луны?

Не знал всё же до конца свою жену Павел. Не знал, но всегда чувствовал, что владеет она невидимым могуществом власти над ним. Никогда не понимал, откуда это происходит и как проявляется. Это знала только сама Катя. Тренировала в себе это свойство с самого детства. Этому её научил отец. Вот почему она была всегда спокойна в любых трудных ситуациях и выходила из них победителем. Старалась делать это сама, но иногда прибегала за помощью и к своему отцу. Сейчас она не знала, как поступить, даже слёзы, что бывает очень редко, проступили у неё на глазах. Они были оттого, что она так и не смогла полюбить Павла по настоящему и тем самым причиняет ему боль неразделённой любви. Плачет, что жалко сынишку и дочь, которые обожают отца.

Она плакала не за себя и не за испорченное платье. Подумаешь – платье! Душу Пашкину разорванную не склеишь – вот главное. Да, наверное он чувствует её нелюбовь к нему и поэтому бесится. Насчёт того, что – бы быстро его успокоить и отправить спать, для Кате-

рины не составляло никакого труда. Делала это крайне редко, но сегодня пришлось ей успокоить его, что – бы не натворил чего дурного. Для неё это не было сложным – взяв себя в руки, вытерла глаза, закрыла их и, вырвавшись на свободу душой, как учил её отец, представила его чёткий образ. Поставила этот образ отца между собой и Павлом и тут – же увидела, как расплывчатый силуэт отца направился в комнату, к кровати. За ним молча, последовал и Павел. Через мгновение тот уснул крепким сном.

Катерина, всё так же, не включая света, присела возле Пашки, погладила его, попросила прощения за то, что пришлось прибегнуть к такому способу. Поблагодарила отца, задав ему лишь один вопрос:

– Скажи, папа, что мне делать? Знаю, что во всём виновата сама, но знаю и другое, что жить больше с этим человеком я не хочу. Стоит ли надеяться на хорошее, понимая, что его уже не может быть?

– Не рано ли сдаёшься, дочка? Думаешь, что не любишь больше своего мужа? А помнишь, чему я тебя учил? Если хотя бы одному человеку, который оступился, ты бы протянула руку помощи и сумела из него сделать нормального, стоящего для этой жизни, значит, прожила не зря. А Павел тебе далеко не посторонний – он отец твоих детей. Вот тебе и задача для размышления. Сделай его таким, каким ты хочешь его видеть. Когда геолог находит невзрачный камушек, он его сначала внимательно разглядывает. Если хоть что – то блеснёт в нём, он его не выбросит, а тут – же начнёт его протирать, обмывать, отбивать ненужное, а потом шлифовать. И камушек тот начинает блестеть, и любить ты уже его начинаешь, как своё сокровище, своё детище. Впусти в себя свежее дыхание природы, наполни свои лёгкие чистым горным воздухом и глаза свои порадуй бегущими волнами речки. Посиди одна на природе, закрой глаза и попроси у неё силы, мудрости, запасись её энергией. Делай это одна, никто не должен тебя видеть и мешать даже тихим своим присутствием. А потом, вернувшись домой, постарайся увидеть в своём муже то хорошее, что в нём есть. Напомни ему об этом, похвали за то, что просто улыбнулся тебе, что погладил по голове сына и дочку. Любовь – это посаженное вместе дерево. Если его не поливает один по своей занятости или забывчивости, то деревце живёт благодаря другому, тому, кто продолжает его поливать. Если же его не поливают уже оба, то оно гибнет. Вот и подумай, как спасти семью. А спасать надо. Кому – то всегда приходится быть подпиткой своей семье, вот и прими эту роль на себя. А любовь – это не только поцелуй на скамейке и разногласия по пустякам. Это одинаковые мысли, направленные в один бегущий поток, это стремление сделать живущих рядом с тобой, самыми счастливыми. Но если у тебя это не получится или ты просто сама не захочешь что – то менять в себе, то знай – когда – нибудь ты всё равно об этом пожалеешь. Услышь, меня, Катюшка и постарайся стать для Паши хорошей, любящей женой, не обижай его. Ты очень хорошо пела песню про геолога. Спасибо тебе, дочка! Паша завтра ничего не будет помнить, не напоминай ему ни о чём.

Катерина прилегла рядышком с Павлом, его спокойное лицо освещал лунный свет, а Катя думала – сможет ли она что – то поменять в их жизни? Может не стоит ставить во главе свою любовь к нему, а просто любить его, каков он есть, пытаясь внести в его голову разумные мысли и приучать к себе, давая ему своими добрыми словами намекать, что он самый хороший муж и замечательный отец своим детям.

Рано утром, только забрезжил рассвет, Катя отправилась к реке. Она знала, как красив восход ранним утром, хотелось поскорее увидеть этот рассвет, божественно раскрашивающий пики высокого хребта.

Расположившись на большом валуне, у самой реки, Катерина поздоровалась с ней, зачерпнула ладошкой хрустально – чистую её воду, умылась и устремила свой взгляд на этот хребет. Одна из его вершин поприветствовала молодую женщину яркой вспышкой алого цвета, а затем эта же вершина постепенно становилась то сиреневой, то ярко голубой, то ярко синей.

Солнце поднималось и дарило свои цвета вершинам гор. Это завораживало и уводило в какой – то другой мир, мир волшебства, свободного полёта, растворения души и невероятного вдохновения! Почему человек чувствует себя наедине с первозданной природой спокойным и умиротворённым? Словно в нежных, надёжных и любящих руках своей матери себя ощущает он. Этот мир природы даёт добро, ничего не требуя взамен. Хорошо и понятно вдруг становится, и уже не хочется куда – то бежать, боясь спугнуть это волшебное прикосновение. Всё остальное кажется уже второстепенным и поправимым.

Поклонившись вершинам сопот и речке, Катя поторопилась домой. Нужно успеть приготовить завтрак, зашить разорванное платье и убрать его с глаз долой, что – бы Павел его не увидел.

Вернувшись домой, потихоньку поставила на плитку чайник, взялась за платье. Зашив его, положила его на стул, что – бы потом убрать подальше в шкаф. Чайник закипел, занявшись бутербродами, Катерина про платье забыла. Разливая чай по чашкам, в весёлом расположении духа, оставив вчерашнее позади и, стараясь не вспоминать неприятные события, крикнула Павлу:

– Просыпайся, соня! Завтрак остынет. Совсем ты, Павел, забыл про зарядку, но про завтрак – то не забывай. Поторопись, а то я уже заждаюсь тебя! Пора на работу бежать, а то автобус уйдёт без нас.

Павел проснулся давно, но не вставал. Он сосредоточенно о чём – то думал. Слушал, как хлопотала на кухне Катерина, и боялся даже дышать. Что – то вчера произошло и не совсем хорошее, он это чувствовал. Какие – то детали всплывали мельком, но они тут же растворялись. Потом он решил, что это был сон. Пашка слышал предательские шаги, тихо подкрадывающейся размовки. Не успел дальше ни о чём подумать, как услышал весёлый окрик жены:

– Ты долго ещё будешь валяться в постели, соня? Вставай, завтрак стынет!

Павел нехотя встал с постели, неуверенными шагами вышел на кухню. Катя, увидев растерянного и подавленного мужа, улыбнулась:

– С добрым утром, как спалось, что снилось? Не болит голова после вчерашнего?

– Хорошо спал, крепко. Сон свой помню. Ты снилась, отец твой снился. Но всё было как в тумане, к перемене погоде, наверное, этот мой сон.

– Может и к погоде, может ещё к чему. Умывайся и садись есть, всё уже остывает, а я пойду, постель заправлю.

Застилая кровать, Катя крикнула из комнаты, выведывая Пашкино состояние души:

– Паша, ты ничего не хочешь мне сказать? Мы же вчера ходили в клуб. Тебе понравилось моё выступление?

Концерт в клубе Павел помнил. Как у Раиски были в гостях, тоже помнил. Выкрикнул вдруг:

– Катя, а где наши дети? Где они в такой ранний час?

– Ну и папаша! У Раиски они вчера остались ночевать. Пашка ел сырники, запивал их чаем, но его обоняние сегодня полностью отсутствовало. Без особого аппетита жевал завтрак, а сам думал, что – то с ним не так. Вдруг его взгляд упал на Катино платье, лежавшее на стуле, стоящем в углу прихожей. У него округлились глаза, испуганно прошептал сам себе:

– Платье! Мне снилось, что я его порвал.

Он потихоньку схватил платье со стула, развернул его и облегчённо вздохнул – платье было целым и невредимым.

Увидел перед собой улыбающуюся жену, протянул ей платье:

– Приснится же такое! Повесить бы надо, а то помнётся. Оно так тебе идёт! Ты вчера была самая красивая из всех артистов и мои ребята из бригады мне завидовали.

Катерина взяла из рук Павла зашитое ею платье, повесила на вешалку и отнесла в шкаф.

Управившись с завтраком и уловив вдруг приподнятое настроение жены, Пашка, набравшись храбрости, одним дыханием произнёс:

– Ты моя единственная и самая любимая женщина. Ты кружишь мне голову, и я хмелею от этого. Катюшка, скажи, что тоже меня любишь, признайся сама себе, а мне от этого будет намного легче.

Пока детей нет, обними меня и скажи, что кроме меня тебе никто не нужен. У нас ещё до работы есть немного времени, что – бы пообщаться.

Пашка смотрел на жену, ждал от неё заветных слов, но не дождался, а кинулся ошалело её целовать. Не мог он устоять перед её волшебной красотой, перед её обаянием. И тут же получил отпор. Сильный, властный и могущественный. Впервые Павел отлетел от собственной жены, как мячик от стенки. Нет, она его не ударила, а просто оттолкнула от себя. Удивлёнными глазами Павел уставился на Катерину:

Я же сейчас абсолютно трезвый! Я что – то не так сказал? Я же всем сердцем и всей душой к тебе! Зачем так со мной поступаешь?

Пашка закрыл лицо руками.

Тишина, на какой – то миг, воцарившаяся, вздрогнула Катиним голосом:

– Знаешь, давай, поживём отдельно друг от друга. Так будет и для тебя и для меня лучше. Мне нужно окончательно разобраться в своих мыслях. Так продолжаться больше не может. Давай весь наш разговор перенесём на вечер, надеюсь, что вернёшься с работы трезвым.

Катерина, вдруг, изменив своё решение после разговора отца – оставить всё, как есть, в один миг

– Ну не надо вот так сразу, Я пыталась быть хорошей женой для тебя, но чем дальше, тем сильнее у меня желание появляется, остановить эту ложь. Ещё утром у меня на этот счёт было другое мнение, но не могу лгать ни себе, ни тебе, ни другим. Только что делала вид, что ничего дурного не произошло, да только не смогла – лож – это не для не меня.

Может быть, и не ты в этом виноват, а дело во мне. Значит, я делаю что – то не так. Раиска всё же права – плохая из меня жена получилась.

– Ты не права, Катя! Ты хорошая жена и очень хорошая мать. Мне нужна только ты!

– А моё мнение тебя вовсе не интересует? Какая же я хорошая мать, если учу своих детей жить во лжи? Нет, Павел, я решила, что так будет лучше. Поживи пока в общежитии с ребятами, а я одна поживу с детьми. Не отговаривай меня, я всё равно поступлю так, как решила.

– Не вини себя, это я виноват во всём и даже знаю, отчего всё это! Но просто дай мне ещё один шанс и я тебе обещаю, что ни одной капли спиртного больше в рот не возьму. Я чувствую, что вчера что – то натворил. Но я ничего не помню. Дожился, что уже начал забывать вчерашний день. С этой минуты – ни капли в рот. Ты прости меня, если я вчера плохо себя вёл.

– Я могу тебя успокоить и повторить, что дело вовсе не в тебе. Твоё неумение держать себя иногда в руках, конечно же, подливает масло в огонь в наших отношениях, да только это не является единственной причиной моего решения. Хотя в этом, безусловно, есть твоя вина. Такого, каким ты есть сейчас, я не смогу полюбить. Я воспитываю детей, но тебя, взрослого, извини, не вправе воспитывать. Для этого было отпущено время твоим родителям. Это они должны были учить тебя с младенчества, что хорошо, а что плохо. Другие жёны, может быть, и терпят, может быть, и мне нужно смириться со всеми нашими неурядицами. Да только понимаю, что мой характер будет этому упрямиться. Нянчиться с тобой после возлияния вина, я совсем больше не намерена! Не повезло тебе, Павел, что я не такая, как многие. Ты говоришь, что – бы я дала тебе шанс исправиться? Так, пожалуйста, сделай это не для меня, а для себя. Насчёт меня знай – я больше не намерена задыхаться от твоего перегара и делать вид, что у нас в семье всё замечательно. Исправляйся, Паша, но теперь без нас. Я не хочу, что – бы наш

сын впитывал дурные привычки своего отца. Хочешь знать, что я обнаружила у Лёни под его ковром у кровати?

Пашка испуганно посмотрел на Катю.

– Этикетки красивые твой сын наклеивает под ковром. Они от бутылок вина! За что однажды и произошла у нас с ним неприятная беседа. Я накричала на сына, но виноват – то был ты, его отец! Из – за тебя он убежал тогда, обиженный на меня за непристойные мои слова к нему! Из – за тебя нанесла я ему душевную рану. Мальчишка видел на тех этикетках лишь красивые яркие картинки, но это всё привело меня в бешенство! Меня трясло от того, что когда – нибудь мой взрослый уже сын будет вот так же иметь хорошее настроение лишь только после того, как немного выпил.

Пашка сидел, слушал Катерину и от сказанных её слов еле – еле шевелил губами:

– Этикетки? Это же не повод оскорблять сына! Что в этом такого? ...Как я один без вас?... Зачем под ковёр? У Лёни есть альбом с марками. Можно картинки туда наклеивать... Как болит у меня голова!

Павел невпопад продолжал шептать, взявшись за голову. Потом, как бы опомнившись, схватил Катину руку, произнёс громко, с надеждой:

– Я понял, я всё понял, Катюшка! Поживу в общежитии, но только обещаю, что не будешь мне запрещать видиться с детьми. Ты же знаешь, я без них не смогу. А насчёт того, что не воспитан я, так это твоя правда. А ко всему этому и уродился я не такой, как все. Не могу я высказать то, о чём душа моя поёт. Не могу передать душевную радость красоты земной. Боюсь тебе сказать о том, как сильно я тебя люблю. Вот и сейчас, сказал и боюсь, что смеёшься ты про себя над моими словами. А стоит мне немного принять для храбрости хотя бы лёгкого вина, сразу раскрепощаюсь и мне уже нипочём то, что ты про меня подумаешь. И начинаю я кричать о своей любви к тебе.

– Своеобразная у тебя тактика выражения своих чувств! Смешно и наивно полагать, что она у тебя может сработать.

– Не знаю, но главное, что мне удаётся, хотя бы таким методом выдавать на гора сумасшедшую к тебе любовь, бесконечные нежности к тебе.

– Эти твои сумасшедшие действия и перечёркивают все твои настоящие чувства.

– Ты права, да и Сашко не однажды говорил мне об этом и ребята в бригаде. Но все люди, как люди, а я какой – то неправильный. Мои неоправданные поступки бегут впереди меня. Я не виноват, Катя, честное слово! Меня и Раиска ругает, и перед ней мне стыдно. Я понимаю, что выражаю свои чувства очень эмоционально и порой нетактично, но что поделать, если я таким уродился контрастным – либо молчу, как тюфяк, либо, как выпью, становлюсь неуправляемым даже сам над собой? Но у меня есть большое смягчающее обстоятельство – я тебя очень сильно люблю. Когда ты пела песню в клубе, она звала меня за собой. Я готов был идти хоть на край света, лишь бы ты не грустила, лишь бы не плакало твоё сердце. Ты живёшь со мной, но без меня. Без меня ты в своих мыслях куда – то улетаешь, без меня ты хочешь жить дальше. Я чувствую твоё отчуждение. Ты предлагаешь пожить поотдельности друг от друга. Но как можно жить в этом маленьком посёлке, встречаться и делать вид, что ничего не случилось? Я не смогу так. Может, всё – же переборешь себя – дашь мне возможность доказать, что я изменяюсь в лучшую сторону. Но только разреши всё это время жить здесь, с вами. Ради детей наших, поверь мне на этот раз. Лёнька же не сможет нас понять, будет переживать, мы его знаем, Катя!

Пашка заглядывал с надеждой в глаза Катерине, с напряжением и надеждой ждал её решения. Она же задумчиво смотрела куда – то мимо Павла, пытаясь понять всю сложившуюся ситуацию и принять правильное решение. Потом перевела свой взгляд на взволнованного мужа:

– Сегодня утром я думала, что смогу поменять своё отношение к тебе, да вот не получилось. Не помогли мне ни реки, ни горы – упрямая я, и была такой с детства. Словно кремень какой – то сидит во мне, и не хочет двигаться с места. Остаётся ещё один способ, проверенный временем – дать ему, этому самому времени, разобраться мне в своих чувствах к тебе. И если я к тебе, после разлуки с тобой вернусь, то это будет навсегда.

– Павел ничего не понимал. О чём говорит Катя? Какие горы должны были ей помочь? Какие реки? Зачем нужно обязательно расставаться? Остановил свои размышления на своей личности. Почему то подумалось, что последнее время совсем не уделяет время он своим детям. Грузин, и тот старается больше общаться с Митей. Везде с ним. Не успеет прийти с работы, сразу в его комнату бежит интересоваться Митиными делами – успехами или неудачами. Всякое у пацанов случается. А он давно не говорил по душам со своим сыном. Бывало, придёт с работы, поест и за книги. Катя любит, когда Пашка читал, расширял своё мировоззрение и кругозор и он старался. Ради неё же и старался. Но это не отговорки. Детям, особенно Лёньке, общение с отцом просто необходимо! Пашка вспомнил, как когда – то завидовал тем мальчишкам, которые вместе со своими отцами шли в лес, на рыбалку или просто шагали рядышком и о чём – то говорили. Пашка тогда вытягивал шею, смотрел с завистью на эту идиллию и, затаив дыхание, провожал взглядом свою несбыточную мечту. Может быть оттого, что Пашка жил без отца, без сокровенных разговоров с ним, и есть причина в его неумении общаться с сыном?

Нет, так дело не пойдёт! Нужно браться за ум, и менять всё в корне! Пашка подошёл к крану, сунул под него голову, смывая вчерашнее похмелье и, продолжая плескаться в воде, произнёс:

Обещаю, Катюша – как только вернусь с работы, мы серьёзно поговорим. Думаю, что ты меня поймёшь, простишь, а сейчас хочу признать своё поведение отвратительным. Мне действительно стыдно перед вами за свои поступки, но я обязательно исправлюсь, ради наших детей исправлюсь.

Она смотрела, как Павел высушивал волосы полотенцем, и никак не реагировала на его слова – она их просто не слушала. Признавалась себе в том, что Раиска знает Павла больше, чем она, Катерина. Сколько лет прожили, а так и не смогли до конца друг друга узнать. Хорошо это или плохо? Понятно пока одно – этот факт усложняет их семейные отношения и напрягает.

После работы, Павел торопился домой, торопился поговорить ещё раз с женой и ещё раз попросить у неё прощение.

Одна у него цель и заветная мечта – быть всегда рядом со своей Катюшкой. Катерина же недоумевала – как так?

Дома никого не было и это было для него сейчас кстати – нужно привести себя в порядок после работы – его жена любила аккуратность во всём.

Пашка полез в шкаф, достал оттуда голубую рубашку, ту, которая нравилась его жене больше всего. Включил утюг и стал наглаживать эту рубашку.

Побрызгал себя одеколоном и, посмотрев в зеркало, остался собой доволен.

Катерина домой не торопилась, она знала, что дети её всё ещё у Раиски с Сашко, а Павел, конечно же, уже дома и, что – бы сгладить своё вчерашнее положение, готовит жене ужин.

Не торопясь вошла в дом, как и предполагала, муж уже был дома.

Устало разделась после смены, уселась в кухне. Устало думала о том, что охладела к мужу. Охладела незаметно для себя и теперь ничего с этим не может поделать.

Не сказать, что – бы Павел часто выпивал, это было редко – работа сварщиком на портале отнимала много времени, много сил. Работал он с огоньком, получал благодарности, которые он бережно складывал в ящик и тут – же про них забывал. Радовался как мальчишка о каждом незначительном успехе своей бригады и всего отряда в целом. С радостным блеском в глазах,

уверял дома всю свою семью о том, что все они обязательно дождутся того дня, когда будут кричать «Ура!» первому поезду.

Вспоминает она и о том, как радовался Павел досрочной сборке проходческого щита.

Пашка был трудягой, какого ещё поискать! Он гордился своей профессией и считал, что лучшей профессии, чем сварщик, на земле нет!..

Павел молчал, понимал, что Катерину сейчас лучше не тревожить – пройдёт немного времени, и она сама найдёт для него слова.

От ужина, который он так старательно готовил для семьи, Катя отказалась. Её не удивило даже то, что Павел успел перед её приходом сварить макароны с тушёнкой, при этом переодеться в любимую ею рубашку и побрызгаться одеколоном – это Катерина заметила ещё с порога. Понимая, как Пашка ждал от неё похвалы, она всё же не дала ему возможности этим насладиться. После длительного молчания, произнесла:

– Не подлизывайся, уходи с глаз моих долой! Сходи к Раиске с Сашко – приведи детей. А всё остальное остаётся в силе – тебе, Паша, придётся переселиться в общежитие.

Павел вздохнул, посмотрел на жену и, уловив её неприступность, понял, что сейчас его слова Катей будут неслышанны. Он задержался у порога и, прежде чем уйти, подошёл к Катерине, взял её руку, заглянул несмело, как и всегда в её бездонные зелёные глаза, без надежды в голосе, произнёс:

– А может, не надо мне в общежитие? Я без вас не могу и дня прожить. Не бросай меня, если я и теперь не справлюсь, то сам уйду. Хорошо?

Не дождавшись ответа, Пашка тяжело вздохнул и вышел из комнаты, оставив Катерину одну со своими думами.

Катерина всё так же сидела на кухне, устало размешивая чай, раздумывая над своим решением – уйти от Павла.

В голубой рубашке и такими же глазами, он всегда напоминал ей своего отца. Даже Пашкин чуб, светлой волной спадающий на глаза, совершенно был таким же, как у него. Катя вздохнула:

– Прости, Паша, но ничего у нас, наверное, не получится. Возможно когда – то мне и придётся чем – то за это поплатиться, но сейчас ничего не могу с собой поделать! Я с ужасом поняла, что даже тихим своим присутствием ты меня раздражаешь. Как с этим бороться?

Она снова вздохнула, обратилась к отцу:

– Прости и ты меня, папа. Не справилась я. Паша хочет слушать себя, только свою любовь ко мне, остальное для него совсем неважно. Почему не задумается над тем, что в моей душе? Почему ему неважно даже то – хочу я с ним жить или нет? Почему не делает всё для того, что бы я никогда не захотела от него уйти? Я же устала под него подстраиваться и играть в счастливую семейную пару. Вот Раиска и Сашко счастливы, и это их счастье не наигранно. У нас же с Павлом что – то не клеится. Даже его обещание, что он исправится, теперь для меня важны. Что – то большее во мне сломалось и, возможно временная разлука с мужем, поможет понять нам обоим – нужны ли мы друг другу на самом деле? Но думаю и другое – не стоит ему подавать надежды, а дать ему полную свободу. Может, найдёт он ещё своё настоящее счастье с другой, которая поможет ему забыть меня. Что мне нужно, я пока и сама толком не знаю. Я рвалась на БАМ – вот он, передо мной. Хотелось потрогать воды Байкала, так уже два раза ездили в лагерь, что находится на самом его берегу. Лазали по отвесным скалам и ловили омуля. Лёнька просто приходил в восторг от того, что смог увидеть то, о чём ему и не мечталось. И мы, казалось, были все счастливы! Но как жалко, что всё это просто наигранная фантазия! Ушла моя любовь, которой, скорее всего и не было. Не хочу тебя обманывать, папа, но ничего изменить уже не смогу.

Катя не стала доносить до своего отца те чувства, которые испытывает она сейчас к своему мужу. Как будто чужеродный элемент, вся её сущность отторгала Пашкино тело. Не хотело

его принимать, как мужчину. Раньше такого не было! Какая уж тут любовь! Возможно, ли отвечать на его ласки, вопреки своей воли?

Страдало от этого Катино сердце. И за себя страдало и за Пашку.

Тонким кружевом плетенья обволакивались её мысли, становилось не по себе.

Имея в своём характере свойство – никогда ни в чём не сомневаться, сейчас она была в полном замешательстве.

Убедив себя в том, что уйдёт от мужа и попытается окончательно разобраться в своих чувствах к Павлу, она вдруг почувствовала в себе некий эгоизм. Пашкины недавние слова скорбно звучали, и мешали ей сосредоточиться. Он просил её его не бросать.

Вот ведь как может вывернуть душу. Натворит, Бог знает что, а потом с мольбой в глазах прощения просит. Неужели так легко можно забыть и простить ему то, до чего он дошёл? И не жалко ей того платья. Обидно то, что её совершенно не к кому было ревновать! Никакого повода она ему не давала. А что дальше? Ждать, пока её муж систематически станет распускать руки? Нет, она больше не позволит Павлу унижать её достоинство и оскорблять. Никаких смягчающих обстоятельств от него она больше не примет. Сейчас нужно принять холодный душ, привести в порядок свои мысли и бесповоротно принять решение пожить одной, без Павла.

Холодная вода была для Катерины, не что иное, как бальзам на душу. Ничто так не может помочь в таких ситуациях, как холодная вода. Собрав воедино всевозможные думы, она, тут – же, горячим потоком выбрасывает их головы, обливается холодной водой и становится светлее на душе, мысли становятся чище. Обтираясь полотенцем, Катерина ещё раз убедилась в том, что эта процедура просто незаменима для восстановления человеческого организма, для его бодрого духа и оптимизма.

Встряхиваясь от всех запутанных мыслей, она поспешила проделать гимнастику, и вскоре уже была в боевом расположении духа. Скоро вернётся Павел с детьми, нужно быть в форме и сделать так, что – бы дети не заметили размолвки между родителями.

Включив транзистор и поймав музыку, Катя успокоила себя тем, что, слава, Богу, никто не умер, все живы и это главное! Всё же у неё всё ещё перед глазами виделся образ отца. Удивилась этому – раньше не было, что – бы после общения с дочерью, его образ её не покидал. Что – то не понравилось ему, ну что? Неужели то, что не прислушалась к его недавним словам, решила делать так, как надумала. Но это же её выбор, раньше отец сам учил не отступать от задуманного. Скоро вернётся Павел с детьми, может быть, она успеет узнать, почему отец не уходит? Что – то ещё хочет сказать? Ей было не по себе от того, что душа отца была чем – то встревожена, а для неё это было болезненно.

Отбросив от себя все думы, принялась к расслаблению всего организма. Прodelав всё, что было для этого необходимо, сквозь пелену тумана слышала отчётливый его голос, скорее всего, это читалось мыслями, не словами, но было вполне понятно...

Да, она угадала – речь шла о её муже – не согласен был с ней отец. Уверял, что когда – то она пожалеет о своём решении. Просил не рубить с плеча – в такой ситуации все решения должны быть предельно взвешены. Думать ей нужно не только о себе – её дети могут познать жизнь без отца.

– Вспомни себя, когда меня не стало, вспомни Павла, которому так не хватало отца, не говоря о том, как рос мальчишка, под одной крышей с матерью, не зная этой материнской любви. Не отнимай у моих внуков счастливое детство, не отнимай у них слово «папа». Я буду рад дочка, если услышишь мои слова. Люблю тебя, люблю Пашу и Лёню с Танечкой! Не волнуйся, я всегда возле вас и ты можешь, как прежде, прибегать к моей помощи. Ты только позови!..

Катя присела на стул. Образ отца теперь не тревожил её.

Она чувствовала, что её отец уже в другом месте, там, где кому – то нужен. Почувствовала и то, что стало намного легче, мысли уже не путались, а думалось только об одном – ско-

рее бы пришли Павел и её дети. Она со вчерашнего дня не видела своего неугомонного сына и смешливую дочку. Редко, очень редко, только лишь по важным обстоятельствам она могла себе позволить разрешить им где – то остаться. Катерина дала себе слово, что никогда она не своих детишек не отпустит от себя!

Время шло, на улице уже темнело, но ни Павел, ни дети не появлялись. Когда же волнение Катерины переросло в страх, она оделась, бросила ключ в почтовый ящик и быстрым шагом направилась к Раискиному дому.

Сашко и Раиска встретили Катю словами, что дети с Павлом ушли уже давно.

Удивлённая и перепуганная Катерина смотрела на своих друзей, не понимая, почему они так спокойно к этому относятся – ведь кругом тайга, медведи, непонятные костры на вершинах сопках!

– Да не волнуйся, ничего не случится с твоими детьми. Паша совершенно трезвый, да и в любом виде он никогда не обидит ни сына, ни дочку. Сейчас решил с ними погулять, сказал, что редко это делает. Проходи, чай будем пить.

Раиска уже ставила чайник, успокаивая подругу:

– Чего – чего, а вот за своих детей Пашка жизнь отдаст, так что можешь расслабиться и посидеть с нами. Сегодня мы с тобой ещё не виделись.

Сашко, напевая себе под нос песню своих родных гор, тоже готовился к чаепитию.

Раиска усмехнулась:

– Ты же только что пил чай с Митей. Как можно столько много пить этого чая!

Раиска, разливая чай, а сама поглядывала на Катерину. Зоркий всё же у неё глаз – ни скрыться от него, не спрятаться. Сашко, поговорив за чаем с женщинами, ушёл, давая им побыть вдвоём. Он всегда так делал, понимал, что им нужно посплетничать. Катя к чаю даже не притронулась, не расположена она была сейчас к чаю. Говорила о вчерашнем смотре, о том, что их ансамбль хотят отправить на конкурс песни среди коллективов бамовских посёлков. Раиска слушала подругу, но очень хорошо чувствовала, что она чем – то озабочена. Хоть и говорит о вчерашнем смотре, но сама думает совершенно о другом.

Когда Раиска появилась в посёлке, Катерина могла себе позволить расслабиться и уткнуться ей в плечо, поплакать. Она часто скучала о маме, о Веруне, скучала по бабушке Оли, у которой давно не была. Перед Павлом Катя никогда не показывала свои переживания и плохое настроение, никогда не раскисала. Но бывали минуты, когда ныло сердце, тоскливо сжимаясь в груди, и хотелось из сильной личности превратиться в маленькую девочку. Хотелось прислониться к сильному плечу и поплакать. Такое плечо Катерина находила у Раиски. Потом так и повелось. Хоть и редко, но случалось так, что Катя прибегала к подруге, ложила свою голову ей на плечо, высказывала наболевшее.

Та успокаивала её, поглаживая голову Катерины, и перебирала рукой её волосы, как делала это когда – то бабушка в далёком Катином детстве.

Раиска гладила одной рукой голову своей подруги, другой смолила Беломор, сама при этом переживая за Катерину.

Вот и сейчас Кате необходима была поддержка. Не могла она уже в одиночку справиться со своим состоянием. Душевные переживания брали своё – теперь ей было просто необходимо найти тихое пристанище, кем являлась Раиска.

Как ни странно, отец на этот раз не помог ей как он не старался. Невзирая на его, казалось бы, разумные советы, Катерина не смогла их принять. Вернее сначала было всё понятно, но её упрямый характер брал верх над любыми советами, кто бы их ей сейчас давал. Не соответствовали сегодня эти советы с её теперешнему настроению и положением дел в семье.

Разочарование в своём муже, разочарование к себе самой уводили Катерину в какие – то дебри и несогласию своих мыслей. Что – то надо делать, надо решать эту проблему и очевидно решить её придётся самой, но всё же, для начала нужно поведать всё своей подруге. Раиска

в таких делах мудрее. Прежде чем что – то сделать, всё обдумает, взвесит, не станет рубить с плеча, как она.

Сейчас Кате стало необходимо общение с Раиской. Отодвинув чай в сторону, она произнесла:

– Не тот сегодня случай, что бы пить чай. Давай выпьем винца, если ты не возражаешь! Сашко наверняка имеет в запасе домашний напиток.

– Почему же не имеет? Имеет. Хоть и бережёт он его, приберегает на всякий случай, но, думаю, не откажет нам сейчас. Не часто мы с тобой прибегаем к этому. Глядя на твоё удручённое лицо, тебе не помешает рюмочка грузинского вина. Ясный компот, не помешает! Эту поговорку Раиска проговаривала в случаях крайнего своего удивления, положительных или отрицательных эмоций и об этом знали все.

Сашко подругам не мешал. Знал – если те уселись на кухне, значит секретничают.

Он принёс из подвальчика вино, поставил его перед подругами на кухонном столе и удалился.

Выпив напиток с грузинских гор родины Сашко, Раиска закурила папиросу, уставилась своими чёрными глазами на Катерину:

– Давай, выкладывай, что там у тебя наболело. Вижу по лицу, что тебя что – то гложет. Рассказывай, хотя я уже заранее предвижу, что разговор будет снова про Павла. Что ещё успел натворить наш общий друг? Я уж и не понимаю, что с вами делать!

Катерина понимала, что сейчас нужно всё рассказать. Не хотела она выносить сор из избы, да только чувствовала, что ей сейчас это просто необходимо. Да и нет у неё никаких секретов от Раиски.

Поведала ей Катерина о том, что Павел дошёл до рукоприкладства, разорвал ей концертное платье, снова приревновал к несуществующим её воздыхателям. И наконец, призналась подруге, что не любит она Павла, да, наверное, и никогда не любила. Думала, что придёт любовь со временем, сможет разглядеть она в Пашке того мужчину, с которым проживут они всю свою жизнь.

Теперь же поняла, что между ними пропасть.

Пока Катерина пыталась донести до своей подруги нелюбовь к Павлу, все их размолвки, ссоры и непонимание друг к другу, Раиска думала о своём.

Думала о том, что признайся Катка ей в своей неопределённости к её другу, о своём сомнении в любви к нему намного раньше, ещё до того, как увести его на свой Урал, всё было бы совсем по – другому. Не страдала бы она одна в Ленинграде в ожидании первенца, не ревела бы в подушки от того, что не с кем разделить эту радость. У Катерины же получилось – ни себе, ни людям. Сидит, плачется на не совсем удачную жизнь. Опомнилась, что мужа – то своего и не любила никогда.

Катя, раздумываясь от вина, оставив свой рассказ, о предстоящем разводе с мужем, только теперь заметила грусть в Раискиных глазах. Они блестели влажно толи от выпитого вина, толи от слёз.

Втягивая в себя папиросный дым, прищуривая при этом один глаз, Раиска смотрела в окно, и было видно, что её что – то так же тревожит, как и её подругу. Захмелев и вернувшись в прошлое, она решила поведать свою правду Катерине

Решила ей так же высказать то наболевшее, которое она когда – то унижительно пережила по её, Катиной вине.

Раиска перевела свой пронзительный взгляд на Катерину:

– Помнишь, тогда, в лесу, мы с тобой дрались?

– Как не помнить? Глупые мы тогда были. Сейчас даже стыдно вспоминать об этом.

Раиска её остановила:

– Нет, я не об этом. Тогда я тебе намекнула про свою большую ошибку.

Катя с интересом смотрела на подругу:

– Я помню, продолжай, я слушаю.

Раиска немного ещё помолчала и произнесла:

– Большой ошибкой я тогда считала Митю. Он уже сидел у меня в животе и потом вместе со мной, в лесу дрался за своего отца.

Катерина остановила своё дыхание, в упор уставилась на Раиску, переваривая её слова.

Выдохнув, она нечаянно опрокинула рюмку с вином, и оно красным цветом разлилось по столу. Дрожащей рукой прикоснулась к руке подруги, сжала её и тихо проговорила:

– Ну и дура же, ты, Райка! Что ты наделала! Ты думаешь, что совершила подвиг? А я тебя всегда считала умной и рассудительной. Скрыла от всех самое святое, да ещё и, будучи беременной, вступила со мной в борьбу. Ведь Паша не знал о твоей беременности, а это значит, что он не поехал бы тогда со мной на Урал. И когда мы дрались с тобой, я могла бы нанести непоправимый вред твоему ребёнку!

Катерина взволнованно, с укором поглядывая на подругу, быстро зашагала по маленькой кухоньке туда – сюда, пытаясь подобрать ещё какие –нибудь слова в укор своей подруге.

В большом возмущении повторила:

– Всегда считала тебя умнее многих. Но так поступить со своей судьбой! Ты собственноручно лишила Митю отца. Ты не мать, Раиска, не мать! Что толку в том, что своим, никому не нужным подвигом, плакала потом от одиночества! Надо что – то менять. Рассказать всё Павлу, Мите, сегодня, сейчас же! Мы теперь не сможем жить дальше, как раньше жили...

Катерина подлетела к столу, налила себе в рюмку вина, залпом выпила:

Со словами, – с вами тут сопьёмся, – снова стала метаться по кухне, без конца задевая Рису.

Та от этого выронила из рук папиросу, в сердцах произнесла:

– Да сядь ты, наконец – то! Наставила мне кучу синяков своими костлявыми коленками! Что подумает Сашко, обнаружив эти синяки?

Катерина, не обращая внимания на слова подруги, продолжала:

– Неужели Павел не разглядел в мальчике сына? А ведь я теперь вдруг вспомнила, что у Мити улыбка – то Пашина. Вот ведь, какие мужики! У меня просто нет слов! Но мне Павел рассказывал, что ты уехала в Ленинград, сразу же вышла там замуж, родила сына и всё у тебя хорошо.

– Да, уехала в Питер, родила Митю, но замуж не выходила. Матери своей строго – настрого приказала, что – бы никому не говорила о том, что Митя от Павла. Не хотелось лишних разговоров. Мать Пашкина узнала о своём внуке позже, да только тоже была с нами заодно – хранила нашу тайну. У вас уже рос Лёня. А главное – я знала, что Павел любил тебя. Узнал бы он – стал метаться меж двух огней, стало бы всем только хуже. Решила, что время само всё расставит по местам.

– Это что же, братцы, получается! Митя с Лёней играют, дружат и не подозревают, что они родные братья по отцу! Ну и ну!

– Митя знает. Всё знает и давно.

Катя взялась за голову. Вино и неожиданное признание подруги било ей в мозги, а щёки сделались, как два красных яблока. Уже не зная, как вести себя после такого признания подруги, произнесла:

– Какие же мы, бабы, дуры! Одна дурней другой!

Присев рядышком с Раиской, Катерина обняла её, прошептала:

– Мы все бабы дуры, ясный компот, – неожиданно произнесла она поговорку своей подруги, – ошибки замечаем тогда, когда исправить их бывает уже слишком поздно. Маши – не маши руками, да только не догнать уже того поезда, не прыгнуть даже в последний вагон.

– Я тогда, когда Митя родился, очень пожалела о том, что не сказала Пашке о своей беременности. Всё та же гордость не позволила мне это сделать, да и молодая была, не прислушалась к словам матери. Возможно бы, и остался он с нами, да что теперь об этом говорить!

Жила потом только Митей. Радовалась ему, привозила его к бабушкам и деду. Пашку решила из своей головы выбросить. Иногда приходили минуты, когда наваливалась грусть, хандра и тоска. Я вспоминала наше с Пашкой детство и, вопреки нашему расставанию, была благодарна Господу за то, что у нас с ним родился человечек. Это существо сделало меня абсолютно счастливой. Ведь это он, Митя, не дал нашей дружбе исчезнуть навсегда. Теперь я знаю точно, что между нами любви – то и не было. Была большая и крепкая дружба. Была сильная привязанность друг к другу и когда мы расстались, то было такое чувство, как будто у меня отняли самое ценное в жизни. Первое время я металась, как – будто могу встретить Павла на улицах Ленинграда. Но потом, в своих хлопотах предстоящих родов, постепенно успокоилась. Думаю, что Пашке тоже было первое время без меня тревожно. Знаешь, это бывает у близнецов. Мы же с ним и были почти этими близнецами, играли, ели, спали вместе. Что об этом говорить, трудно нам обоим было после той разлуки! Когда же я узнала от тётки Дуси, что Павел укатил на БАМ, почему – то сильно разволновалась. В груди стало тесно и больно. А тётка Евдокия про тебя много чего наговаривала. И то, что ты сына её не любишь, и что на БАМ его отправила больного, на верную гибель. Причитала на всю хату, что погубит его эта стройка. А мне потом страшные сны по ночам стали сниться. Жалко было мне Павла. Всё – таки он мне не чужой. Отец моего ребёнка.

Раиска глубоко затянулась сигаретой, по – матерински погладила Катерину, которая примостилась у её пышной груди, продолжила:

– И решила я отправиться на БАМ, ближе к Пашке. Я тоже, как его мать переживала за него. Про себя подумала, что если будешь ты его обижать, отобью его у тебя, не дам своего друга в обиду. Всё торопила время, что – бы поскорее добраться до вас, поскорее увидеть, поскорее протянуть руку помощи Павлу. Во мне кипела непреодолимая злость на тебя. Но чем ближе я подъезжала, тем трезвее становился ум. Молотком в голове стучало:

Но любит – то он не тебя, а Катерину.

– Ревность моя не хотела сдаваться. Шептала мне, что он мой по всем законам; в армию его провожала, ждала из армии, сына ему родила. Кому, как не мне быть с ним рядом! Павел должен принадлежать только мне и никому другому! А когда я увидела ваших замечательных детей с Пашей, то окончательно пришла к выводу, что никогда не вмешуюсь в вашу семейную жизнь. Это нужно быть совсем бесчувственной, что – бы навредить и вам и вашим детям. Что было, то прошло. Приглядевшись к Павлу, убедилась я, что он любит тебя и будет любить всегда. Стоит ли что – либо менять? Не вернуть уже те годы, нечего оглядываться назад. Возмужал Павел, характер стал проявлять и думаю, что не маленький он, что – бы нос ему вытирать. Семьёй обзавёлся и сам уже должен уметь постоять не только за себя, но теперь и за детей своих. А я поняла, что для меня главное осталось одно – что – бы Пашка был счастлив. А счастлив он с тобой и ни в какой защите он не нуждается, как думала я, как думала тётка Дуся. Одно огорчило бы Пашкину мать – это то, что её сын стал баловаться спиртным. Не одобрила бы это она и, не смотря на сынову зрелость, отхлестала бы его полотенцем, как в детстве. Но, так или иначе, Пашка очень добр и чист душой, как ребёнок. Запомни, Катерина, мои слова, не руби сразу с плеча, подумай, прежде чем Пашку обидеть. Если что и натворит он, так это не со зла. У него, понимаешь, защитная реакция срабатывает. Ещё с детства научился отражать атаку, не получив ещё нападения. Так уж у него сложилось. Не обижай его, он очень сильно тебя любит и если ты когда – нибудь оставишь его, он пропадёт! Без твоей любви пропадёт и без своих детишек. Я так хочу, что – бы все мы были счастливы, что – бы всегда собирались вместе за столом, как одна семья! Думаю, что всё у нас будет хорошо.

– Катерина, выслушав подругу, проговорила:

– Как же Митя? Павел должен узнать, что это его сын! И чем скорее, тем будет лучше и для Мити и для всех нас.

Раиска рассержено произнесла:

– А вот с этим подождём. За это я на Пашку в большой обиде! Хотел бы, сам бы уже смог догадаться. И поэтому шапка груш ему, а не Митю! В секрете пусть будет мой сын для него. Сашко знает историю его рождения, но я с него взяла слово, что будет молчать до поры, до времени. Надеюсь, что и ты, Катерина, не проговоришься. Пусть пока будет так, как есть, я всё ещё не могу простить своему другу детства. Где – то в глубине души лежит ещё та обида на него. Сейчас я счастлива и благодарю судьбу, что встретила Сашко, но простить Пашку ещё не готова.

Раиска, немного помолчав, взбодрилась:

– А вообще – то всё прекрасно! Я Пашке за Митю много раз говорила спасибо. А этот БАМ в корне перевернул мою жизнь. Стала она у меня намного интересней и насыщенней и кто знает, как сложилась бы моя судьба, если бы не эта стройка? Так, что она и по моей жизни прошла, благодаря всем вам. Видимо, от своей судьбы не спрячешься – непременно догонит. Завтра у нас в клубе концерт, Понаровская приехала. Я думаю, что нужно посмотреть. Давай, все вместе пойдём, да и Павел будет рад. На него всегда больно смотреть, когда ты намекаешь на развод. Оставь, Катерина, свою идею – разводиться.

– Он будет рад, а мне ты предлагаешь, всегда под него подстраиваться и прощать очередные его выходки? Хороша же подруга!

– Да, Катерина, характер твой я знаю, прогибаться ни перед кем не будешь, с детства такая была. Но я тебя, как подругу прошу – прости Пашку. Прости последний раз и под мою ответственность. Мне очень жаль Леонида и Танюшку, они – то, как переживут расставание с отцом?

Раиска выжидающе смотрела на Катю своим пронизательным взглядом и та не выстояла перед ним – согласилась на перемирие с Павлом.

– Что вы все заладили – дети, дети. А что хорошего они впитают в свои души, живя в семье, где царит недоговоренность, нет настоящей любви. Если думать о детях, как ты советуешь, то не стоит забывать, что как раз дети и видят всю правду.

Подумав немного, Катерина решила:

– Хорошо, будем продолжать жить под одной крышей, может быть что – то и наладится. Только, думается мне, что ничего не изменится и в этом Павел будет уже не виноват, теперь дело во мне. Очень хорошо я себя знаю, но всё же, я тебя послушаю и сделаю лишь ради детей и в последний раз!

Катерина Павла решила простить, но только теперь его судьба была в его собственных руках...

– Это же, сколько времени мы с тобой проболтали, если уже моя пачка сигарет пустая? Фу! Хоть коромысло вешай!

У Катерины то – ли от дыма Раискиных папирос голова кружилась, то – ли от выпитого вина. Шатающей походкой она пошла к комнате Мити. Время было позднее и мальчик, наверное, уже спал. Кате захотелось ещё раз посмотреть на него. Теперь она узнала, что Митя сын Павла и относиться к нему она будет теперь совсем по – другому. Будет считать его своим сыном, и любить так же, как и Лёньку с Танюшкой.

Остановившись на пороге Митиной комнаты, Катерина оглянулась на Раиску, прошептала:

– Я хочу полюбоваться на твою замечательную «ошибку».

Обе подруги тихо подошли к кровати, где безмятежно спал Митя, подложив под пухлую щёчку обе руки. Улыбнувшись безмятежно спящему ребёнку, немного ещё постояв у его кровати, подруги вышли из детской.

Сашко уже поджидал Катерину в прихожей, что – бы довести её до дома. Раиска, впервые видевшая свою подругу в состоянии лёгкого опьянения, настаивала на то, что – бы Катя осталась ночевать у них, да та не соглашалась, ссылаясь на то, что она должна быть дома, со своими детьми, тем более, что утром ей нужно будет готовить им завтрак.

Готовить завтрак Катерине не довелось. Павел встретил жену с Сашко и удивился состоянию Катерины. Такой он её никогда не видел. Вместе с грузином они уложили подвыпившую женщину на кровать, после чего Сашко удалился, сославшись на позднее время.

Пашка вернулся к мирно спящей жене и, глядя на неё, думал о том, как дорога она ему, эта маленькая, хрупкая женщина! Как умудряется она всё успевать? Мотается по всему посёлку; то в клуб бежит, то на совещание депутатов, то уже в профсоюзном комитете сидит, распределяет дефицитные товары и детское питание. То она уже на автобусной остановке, что – бы отправиться на портал, успеть в свою смену. При всём при этом в доме прибрано, и кастрюльки со свежей, приготовленной пищей всегда поджидают домочадцев.

Бережно укрыв жену, подумал о сегодняшнем с ней разговоре, совсем ему не приятном. Нет, он не допустит того, что она ему предложила. Не пойдёт он в общежитие, сумеет доказать, что дороже своей семьи у него нет, а поэтому сделает всё, что – бы Катя ему простила его недавний проступок.

Пашка лёгким прикосновением своих губ поцеловал жену в щёку, она тут – же скривилась.

– Наверное, тошнит, – Подумалось Павлу. Да и как может быть по – другому? Катерина совсем не расположена к вину. И происходило это крайне редко! Какая причина способствовала сегодня этому? В отместку мне решила напиться? Но в таких ситуациях она всегда находила другие способы. Она могла не разговаривать с ним несколько дней, делая вид, что не замечает мужа. Могла общаться с детьми, смеяться с ними, но при всём при этом, совсем не замечая Павла и это было для него особенно трагичным. Какой разговор состоялся у них с Раиской? Наверняка, говорили о нём, непутёвом Пашке. Да, завтра Катерине будет нехорошо, Павел это знает. А ему будет ещё хуже. Ведь это из – за него она решила напиться. И выпила – то пару рюмочек, а для неё и это уже лишнее.

После сегодняшнего разговора с женой, Павел, выйдя из дома в сторону дома грузина, что – бы забрать своих детей, решил во спасение своего семейного счастья бросить пить. С этого момента, с сегодняшней минуты он навсегда покинет вредную привычку – прибегать к алкоголю, как к спасательному кругу своей чрезмерной застенчивости перед его любовью к своей собственной жене. Если на кон поставлена семья, то он удержит её во что бы – то ни стало. Пашка больше не допустит такого, что не помнил даже того, что вытворял накануне. До такого опускаться он больше не имеет права.

После работы, забрав Леонида и Танюшку у Раиски, он первым делом решил с ними просто погулять. Последнее время он совсем не уделяет им время. Для начала зашёл с ними в магазин, накупил детям сладостей, а оттуда все вместе отправились к речке.

Был конец мая. Снег ещё лежал, но весна вступала в свои права, и уже повсюду был заметен её приход. Кое – где виднелись проталинки, грело солнышко и радовало душу, начинал распускаться багульник. Хорошее Пашкино настроение передавалось и его детям.

Лёнька первым делом кинулся с отцу с вопросом:

– Па, а мы будем костёр разжигать?

– Да, с костром было бы ещё лучше, правда, Лёнь?

Танюшка, как всегда, подхватившая идею брата, с большой надеждой стала смотреть на отца.

– Костёр, так костёр. Спички найдём, сухой хворост добудем.

Пашка торопливо стал хлопать по карманам своих брюк, выискивая спички.

– Добудем! – весело подхватил Лёнька и первым кинулся на поиски хвороста.

Склон небольшой горы, расположившейся вдоль Муякана, почти весь уже был освобождён от снега и на его проталинах были видны ветки, шишки от сосен и Лёнька, выбирая посуше хворост, бежал с ним к отцу. Тот уже поджигал первые сухие веточки и вскоре, общими усилиями, костёр набрал силу и своими язычками пламени весело заиграл на берегу реки на радость Лёньке и Танюшке.

А Павлу от этого было хорошо. Сердце его пело, он, не выдержал такого прилива радостных чувств, вскочил и решил пошалить. Ринулся к реке, стал перепрыгивать с камня на камень.

Вскоре был уже почти на середине речки. Вокруг шумел поток воды, и хотелось от радости плясать на этих камнях. Вдруг ему вспомнился плот из своего детства, уплывшего по реке Валуйки Петьку, и прыгать на камнях, играя с коварной стихией, Пашке вмиг расхотелось. Он не имеет права сейчас уплыть по быстрому течению, зная о том, что на берегу его дети. Они кричат, зовут отца вернуться. Лёнька машет руками, просит скорее возвращаться, а то того и гляди – свалится его отец со скользкого камня в холодную воду. Пашке это приятно – это здорово, когда есть кому о тебе беспокоиться.

Уже почти на берегу Пашка всё же поскользнулся и очутился в воде. Холодная вода проникла в одежду и в ботинки. Не подавая вида, что ему холодно, он весело воскликнул:

– Настоящий поход никогда не проходит без казусов.

Он быстро стянул с себя ботинки, поставил у костра сушиться. Танюшка, убедившись, что отцу не больно и совсем не холодно без ботинок и куртки, которую он тоже снял и повесил у костра, радостно закричала на весь берег:

– Ура! У нас настоящий поход! С казусом!

Лёнька смеялся над словами своей сестры и был полностью с ней согласен.

Набегавшись вдоль реки по берегу, уставшие Леонид и Танюшка присели к костру, рядышком с отцом и у Пашки на сердце было тепло от этого их прикосновения, от общения с ними, своими детьми.

Обняв обоих своих детей, Павел рассказывал им про своё детство, про Шипов лес, что находился сразу же за их домом и что из деревьев того леса строили корабли. Рассказывал про свой плот и своего друга Петьку, который мечтал стать капитаном дальнего плавания, про то, как до сих пор не знает он ничего о своём друге.

Лёнька вспомнил своего погибшего друга Виталика и признался отцу, что он очень привязался к сыну тёти Раи, что очень дорожит их дружбой и надеется, что жить они все будут долго и счастливо. Павел был согласен с сыном в том, что Раискин сын Митя хороший товарищ для Лёньки, да и вообще, очень даже симпатичный парень и ему повезло, что в роли отца он имеет Сашко. Уж он – то никогда не обидит мальчика, потому что очень любит его маму. Лёнька тут – же спросил:

– Выходит, что настоящий Митин отец совсем не любил тётю Раю? Бросил и её и сына? Но Митину маму нельзя не любить! Я, например, даже и не представляю, как бы мы все жили без неё, правда, пап?

Слова сына навели на Пашку некую грусть. Он стал натягивать на ноги непросохшие ещё ботинки, мокрую куртку, стал поторапливать детей идти домой, так как уже почти стемнело.

Пашка иногда признавался себе в том, что они с Раиской могли бы иметь ребёнка. Мальчик был бы это или девочка – Пашке было – бы абсолютно всё равно, он любил бы этого ребёнка всей своей душой. Ведь этот человечек мог бы стать созвездием двух неразлучных с детства душ. Все тайны, доверенные только друг другу, обговаривающие в шалашике или в Раискиной комнате, появившийся на свет первенец носил бы все их сокровенные мысли и тайны. Рос бы этот малыш, бережно храня в себе бескорыстную детскую дружбу мальчика и девочки, да только не случилось – не стали они мужем и женой. А Пашка был уверен – появивись на свет этот самый ребёнок, он был бы ему самым лучшим отцом на свете, самым лучшим мужем

для его матери и рассказывал бы он ему о том, как вместе росли с его мамой, о чём мечтали и грезили...

Помешивая потухшие угли костра, Лёнька проговорил:

– Не хочется уходить. Когда ещё сможем вот так вместе отдохнуть?

– Я обещаю, что на будущий выходной сможем снова придти сюда. Думаю, что и мама не откажется. Сашко и тётя Рая не очень – то любят походы, но вот Митю в следующий раз мы с собой возьмём обязательно.

Павел незаметно от детей вздохнул – как встретит его сейчас Катя? Неужели снова будет настаивать на разводе с ним?

Оглянувшись вокруг и заметив, что ещё не совсем стемнело, поторопился на склон.

Выбирая распутившиеся веточки багульника, бережно их ломал, собирая в букет.

Передавая букетик Леониду, произнёс:

– Маме принесём, она будет рада.

Лёнька, принимая от отца цветы багульник, кивнул:

– Да, все женщины любят цветы.

Вскоре все они шагали к дому, понимая о том, что их мама уже зажалась.

Отсутствие дома Катерины в такой час беспокоили Павла.

Лёнька, опечаленный тем, что не вручил маме букетик, пошёл готовиться к школе.

К нему присоединился и Павел. Лёнька, не привыкший к такому вниманию к себе со стороны отца, поторопился его заверить:

– Да сам я справлюсь, пап. Ты и так сегодня постарался для нас.

Лучше найди маму, она наверняка у тёти Раи. Отправилась нас искать. Иди и успокой её.

Слова сына заставили Павла задуматься. Он и сам собирался отправиться к грузину, что – бы вернуть жену домой, да только боялся – захочет ли видеть его Катя? Несколько раз пытался выйти из дома, да так и не решился на это.

Лёнька подготовился к школе, слонялся из комнаты в комнату, прислушиваясь к шагам в коридоре. Он ждал возвращения матери, что – бы подарить букетик, который они нарвали для неё у речки. Хотелось похвастаться о том, как хорошо они провели сегодня время с отцом, и маме это понравилось бы.

Мальчишка давно чувствовал какой – то холодок между отцом и матерью, но в их отношения не вмешивался – взрослые сами должны в своих чувствах разобраться. Он просто сочувствовал им, да и себе тоже, так как любил он их обоих одинаково. Выжидал время и искренне верил, что вопреки всему всё в их семье наладится.

Танюшка уже безмятежно спала, не дождавшись мать, и Павел отправил сына тоже спать, пообещав, что сейчас он пойдёт к Сашко и приведёт маму домой, наверняка она сейчас там находится. Пашке очень хотелось в это верить.

Лёнька про себя недовольно буркнул, что пора бы уже давно было этим заняться, но его отец этих слов сына не слышал – он уже торопился к дому грузина. Подходя к дому друга, он увидел свет в окне его кухни. Потихоньку подкрался, заглянул в окно и увидел свою Катерину, мирно беседующей со своей подругой. Облегчённо вздохнув, Пашка присел на крылечко. Здесь, здесь его Катерина, жива и здорова. Захотелось вдруг закурить, но в замешательстве сигарет он с собой не захватил и, заметив в окне грузина работающий телевизор, тихонько постучал. Вскоре в окне появилось лицо Сашко. Сквозь ночную темноту разглядел Павла, сказал радостно:

– Я сейчас, Паша!

И уже через минуту грузин вышел на улицу, угощая друга сигаретами. Затянувшись сигареткой, Пашка произнёс:

– Давай, посидим вдвоём, спокойно покурим. Жёны наши наговориться не могут. И о чём только можно столько беседовать? Неужели не наговорились на работе?

– Мы вот тоже с тобой работаем вместе, а поговорить по душам не получается. Только по праздникам встречаемся, и то редко. Последнее время ты, Паша, отстраняешься от меня, других приятелей заводишь, тебе с ними интересней, чем со мной? Надоел тебе Сашко? Стал забывать грузина? А нашим жёнам можно только позавидовать – находят время и после работы встречаться.

Павел, уловив в словах Сашко грустные нотки, поспешил заверить его, что всегда будет для него неизменным другом, что – бы не случилось. Сашко от таких слов Павла взбодрился, вспомнил, как ехали они сюда, плыли на барже. Павел же, в свою очередь вспоминал чемодан, с которым Сашко ехал покорять БАМ. Тихо смеялся, что – бы не спугнуть женщин и попросил друга никогда тот чемодан не выбрасывать – пусть он станет талисманом для всей их большой семьи. Сашко было приятно, что Павел помнит их совместный путь на эту стройку. Пospешил заверить, что чемодан цел и невредим, стоит под кроватью и даже в нём имеется немного денег:

– На свадьбу я потратился, но теперь начал деньги собирать – маме они нужны, сёстрам. Очень хочу им помочь. Из мужчин в семье я один. Мечтаю, друг, что – бы у нас с Раиской было много детей – и мальчиков и девочек. Пусть бегают в нашем доме радуют нас, своих родителей. Хороший сынишка у Раиски получился, даже если бы и не был на меня похож, я его всё – равно бы любил.

Сашко в темноте не смог углядеть в глазах друга какое – то волнение, продолжил:

– Пусть я буду эгоизмом, Паша, но очень благодарен отцу Мити за то, что дал мне своим опрометчивым поступком занять его место. Таких, как моя Раечка, не бросают, но тот человек сделал для меня очень доброе дело. Бродит где – то сейчас и не знает о том, что какой – то грузин много раз говорит ему спасибо.

Павел, как всегда поторопился поправить Сашко:

– Эгоистом, поправил по привычке друга Пашка. Когда ты уже начнёшь правильно говорить? Мне надоело тебя без конца поправлять. Пора бы запомнить русские слова, живёшь ведь среди нас, русских! – вспыхнул он вдруг.

– Не обижайся, Паша, я стараюсь запоминать всё, что ты мне говоришь, но ты не прав в том, что живут здесь одни русские. Со всех концов страны здесь народ, не надо обижаться.

Возникла пауза. По громкому вздоху друга, Павел понял, что на самом деле обидел Сашко. Пospешил свою оплошность исправить:

– Ты хороший парень, Сашко и хочу сказать только одно, что и Раиске, и её сыну, и всем нам повезло тем, что с нами находится такой человек, как ты. Это я говорю сейчас от души, от всего сердца. Ладно, пойду я, дети одни. Поторопи Катерину, пусть тоже идёт домой, я сейчас с ней не готов встречаться, разговор был сегодня между нами не очень приятный, но, думаю, всё образуется.

После этих слов Павел, пожелав Сашко спокойной ночи, удалился. Ну а через несколько минут Катерина вошла в дом в сопровождении грузина, который не отважился отпустить гостью в подвыпившем состоянии.

А Лёнке так и не пришлось преподнести маме букет, который они сегодня нарвали для неё на склоне у речки. Он уснул, не дождавшись ни отца, ни матери.

Утром Павел отпросился с работы, что – бы взять отгул. Отвёл дочку в сад и вернулся к Катерине. После вчерашних посиделок с подругой, ей нездоровилось. Поинтересовавшись о детях и убедившись, что Лёня в школе, а Танюшка в садике, Катя поднялась с постели, пошатываясь, направилась к умывальнику. Комната кружилась. Увидев Павла, удивлённо спросила:

– А почему ты не на работе?

Не дождавшись ответа, скривилась от подступающей тошноты, торопясь к умывальнику, успела произнести сокрушённо:

– И как вы, мужики, можете употреблять эту гадость?...

Вчера лишь пару рюмок выпила, а впечатление такое, будто неделю принимала это зелье. Всё тело болит, словно побитое! Нет, пойду лучше прилягу, плохо мне что – то.

Привыкшая по утрам принимать водные процедуры, делать зарядку и бегать в любую погоду, Катерина сейчас не могла и думать об этом.

Умывшись кое – как, она снова направилась к кровати. Думалось об одном – скорее лечь.

Павел положил жене на лоб мокрое полотенце, побежал ставить чайник. Целый день он не отходил от неё, заваривал чай с травами, с брусникой, уговаривал, как маленькую, хоть немного поесть.

Только к вечеру ей стало лучше. Смотрела Катя на Павла, который в её кухонном фартуке бегал от её кровати на кухню и обратно, смотрела, и стало ей отчего – то вдруг весело. Хорошее настроение дополнило ещё одно обстоятельство – на пороге появились Лёнька и Митя. Они вернулись из школы и, так как Митя жил намного дальше, то по дороге из школы мальчики всегда заходили сначала к Лёньке, о чём – то своём школьном разговаривали, что – то вместе делали, а потом Лёня провожал своего друга до его дома.

Так водилось всегда, так было и сегодня. Эти оба мальчишки напомнили сейчас Кате о том, что у её сына есть теперь брат. И знает об этом только она. Ни Павел, ни Леонид ничего ещё об этом не знают. А ей, почему – то, было от всего этого хорошо.

Тепло и по – семейному – муж хлопочет вокруг неё в фартуке. Даже отгул взял, что – бы поухаживать за приболевшей своей женой. А теперь у неё появился ещё один сын, которого она с большой радостью и без всяких сомнений приняла в своё сердце.

Вскоре перед ней предстали Лёнька, Митя и Павел, все они держали в руках веточки багульника. Мальчишки стояли по обе стороны Павла, а тот совсем не догадывался, что стоит между двумя своими сыновьями. Сейчас Катерина почувствовала угрызение совести за Павла. Он даже и не подозревает, что бок о бок с ним сейчас его сын Митя. Леонид торопился рассказать матери, как хорошо они вчера вместе с отцом провели время на берегу реки.

Принимая букетики багульника, прижимая его к сердцу, Катя, вопреки всему выглядела сейчас вполне счастливой женщиной, а Пашка вдруг сообразил, что появилась возможность ещё раз попросить прощения у своей жены.

Дождавшись того момента, когда Леонид пошёл провожать Митю, он подошёл к кровати, на которой всё ещё лежала и выздоравливала его жена, Пашка встал на колени, несмело заглянул в глаза Кати, произнёс:

– Ты простила меня?

Катерина, продолжая думать о Мите и о том, как отнесётся Павел к такому известию, внимательно посмотрела на мужа, сказала:

– Поживём, увидим. Иди в детский сад за дочкой, а я сейчас встану, приведу себя в порядок. Вчера я расслабилась, позволила себе лишнее и это на моей совести. Совсем необязательно это было делать. Хотя не зря мы так долго беседовали со своей подругой – интересную новость от неё узнала.

Катя загадочно посмотрела на Павла, добавила:

– Люди в этой жизни только этим и занимаются, что учатся прощать друг друга. Хотя бывает трудно это сделать, и бродят наши ошибки по свету неисправленные. О иных уж и думать забыли, о иных и не догадываемся, а те никуда не делись, а всё ждут исправления. Я, пожалуй, прощу тебя на этот раз, но только ради детей. Понимаешь, Паша, все мы живём в этом мире ради них. Постарайся своих детей больше не огорчать. Они должны жить в доброте, заботе, ласке, и любви.

Пашка смотрел на жену и не узнавал её – сейчас – она говорила загадочно, но перебивать её не стал, а только кивал головой, соглашаясь с каждым её словом. Ему было абсолютно неинтересно, о чём вчера его жене поведала Раиска. Главным для него было то, что сейчас

он прощён. Улучшив, момент, поцеловал сопротивляющуюся жену в щёчку, быстро оделся и поторопился за дочкой в детский сад.

Катерина, проводив мужа уже дружелюбным взглядом, встала с постели, отправилась к умывальнику. Холодной водой постаралась смыть с себя вчерашний день – напоминание о порванном Павлом концертном платье, о своём решении расстаться с мужем и выпроводить его в общежитие.

Вчера она была решительно на это настроена, но сегодняшний день расставил всё на свои места, и Катя решила от своей вчерашней идеи отказаться. Так или иначе, но она постарается забыть неприятные недавние события.

Вспомнился отец. Тогда, на сопке Урала он говорил значимые слова, дающие права любому человеку дать шанс исправиться, протянуть ему руку помощи. И не правильно это, что дружить и общаться нужно только с людьми положительных качеств. Тому, кто оступился тоже нужно помочь. И куда важнее будет то, что именно ты сумел показать оступившемуся правильный путь. Пусть это будет всего лишь один человек, но уже можно считать, что жизнь свою ты прожил не зря. Может и прав её отец? Неужели она, его дочь не сможет стать тем самым спасателем хотя бы для кого –нибудь? Пусть для начала таким человеком станет её Павел. Как – никак, а он ей не чужой. И если уж в Библии сказано – помоги ближнему своему, так кто, как не её муж для неё сейчас самый близкий? И сегодня так хлопотал вокруг неё! Не рассчитала вчера Катерина, выпила лишнее, другим проблемы создала. Стыдно от этого и неловко. Разговор с подругой тоже дал результат – она простит Павла.

– Всё, хватит валяться в постели, пытаюсь обличить мужа в постыдных его выходках, а сама – то хороша, ничего не скажешь – улеглась, ожидая помощи от кого – то для своей больной головы, а виноват в этом никто не иной, как она сама!

Досадуя на то, что скоро вернуться её домочадцы, а она в болезненном виде, бросилась приводить себя в порядок, наводить порядок в комнатах.

Вскоре вернулись Павел с дочкой. Танюшка без конца тараторила о том, как провела день в детском саду, Павел же был рад тому, что его Катерина была в бодром настроении, добром духе. За ужином, когда вся семья была в сборе и дружно уплетала оладьи со сгущёнкой, Кате уже совсем не хотелось думать о плохом.

Перед тем, как лечь спать, Павел тихо произнёс:

– Спасибо, что всё поняла и сумела простить. Я, идя в детский сад за дочкой, вспомнил вдруг, что я порвал на тебе платье. Мне очень стыдно за это. Ведь я думал, что всё это мне приснилось, а ты мне не призналась. Я понял твоё желание расстаться со мной, но сегодня за ужином понял и другое – ты простила меня. Или мне показалось?

– Нет, не показалось, я простила тебя и решила дать нам обоим ещё один шанс. Не скрою, Паша, что мне это далось нелегко, но я попытаюсь сохранить нашу семью. Только и ты, пожалуйста, делай для этого всё, что можешь.

Пашка прошептал, целуя Катины глаза, щёки, губы:

– Я очень буду стараться и тебе больше не придётся бежать к Раиске, что – бы откровенничать с ней и из – за меня так напиваться. Шучу, конечно, знаю, что тебе достаточно и одной рюмки, что – бы потом тебе было плохо. Но обещаю, что больше не дам тебе повода размышлять о нашем с тобой разводе и сделаю всё, что – бы в нашей семье всегда царил мир.

Катерина слушала Пашкины речи, сама думала о том, как всё обернется потом, после знакомства с сыном? Ведь он ещё не знает об этом.

А Павел, прижав к себе самую любимую женщину на свете, уснул счастливым спокойным сном.

Вскоре все Пашкины обещания о мире и покое в семье были перечёркнуты.

Было воскресенье, и вся семья Павла собиралась на концерт Понаровской. Павел, наряжая дочку в праздничное платьице, обещал, что после концерта они все вместе обязательно

пойдут к реке посмотреть как весело и быстро она куда – то стремительно бежит. В это время к ним вбежала Раиска. Бросив на ходу всем:

– Привет, – она пролетела мимо Катерины, подбежала к Павлу, стала трясти его за майку, причитать:

– Спаси моего сына, срочно нужна кровь для переливания! Ночью скорая увезла его в больницу. Желтуха у него, взяли кровь на анализ, а она плохая. Сейчас ему нужна кровь, а такой, как у Мити, первой, не оказалось в больнице. Если не найдут здесь, то мальчика повезут в Иркутск. Я сойду с ума, если моего сына туда увезут, это же так далеко!

Раиска причитала и сквозь слёзы половина её слов были не совсем понятны ни Павлу, ни Катерине.

Пашка стоял с красной лентой в руках, предназначенной для Танюшкиного банта и пока совершенно ничего не понимал. Он недоумённо теребил ленту, в упор смотрел на Раиску и бубнил:

– А я – то здесь, при чём? Откуда ты знаешь, какая у меня группа крови? Я, и то её не знаю, если и знал, то давно забыл.

Катерина воскликнула:

– Я знаю, я вспомнила, что когда ты лежал в больнице с воспалением лёгких, тебе вливали первую группу. Я точно это помню.

В то время, как Павел находился в полном недоумении, женщины уже натягивали на него рубашку, обувь... Не попадая ногой в ботинок с перепугу от Раискиного рёва, он вдруг отцепил от себя и её и Катерину, закричал на обеих:

– Вы что, как ненормальные! Все дети болеют. Вечно вы, мамы, поднимаете панику, не разобравшись. Нужно всё обдумать, взвесить, а уж тогда и высказывать свои эмоции... И вообще, я ничего не понимаю! Дайте прийти в себя, наконец – то!

Пашка ещё хотел что – то сказать, да не успел – Раиска схватила своего закадычного друга за грудки, всхлипывая, проговорила:

– Я тебе сейчас так взвешу, что мало не покажется. Сказано тебе, что – бы ты немедленно бежал в больницу сдавать кровь для сына. Для нашего с тобой сына Мити, он умирает, я тебе ясно говорю, или нет? У вас с ним одна кровь...

Лучше бы она это не говорила – Пашка от этих её слов вовсе замер как вкопанный и устался на неё, пытаясь вникнуть в то, что он только что услышал.

Раиска, что – бы привести его в чувство, мощной своей рукой врезала пощёчину.

Из детской комнаты выбежал Лёнька. Сообразив всю суть происходящего, он встал перед Раиской, протянул свою худую руку:

– Я отдам свою кровь Мите. Он мой брат, а значит и кровь наша с ним одинаковая.

Давайте же что – нибудь делать! Я не могу потерять ещё одного друга, не хочу терять брата!

Только после этого взрослые засуетились. Павел, немного придя в себя, стал поторапливать всех и поспешил за сыном, который первым выскочил в коридор.

Танюшка, как не торопилась одеться и побежать вместе со всеми в больницу, не успела, осталась одна и, глядя в окно, заревела во всё горло. Ей было обидно, что оставили её здесь, а ведь она тоже могла бы пригодиться Мите в больнице, он теперь и её брат тоже. Так или иначе, оставалось одно – смотреть в окно и ждать, пока не вернутся взрослые.

Раиска бежала к больнице с большим страхом. Ей казалось, что как только она переступит её порог, так сразу ей сообщат что нибудь плохое про Митю. От таких мыслей становилось жутко и подкашивались ноги. В больнице сейчас Сашко.

Почти половина ночи провёл он вместе с Раиской в приёмном покое, пока мальчика обследовали. Митя недавно жаловался на боли в боку и тошноту, да думалось, что пройдёт всё само по себе. У детей часто такое бывает. Набегаются, напрыгаются, оттого и животы потом

болят. Да только на этот раз боли у Мити не проходили. В больнице у него определили желтуху в какой – то тяжёлой форме.

Сашко сидел в коридоре, а как только увидел Павла, тут – же поволок его в кабинет к врачу.

У Пашки взяли кровь, предварительно проверив её на соответствие. Кровь Пашкина подошла, и Сашко поторопился в коридор успокоить женщин.

Раиска вышагивала по коридору, шептала молитву о выздоровлении сына. Катя смотрела на дверь процедурного кабинета и тоже молила Всевышнего о том, что – бы всё обошлось. Лёнька сидел рядышком с грузином и тихо с ним разговаривал. Он убеждал Сашко в том, что если у его папки не хватит крови, то он готов сдать свою, для этого он и прибежал сюда.

– У меня много крови, я же молодой и могу поделиться ею с братом, мне не жалко! Сашко обнял мальчика, произнёс:

– Значит, ты теперь знаешь, что вы с Митей братья?

– Да, знаю, – ответил Лёнька грустным голосом. Вот только мне не везёт ни на хороших друзей, ни на братьев. Был у меня друг Виталька, был он мне как брат, но я его потерял. Теперь, когда встретил настоящего родного брата, то выходит так, что могу и его потерять. Зачем так, Сашко? Ведь у нас с Митей столько планов!

– Нет, Лёня, Митя от нас никуда не денется. Здесь, в больнице, его вылечат. Тем более, что сейчас с ним его отец – ваш отец и он не допустит, что – бы его сын Митя, которого он только что приобрёл, смог куда – то исчезнуть. Митя не может просто так нас всех покинуть, он теперь не имеет на это никакого права. Он должен ещё узнать всю правду, познакомиться со своим настоящим отцом. Судьба не зря их свела вот таким образом. Поправится твой брат, обязательно поправится». Через некоторое время из процедурного кабинета вышел Павел. Был он бледным, шатающей походкой прошёл к дивану, где сидела Катерина, поднял руку, сжав её в кулак, тем самым убеждая всех, что всё теперь будет хорошо. Раиска кинулась к Пашке с вопросом:

– Да не молчи ты, как рыба, скажи хоть намёком как там Митя? Он в сознании?

У Пашки перед глазами всё кружилось, во рту пересохло так, что хотелось очень пить. Говорить сейчас что – либо не было никакого желания. В ответ на Раисины вопросы он только махнул рукой.

Спас его доктор, который вышел в коридор. Он поспешил успокоить Митиных родственников и объявил, что беспокоиться не стоит, мальчику поставили капельницу и теперь всё страшное позади. Полежит некоторое время в больнице, подлечится и выйдет на свободу. Лёнька гладил руку отца, шептал:

– Тебе больно, да, пап? Но зато ты спас нашего Митю.

Катерина полезла за платочком вытереть набежавшие слёзы.

Раиска попыталась прорваться в палату к сыну.

Медсестра, поправляя капельницу возле мальчика, тут же попросила её удалиться и впредь не нарушать покой больного. Раиска всё же успела заметить, что глаза Мити открыты и вполне осознанны. Даже румянец на его щеках заметила, а ведь со вчерашнего дня на лице сына не было ни кровинки.

Эти Раискины наблюдения немного успокоили сердце и она, уже с облегчённой душой вышла снова в коридор, где находились все её близкие.

Сашко держал под руку Павла, объявив всем, что пора теперь спасать донора. Сейчас не повредили бы его другу шоколад и хорошее вино, которое у него, Сашко, имеется про запас. Все дружно с этим согласились и решили немедленно идти к грузину. Лёньку отправили к Танюшке, сидит там одна и, наверняка скучает. Лёнька и не сопротивлялся, что ему делать у тёти Раи, если там нет Мити?

Сделав вид, что направился к дому, Лёнька обогнул угол больницы и, убедившись, что взрослые удалились от больницы, повернул назад. Танюшка никуда не денется, он только посмотрит на Митю краешком глаза и побежит к сестре.

Вычислив окно палаты, где должен был находиться его брат, он подтянулся и поднялся на высоком фундаменте, заглядывая в окно. Приглядевшись, увидел удручающую картину – Митя лежал в белых простынях, совсем один и над ним висела перевёрнутая бутылка с папиной кровью. Лёнька заметил про себя одно немаловажное обстоятельство – дежурной медсестры возле Митиной кровати нет. Как же так! Она должна находиться в палате больного! Не успели родственники уйти, как она смылась. Это Лёньке совсем не понравилось. А вдруг Мите что –нибудь срочно понадобится!

И тут он заметил, что Митя махнул ему рукой, другой, свободной от иголки. Лёнька так обрадовался, что закричал громко:

– Ты выздоравливай, брат! Папкина кровь сильная, обещаю, что никогда меня не оставишь, слышишь?

Митя кивал головой, соглашаясь со своим другом. А Лёнька продолжал:

– Ты мне очень нужен, поэтому держись!

Митя продолжал кивать головой, понимая Лёньку. Присмотревшись к лежащему брату, Лёнька заметил, что тот плачет. Что – бы самому не расплакаться, решил насмешить Митю.

Он припечатал своё лицо к стеклу, и получилась очень смешная рожица. Митя сквозь слёзы рассмеялся. В это время в палату вошла медсестра. Она несла градусник Мите. Поправила капельницу, заметила в окне Лёньку, пригрозила. Теперь можно и уходить. Он рассмешил брата и хотя он под капельницей, но зато живой, а остальное папина кровь доделает.

Облегчённо вздохнув, Лёнька поспешил домой, к Танюшке.

Его сестрёнка, наплакавшись вволю, сидела в окружении кукол и была настроена на дальнейшее одиночество.

Увидев брата, она побежала ему навстречу, спросив на бегу:

– Отдали кровь? Лёнька засмеялся. Смешная у него сестра, иногда заботливо, как мама, спрашивает:

– Ты не голодный? Шарфик повязал? Варезки не забыл? От такой заботы маленькой его сестрёнке Лёньке думалось: счастливый я всё же человек! У меня такая замечательная сестра, теперь есть и брат. И ему захотелось сделать что – то приятное для Танюшки. Умыв грязное от слёз её лицо, спросил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.